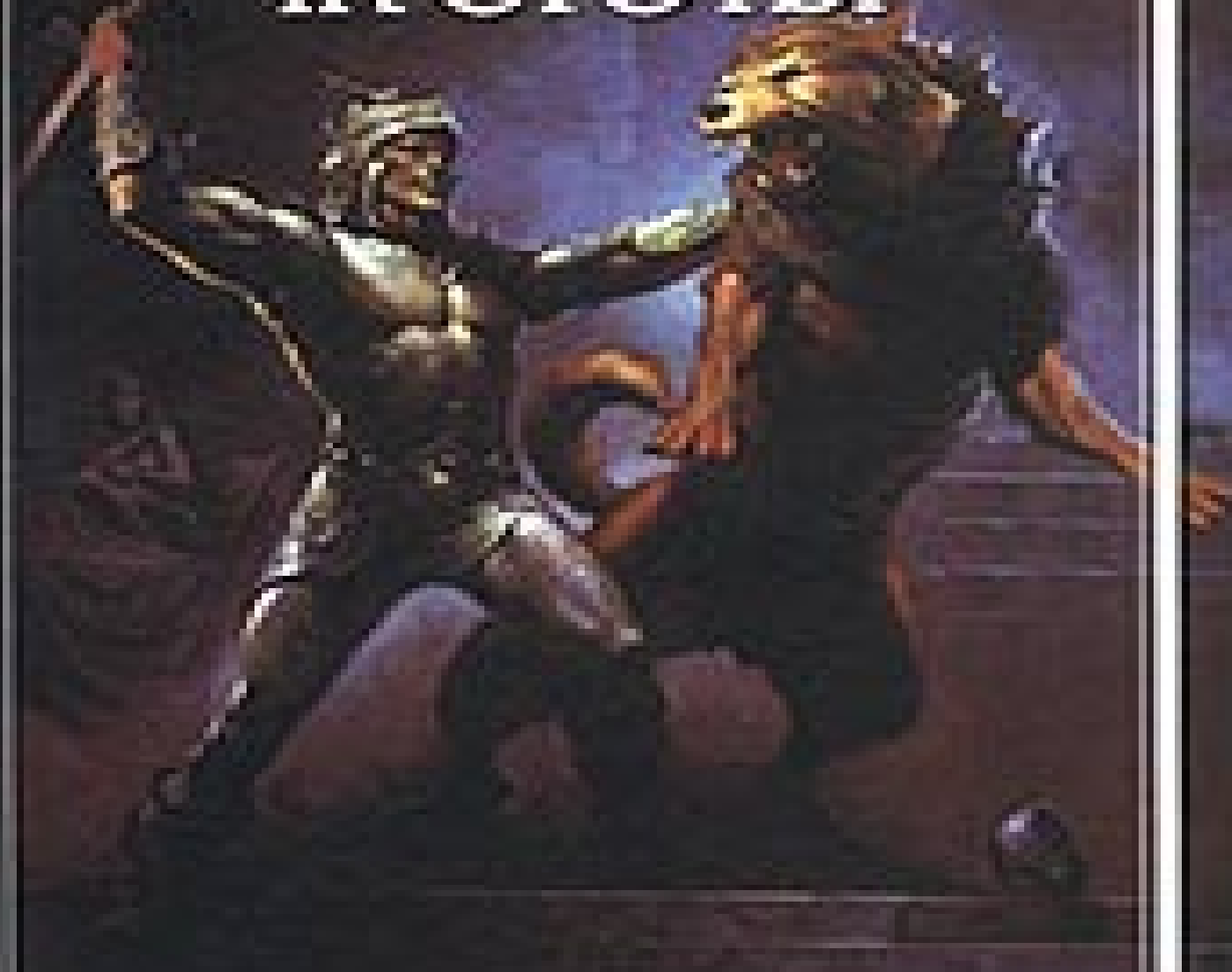

КОМАНДА

КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ

В новом томе `Саги о Конане` читателя ждет увлекательное продолжение тетралогии Олафа `Трон Дракона`, повествующей о событиях, потрясших всю Хайборию во времена правления короля Конана.

- [Олаф Бьорн Локнит](#)
 - [СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ЗАМЕТКИ МЕЖДУ СТРОК](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ЗАМЕТКИ МЕЖДУ СТРОК](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Олаф Бьорн Локнит
Талисман всадника

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ

Предлагая благосклонному исследователю событий дней давно минувших вторую часть книги воспоминаний непосредственных участников и очевидцев мы, составители этих мемуарий – Хальк, барон Юсдаля из Гандерланда, и Хэлкарс, барон Целлиг из Бельверуса, хотели бы напомнить почтенному читателю, что, с сожалением, мы не включаем в общий трактат все имеющихся у нас на руках рукописи и дневники, ибо в противном случае наш труд разросся бы до пределов необозримых.

Во второй части книги, условно обозначенной нами общим титлом «О Троне Дракона и пришествии Пламени Вечности», мы решили использовать лишь воспоминания наиглавнейших действующих лиц истории, связанной с таинственным государственным переворотом в Немедийском королевстве, а именно – юной баронессы Долианы Эрде, графа Монбронна Танасульского, волшебника Тотланта из Пограничья и непосредственно одного из составителей сего труда – Халька Юсдаля.

Однако мы сочли необходимым обратиться за разъяснениями некоторые не совсем ясных моментов этой длинной повести к брату госпожи Ринги Эрде, Рейениру Морадо да Кадена из Рабиров – сам он предпочел не записывать свои воспоминания, а лишь поведал авторам об эпизодах, которым был свидетелем, и некоторых личностях, сыгравших изрядную роль в битве за немедийскую корону. Поскольку месьор Рейенир – суть пристрастный свидетель, он сам заявил, чтобы к его доле повествования относились с некоторой осторожностью, ибо Рейенир, как натура увлекающаяся, склонен к преувеличениям, недомолвкам и даже приукрашиванию действительности.

Можно бесконечно долго рассуждать о причинах и истоках той запутанной цепи событий, битв, несдержанных обещаний и исполненных клятв, которые в летописях именуется «Часом Дракона», но большинство ученых мужей Материка сходятся в одном: старение мира, близость нашего универсума к неминуемому закату и влечет столь тяжкие, влияющие на судьбы человеческого рода бедствия. Почти две тысячи лет человеческой цивилизации привели людей к пику развития разума, однако мы с величайшим сожалением можем отметить, что цивилизация наша постарела, застыла на одном из витков спирали и, возможно, идет к неминуемой гибели, когда нас сменят другие, более молодые и активные народы, способные продвинуться гораздо дальше хайборийцев во всех сферах бытия, начиная от вечных ценностей культуры до магии.

Сим грустным пассажем мы и завершим вступительное слово ко второй части книги мемуаров и надеемся на то, что всякий читатель благосклонно примет изложенные нами сведения и запомнит: нет беды, которую нельзя обороть, но время необоримо.

Аквилония, Тарантия. Подписано на Праздник Середины лета 1296 года собственной рукой Халька Юсдаля из Гандерланда, а с ним и удостоверяется росчерком Хэлкарса, барона Целлига из Бельверуса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Записки Долианы, баронессы Эрде – I

«Ночь без конца»

Немедия, Бельверус.

Ночь с 16 на 17 день

Первой весенней луны.

Унылое, должно быть, зрелище – трое молодых людей и юная девица, мающиеся дурными предчувствиями и лишённые возможности что-либо изменить. Наверное, точно также ощущает себя экипаж корабля, гибнущего на просторах Закатного океана. Все понимают, что судно вот-вот переполнится водой и канет ко дну, что добраться до берега невозможно и все кончено, однако в душе всегда тлеет надежда на помощь Великого Случая.

Вот и мы, сиречь мой брат Вестри Эрде, двое преданных конфиденентов моего отца – Кеаран Майль и Дорнод Авилек – и я, Долиана Эрде, сидим в медленно погружающейся в темноту гостиной особняка рода Эрде. Ждем: вдруг что-то произойдет? Прислушиваемся: что происходит за крепкими каменными стенами? Искоса переглядываемся: не решится ли кто заговорить и нарушить тишину?

Впрочем, наши разговоры ни к чему не приведут. Время праздных обсуждений миновало, приходит пора действий. Только вот никто из нас не знает, что делать и куда кидаться. Явных врагов вроде бы нигде не замечается, а ожидание опасности выматывает куда сильнее самой опасности.

Полагаю, Вестри и мне ничего не угрожает. В крайнем случае – высочайшая немилость и высылка из столицы. Большая часть королевской опалы будет предназначаться нашему отцу, Мораддину Эрде, главе Пятого департамента Немедии, сиречь второму или третьему лицу после правителя страны. Наш отец и сейчас уже пребывает в немилости – его подчиненные допустили гибель верховного канцлера Тимона Айнбекка. Грозный Мораддин был подвергнут домашнему аресту, в замке Вертрауэн, где находятся архивы Пятого департамента, уже второй день распоряжаются люди из Королевского Кабинета, заклятого врага месьора Эрде, у всех входов в наш дом торчат королевские гвардейцы, посещения запрещены... Однако не далее, как вчера вечером, отец беспрепятственно покинул оцепленный дом и отправился не куда-нибудь, но в самое сердце шторма – в замок короны.

Вернулся он слегка обнадеженным, из чего я и Вестри сделали вывод: дела семейства Эрде не так плохи, как кажется. Король Нимед, конечно, гневается на отца за допущенный промах, но понимает, что Вертрауэн и его хозяина нельзя запросто сбрасывать со счетов. Эрде слишком многое известно, и добрый десяток лет именно он незаметно определял направление, в котором предстояло двигаться стране. Двое Эрде, светлейший герцог Мораддин и его жена Ринга – две неприметные тени за Троном Дракона, все знающие, все слышащие и предугадывающие возможные действия противников на три шага вперед.

Но сейчас начало твориться нечто ужасное. Наша мать по неведомым причинам потеряла рассудок. Отец вызвал недовольствие сильных мира сего. Внезапно умер король Нимед, и теперь над его остывающим трупом идет схватка за корону. Наследник, принц Нимед, трое его братьев, из коих наиболее предприимчив младший, Ольтен, их союзники и

противники, Королевский Кабинет во главе с загадочным месьюром Хостином Клеосом, да еще племянник покойного короля, Тараск Эльсдорф Кофийский с компанией верных прихлебателей. Не забудем также бурлящую с сегодняшнего утра немедийскую столицу. В исторических летописях описано немало случаев, когда толпа возносила на трон своего избранника, нимало не считаясь с желаниями обитателей коронного замка и не интересуясь происхождением своего кумира. Иногда из таких получались хорошие правители, но чаще их заботило только одно – как бы прожить лишний день и чем бы наполнить сундуки.

Звякнуло о каменный столик донышко серебряного графина. Майль, наливавший себе вина, вздрогнул и виновато посмотрел на нас.

– Мне тоже, – полушепотом сказал Вестри и подставил бокал. Я присоединилась к братцу, хотя пить совершенно не хотелось. Сладкое шемское вино перекатывалось на языке как перебродивший уксус.

«Это будет длинная ночь, – пришла неожиданная и болезненно-тревожная мысль. – Такая длинная, что кому-то из нас не суждено увидеть рассвета».

Невдалеке скрипнула открываемая дверь. Привычный звук означал, что Мораддин Эрде вышел за какой-то надобностью в коридор. Кеаран и Дорнод совершенно одинаковым жестом приподнялись с кресел, дабы по первому знаку сорваться с места и, подобно опытным гончим псам, устремиться туда, куда прикажет их могущественный начальник.

– Дана, – отец заглянул в приемную комнату. Увидел наше молчаливое собрание, настороженные лица своих наилучших помощников, но ничего не сказал, обратившись ко мне: – Дана, нам нужно поговорить.

Я послушно поднялась, чтобы отправиться вслед за отцом. Майль поймал меня за рукав платья, яростно прошипев:

– Сделай милость, узнай, ради чего мы тут варимся в собственном соку! Надо что-то предпринимать! Горожане вот-вот начнут крушить все подряд! Что творится во дворце – я стараюсь не задумываться... Мы должны быть там!

– Попытаюсь, – обещала я и почти на цыпочках пробежала краткие десять шагов, разделявшие приемную и отцовский кабинет.

Потрескивал разожженный камин, бросая расплывчатые багряные сполохи на пол и стены, выхватывая из полутьмы позолоченные корешки толстых книг и очертания разбросанные пергаментов. На коврике перед очагом беспокойно дремал старый пес-волкодав, наш общий любимец Бриан. Качались над столом острые язычки десятка свечей, отражаясь в темно-вишневой полированной поверхности. Отец стоял у окна, смотря на погружающийся в вечерние сумерки мокрый сад и суетливо мелькающие за оградой уличные огни.

– Боюсь, тебе и твоему брату придется уйти. Немедленно, – тяжело проговорил он, не оборачиваясь. – Собирайся. Возьми охотничий костюм, какое-нибудь оружие и деньги. Помнишь, чему я тебя учил?

– Постоялый двор «Путеводная звезда», хозяина зовут Яхмак, слова – «Лес горит», – не задумываясь, отчеканила я накрепко заученные наставления и растерянно добавила: – Но как же ты и мама? И Майль, и Кеаран, и Хейд, и все остальные?

– Мы как-нибудь не пропадем. Научились выживать.

– Если вы остаетесь, то я тоже никуда не пойду, – сама не знаю, откуда у меня вдруг хватило решимости возразить отцу. – Я не маленький ребенок, чтобы при малейшей опасности бежать и прятаться под стол.

– Дана, дело зашло слишком далеко, – голос отца стал умоляющим. – Я не могу рисковать. Уходи, пока не поздно. Уходи. Прошу тебя.

– Но... – я окончательно смешалась. – Но мама...

– Я позабочусь о ней. О ней, о Вестри и о тех, кто мне верно служил. Вестри уйдет другой дорогой, потом вы встретитесь. Ты сделаешь, как я сказал? Я приказываю, наконец...

Краем глаза я покосилась в сторону окна. Вдоль ограды сада выстроилась извилистая гирлянда из трепещущих на ветру факельных огоньков. Сквозь мелкие толстые стекла доносились громкие выкрики.

– Там что-то происходит, – я попыталась отвлечь отца и кивнула на окно. Мораддин подошел и встал рядом со мной, но, казалось, на самом деле его разум не здесь. Он уговаривал меня покинуть дом, однако при этом вряд ли осознавал, с кем говорит и зачем требуется мой уход. Это непонятное поведение отца испугало меня куда больше загадок безумной матери и жутковатых рассказов аквилонского гостя Маэля Монбронна о горящем над столицей незримом алом пламени. – Папа? Папа, очнись! Около нашего дома собрались какие-то люди!

– Я не гожусь в вершители судеб, – очень спокойно и почти равнодушно произнес Мораддин. – Зря я это сделал – помог Нимеду до срока покинуть мир. Твоя матушка была бы против. Она всегда повторяла, что негоже в бурю хвататься за руль корабля и пытаться его развернуть. Пусть несет ветром. Буря равно или поздно успокоится. А я – я решил слегка подправить ход истории. Ничего из этого не вышло.

– Папа? – я окончательно перестала понимать, о чем он.

– Это красное сияние... – пробормотал отец. – Ты его видишь?

– Нет! Я не вижу никакого сияния! Зато я вижу толпу под окнами! – завизжала я и попятилась к дверям. – Папа, надо что-то делать!

– Поздно, – он повернулся и точным, рассчитанным движением перевернул стоявший на столе бронзовый шандал со свечами. Громадный канделябр опрокинулся прямо на россыпь пергаментов, немедленно затрещавших и окутавшихся желтоватым огнем.

Кажется, я завопила в голос и вылетела в коридор, взывая о помощи. За мной тяжелыми прыжками неслись перепуганный Бриан. Отец не тронулся с места.

Он остался в своем кабинете, наполненном фолиантами, картами, письмами и рукописями. Остался среди разгорающегося пламени.

* * *

Мой отчаянный вопль услышали. В коридоре я чуть не сбила с ног Майля, схватившего меня в охапку и потащившего прочь от распахнутой двери кабинета. Прямоугольный проем стремительно окрашивался в призрачно-алые и синевато-серые тона, и какая-то часть моего соображения отметила, как это красиво – струящийся поверху дым и разгорающийся под ним костер.

Вестри и Авилек сделали попытку ворваться в кабинет и вылетели обратно, кашляя, чихая и вытирая слезы. За ними высунулся длинный сине-багровый огненный язык и почти игриво коснулся моего брата. Вестри с воплем отскочил, невидяще глянул на нас и, выждав

подходящий момент, снова ринулся навстречу разгорающемуся пламени. Его не успели остановить.

Я не хотела кричать, но будто со стороны увидела молоденькую девчонку, которая сгибается пополам, заходясь в неразборчивом отчаянном вое. Кажется, я беспрерывно выкрикивала имена отца и Вестри, зовя их обратно, умоляя вернуться, и замолчала только от пары хороших оплеух – сначала слева, потом справа.

Ударил меня Дорнод, и я до сих пор благодарна, что он это сделал. Иначе я бы рисковала пойти по стопам моей несчастной матушки и потерять рассудок прямо здесь, в коридоре, среди золотисто-черных искр, рассыпающихся во все стороны и уже воспламенивших старинные шпалеры, украшавшие стены.

Вестри, окутанный дымом, появился на пороге и едва не упал, подхваченный Кеараном. Его одежда тлела, испуская резкий запах паленой кожи и ткани. Брат наполовину потерял сознание, но все же успел неразборчиво пробормотать:

– Я искал... Дым, все в огне... Не найти...

В кабинете с грохотом обрушилась потолочная балка, зацепившая и опрокинувшая один из книжных шкафов. Пламенные лохмотья тянулись к потолку, слизывая и обугливая искусную резьбу по дереву. Под ногами стелился сизоватый едкий дым, и я вдруг поняла, что мы стоим по колено в быстро крутящихся, переливающихся с место на место сероватых потоках.

– Уходим, – непререкаемо произнес Дорнод Авилек. – Уходим немедленно.

– Там отец! – Вестри, казалось, был готов броситься на Дорнода с кулаками. – Мы имеем права оставлять его там! Нам нужна вода, еще не поздно залить огонь, может, мы сумеем вытащить его!..

– Бесполезно, – Дорнод будто вынес приговор, окончательный и не подлежащий обсуждению. – В таком огне не выживет никто. Скорбеть и оплакивать потери будем позже. Сейчас нам предстоит покинуть дом. Пожар скоро перекинется на соседние покои.

– Все сгорит? – я обнаружила, что вполне могу говорить, только голос был какой-то посторонний, сухой и надтреснутый.

– Скорее всего, – не стал лукавить Дорнод и потащил нас за собой, к лестнице, распорядясь на ходу: – Какое-то время у нас есть. Нужно потратить его с пользой. Майль, мы заберем кое-какие бумаги. Вестри, позаботься о сестре. Вам обоим стоит переодеться во что-нибудь менее заметное. Разыщите оружие, с которым можете управляться. Захватите все имеющиеся под рукой деньги и какие-нибудь ценные побрякушки. Я предупрежу Хейд и слуг, впрочем, они наверняка сами обо всем догадались. Действуем быстро, но без лишней суеты. Через четверть колокола встречаемся внизу, у главного входа. Дана! – он наклонился надо мной и резко встряхнул за плечи. – Дана, ты все поняла?

Должно быть, у меня был совершенно отсутствующий вид, ибо в моей голове царил вопиющая пустота, как внутри бронзового храмового колокола, и среди выгнутых звонких стен бесцельно метались слова Дорнода. Однако я смогла уверенно кивнуть и напомнить:

– Мать. Ринга Эрде. Подвал.

– О боги, она осталась в подземельях! – с яростью хлопнул себя по лбу Майль. – Я знаю, где хранятся ключи! Сбегаю туда, может, мы с Клейном сумеем как-то ее увести. В крайнем случае, отсилятся...

Оглушительно громко вылетело расплавившееся от жара стекло и послышался глухой треск – должно быть, начали рассыпаться огромные книжные шкафы, громоздившиеся в

отцовском кабинете почти до самого потолка. Наша библиотека! Отец! Что нам делать? Книжки, книжки горят! Почему лает Бриан? Угмоните кто-нибудь эту собаку, я не могу слушать, как он заходится лаем!

– Бегом! – толкнул меня в спину Авилек. – Дана, пошевеливайся, ради всех богов!

– Мы быстро, – проговорил Вестри, схватил меня за руку и поволок за собой. Я бежала, спотыкаясь и глотая становящийся невыносимо горячим воздух. Сверху долетал постепенно растущий свистящий гул.

Пока мы добирались до наших комнат, Вестри едва не превратил мою кисть в мешанину из переломанных косточек. Я попыталась отобрать руку – сначала осторожно, потом решительнее. Брат не отпускал.

– Вестри! – взмолилась я. – Вестри, мне больно!

Он медленно разжал пальцы и растерянно уставился на меня, похоже, не узнавая. Я отчетливо видела промелькнувший в его глазах вопрос: «Кто ты, девочка?», но спустя миг он вспомнил. Вспомнил, качнулся к стене и сполз вниз по ней, сжавшись в нелепый, раскачивающийся из стороны в сторону комок, исходящий беззвучным воем.

– Вестри, не надо, – я присела рядом, уверенная, что сейчас расплачусь в три ручья. Слез почему-то не было. – Дом скоро начнет рушиться. Вестри, послушай, это же я, Дана! Вестри, ты должен взять себя в руки!

Он еле заметно кивнул. Попытался встать, не смог, завалившись набок. Я поддержала его, заметив, что гладкие черные волосы на его затылке слегка обуглились и завились от жара.

– Ты помнишь, что нужно делать? – я настойчиво теребила брата за плечи. – Справишься или мне пойти с тобой?

– Справлюсь, – глуховато отозвался Вестри. – Беги, собирайся.

Какое тут «собирайся»... Я металась по комнатам, лихорадочно соображая и пытаюсь заслонить хлопотами встававшую передо мной падающую черную балку в облаке огненных искр, и еле различимый силуэт приземистого, сгорбившегося человека позади нее. Хрупкие статуэтки их кхитайского фарфора, украшавшие камин в моей гостиной, превратились в горку желтоватых осколков, ибо в суматохе я нечаянно смахнула их на пол. Хлопали распаиваемые дверцы шкафов, жалобно звякали рассыпающиеся украшения, безжалостно вытряхиваемые из шкатулок. Зеленого охотничьего костюма я не нашла, схватила и натянула вместо него потрепанный черный, предназначенный для уроков верховой езды. В кожаный мешочек полетели самые дорогие и маленькие колечки, броши и кулоны. Золотое кольцо-печатку матери с агатовой геммой в виде летучей мыши над горами я оставила на пальце, решив, что так меньше шансов ее потерять. Теперь оружие... Какое у меня оружие? Маленький тонкий стилет в замшевых ножнах, удобно прячущийся за отворотом сапога. Этого недостаточно. Где раздобыть другое? У Вестри?

Мешочек с драгоценностями я затолкала за пазуху и привязала к специально подшитым к внутренней стороне рубашки петлям. Остолбенело замерла посреди некогда уютной, а теперь разоренной и выглядевшей крайне неухожено комнаты, соображая, что делать с волосами. Обрезать? Жалко... В хвост их, в надежный узел, и покрепче обмотать сверху плетеным шнурком. Как вышло, что мне нужно бежать из собственного дома?

Я вылетела в коридор, стукнула в двери Вестри, изнутри донеслось: «Почти готов!». Сунулась в распахнутые двери Галереи Редкостей – ее хранитель, старик Фиагдон, куда-то пропал. Спрятался или ушел вместе с остальными слугами? Некоторые подставки и

стеклянные ящики опустели – неужто Фиагдон в предчувствии грядущих опасностей успел припрятать самые ценные приобретения отца?

В глаза бросилось нечто блестящее. Шагах в трех от меня покрытом лиловым бархатом столике лежал наполовину вытасченный из ножен длинный кинжал-дага: рукоять, обтянутая черной кожей, простая крестовина без украшений и сероватый паутиный узор на лезвии, доказывавший, что на оружие пошла очень хорошая сталь. Вот он мне пригодится! Как раз по моей невеликой ладони!

Схватив кинжал, я прицепила его ножны к ремешкам на поясе и побежала на встревоженный зов Вестри.

* * *

Второй этаж особняка горел. Полыхала длинная анфилада покоев отца и матери, огромное книжное собрание, со вкусом обставленные гостиные и комнаты для приемов. Горели собранные за добрых три десятка лет картины и скульптуры, резные безделушки, наряды и шелковые обои. Бьющиеся стекла звенели почти непрерывно, к этому шелестящему звуку добавлялось протяжное оханье рушащихся перекрытий и ухающий вой захватывающего все новые и новые владения огня.

Мы собрались у высоких парадных дверей, с опаской посматривая наверх. Конечно, первый и второй этажи разделены толстым слоем камня, кирпича и дерева, но огромная медная люстра на полсотни свечей, освещавшая нижний зал и главную лестницу дома, уже начинала покачиваться и угрожающе поскрипывать. Шесть человек: молчаливо-сосредоточенный Дорнод, повзрослевший за несколько мгновений Вестри, выглядевший до удивления спокойным Ибре – помощник нашей домоправительницы Хейд, тихо поскуливавшая от ужаса Марьют, одна из младших служанок, замешкавшаяся и не успевшая вовремя исчезнуть, я и Бриан, удерживаемый мною за ошейник. Ожидали только Кеарана, умчавшегося к подвалам за моей матерью. Возможно, у Майля и Клейна, охранявшего госпожу Рингу от себя самой, получится убедить нашу с Вестри безумную матушку в грозящей беде и пойти с ними.

Вестри стоял в дверном проеме, озирая двор и нетерпеливо стуча носком сапога о каменный порог. Я подошла и выглянула через его плечо. Снаружи быстро темнело: должно быть, шел десятый или девятый послеполуночный колокол. Вдалеке, в конце темной аллеи, там, где возвышались тяжеловесные каменные колонны и ажурные чугунные ворота, мелькало непонятное столпотворение огоньков. Наш особняк – место довольно уединенное, расположенное в самом конце проезда Черного Леопарда, и я предположила, что пожар в доме Эрде привлек множество любопытствующих соседей из окрестных кварталов. Однако на помощь к нам никто не спешил. Даже охранявшие ворота гвардейцы не пришли узнать, что случилось. Или, может, они давно покинули свои посты? Допустим, прибыл кто-то из дворца и отозвал нашу стражу?

Дом почти опустел. Хейд, много лет ведшая наше хозяйство, наверняка не удивилась такому внезапному и драматическому повороту событий. Слуги пропали, будто их тут никогда не было. Представления не имею, как они ушли – через запасные выходы,

предназначенные для кухонных нужд и незаметно появляющихся лазутчиков отца, или просто миновали сад, рассыпавшись по близлежащим улицам...

– Идут! – внезапно выкрикнул Вестри. Бриан приглушенно твякнул и заизвивался, пытаясь вырваться у меня из рук.

Они бежали от дальнего флигеля через огромный, пустынный двор, вымощенный плитами коричневого и охристого в черных прожилках гранита. Невысокий, плотный Кеаран Майль, горообразный верзила Клейн, бывший гладиатор, каторжник и гребец на галерах, и посредине тонкая, гибкая женщина в облаке растрепанных темных волос, отчего-то напоминающих встревоженное змеиное гнездо – Ринга Эрде.

Им оставалось преодолеть не больше десяти шагов, когда Марьют тонко, пронзительно заверещала. Однажды я слышала такой крик – на охоте, когда натасканный сокол камнем рухнул на метавшегося по осеннему полю зайца и с размаху вцепился ему в шкуру на спине.

«Потолок осыпается!» – это первое, что пришло мне в голову. Я оглянулась и от неожиданности отпустила Бриана. Тот ужом просквозил между дверными створками, бросившись навстречу матери и ее спутникам. Я осталась стоять, растерянно приоткрыв рот.

По широкой мраморной лестнице, на чьей верхней площадке уже метались зловещие красные отсветы, спускался человек. Незнакомый – я не припоминала такого ни среди слуг, ни среди навещавших наш дом людей Вертрауэна, ни среди бывавших у нас гостей. Он шел, не торопясь, словно бы напрочь не замечая охватившего верхний этаж пожара. Обычный, ничем не примечательный человек, из торгового или мастерового сословия. Таких полно на улицах любого города, и я никогда не обращала внимания на подобных этому типу.

– Ты откуда взялся? – раздраженно бросил ему Дорнод, приняв за кого-то из домочадцев. – Быстро вон из дома! Вот-вот балки рухнут, а он разгуливает! Не знаешь, Хейд ушла?..

– Ушла, но недалеко, – чуть растягивая слова, проговорил человек, и неуловимо быстрым для моего глаза движением метнул в Авилека короткий, тонкий кинжал. Дорнод каким-то чудом успел отклониться влево, нож глубоко воткнулся в деревянную панель на стене.

– Та-ак, – сузившиеся глаза Авилека не предвещали для незнакомца ничего хорошего. – Значит, вот как? Гости из Королевского Кабинета? Грязно работаете, милейший.

– Ничего, потом приберемся, – с этими словами человек одним махом перескочил три оставшихся ступеньки, нанес попытавшемуся загородить дорогу Ибре короткий удар под дых, от которого грузный помощник домоправительницы скрючился в три погибели, и накинудся на Дорнода. Неприятно звякнули два встретившихся клинка – более тонкий и легкий эсток Авилека и плавно изогнутая на конце сабля незнакомца. Я вдруг подумала, что совсем недавно видела подобный клинок, и вдруг краем глаза заметила еще одного подозрительного типа. Этот выскочил из коридора, ведущего к Галерее Редкостей, быстро огляделся по сторонам, заметил своего сообщника и, не задерживаясь, устремился к дверям. Сиречь ко мне и еле слышно воющей от ужаса Марьют.

– Вестри! – я наконец справилась с внезапным оцепенением. – Вестри, опасность! Сзади!

Братец, хвала всем богам, услышал. Лихо развернулся, отразил нацеленный в плечо удар кривого туранского ятагана и умудрился ловко пнуть супостата в колено, заставив того отступить на шаг. Отец верно говорит: лучшая школа фехтования – в немедийской военной Академии.

Говорит... Или говорил? Некогда!

Я схватила Марьют за руку и поволокла к дверям. Представления не имею, кто эти странные личности и откуда они взялись, но намерения их ясны, как летний день. Похоже, нас собираются убить.

Проскочив мимо Вестри, я едва не столкнулась с матерью. Та пребывала в более-менее ясном состоянии рассудка, потому что сгребла меня за плечо и вытолкала за двери, к ожидавшим снаружи Майлю и Клейну. Короткий вопль засвидетельствовал кончину противника Дорнода, а тому, который напал на Вестри, не повезло еще больше – он оказался стоящим спиной к моей матушке. Проще наступить на ядовитую змею и надеяться, что выживешь. Она без малейшего колебания согнула ладони в подобие крючковатых лап хищной птицы, выпустила когти и с двух сторон хватанула бедолагу по шее. В душе я ожидала, что у того оторвется голова – такой удар вполне сравним с ударом тяжелой лапы барса или пантеры.

– Куда бежим? – Вестри равнодушно перепрыгнул через тело поверженного врага, направляя вопрос к Дорноду – по молчаливому уговору право командовать досталось ему.

– Уйдем через сад, – решил Авилек и вопросительно покосился на мою мать: – Госпожа Эрде?

– Со мной все замечательно, – легкомысленно заверила она и подняла руку, чтобы быстро слизнуть потек крови с зеленовато поблескивающего когтя. Дорнод сокрушенно покачал головой, здраво решив пока не сообщать герцогине о смерти ее мужа. Над головами у нас вспыхнули, прорядив темноту, малиново-голубые росчерки – огонь перекинулся на фасад дома. Еще немного – и загорится первый этаж.

Вертевшийся под ногами Бриан вдруг басисто загавкал, повернувшись мордой в сторону темного проезда аллеи. Я потянулась схватить его за загривок и заставить уgomониться, но внезапно сообразила, чем вызван его лай. Мельтешившие подле ворот факельные пятна вдруг собрались в плотную кучку и рванулись вперед. Лязгающий звон, вне всякого сомнения, означал, что засовы не выдержали напора и сломались, пропустив толпу в парк вокруг нашего особняка. Прислушивавшись, я с легким удивлением различила отчетливые выкрики: «Бей Коротышку! Ловите его щенков поганых!»

– В дом, – коротко приказал Дорнод, бросив единственный взгляд в сторону быстро приближающихся по аллее огоньков, дергавшихся то вверх, то вниз.

– Он горит! – заверещала Марьют, истерически дергая меня за руку. – Боюсь! Мы сторим! Барышня, я боюсь!

– Пройдем через черный ход под главной лестницей, – это предложил Кеаран, оторвавший от меня плачущую служанку. – Да не реви ты, корова деревенская! Выкарабкаемся!

Мы тесной кучкой протиснулись через двери обратно, и вовремя – снаружи в дверь ударилось нечто тяжелое, вроде метко запущенного булыжника. Кто-то надрывно проорал: «Они спрятались! В огонь их всех!»

– Наша семья больше не пользуется любовью плебса, – равнодушно заметил Вестри, помогая Майлю вдвинуть в скобы тяжелый дубовый засов, обшитый для крепости полосами железа. – Дана, ты цела?

– Руки-ноги на месте, – по возможности бодро откликнулась я и глянула на потолок. Там уже расплывались темные пятна, окаймленные золотистыми язычками пламени. Крюк, на котором висела люстра, наполовину вывалился из своего гнезда, и теперь огромный светильник, перекосившийся на один бок, болтался только на честном слове.

– Уйдем, уйдем, – бормотал себе под нос Майль, волоча за собой окончательно потерявшую от страха рассудок Марьют. Мать держалась где-то справа от меня. Могу поклясться, что происходящее доставляло ей огромное удовольствие.

Створки дрогнули, заставив нас обернуться. Похоже, в них с размаху ударили бревном. Прилетевший со двора камень вдребезги расколотил цветной круглый витраж над входом, засыпав зал мелкими осколками.

Я читала, что в битвах случаются такие неуловимые мгновения, которые решают исход боя. Надо только уметь их почувствовать и принять верное решение. Свое удачное мгновение мы упустили.

Черный ход ведущий через помещения возле кухонь и выходящий на задворки дома, был рядом – рукой подать. Обежать парадную лестницу, открыть спрятанную под ней низкую дверь, проскочить маленький коридорчик и попадешь, куда стремился. Мы замешкались и опоздали.

Те двое, что напали на нас, скорее всего, представляли собой выпущенных вперед разведчиков, коим надлежало разобраться в обстановке. Теперь прибыли основные силы. На мой перепуганный взгляд, в нижний зал ворвалось не меньше десятка человек. Они не тратят времени на оценку сил противника, а просто напали на нас, безошибочно опознав лучших бойцов – Кеарана и Дорнода.

– Бегите, – мать оказалась рядом со мной и Вестри. – Бегите. Здесь все кончено. Вестри, где отец? Он успел уйти?

– Нет, – Вестри не успел сообразить, что надо говорить, и бухнул правду.

– Нет, – спокойно и даже рассеянно повторила Ринга Эрде. – Значит, и мне незачем больше прятаться. Но вы – иное дело. Вам надо исчезнуть.

– Мы не... – начал Вестри. Мать с силой толкнула его кулаками в живот, заставив сделать шаг назад, и это спасло моему братцу жизнь – выпад длинного полуторного меча просвистел мимо. Ринга крутанулась на пятке и наотмашь полоснула нападавшего когтями по лицу. Показалось или нет, но, по-моему, он лишился глаза, ибо истошно завопил и беспорядочно заметался из стороны в сторону, натыкаясь на сражающихся.

– Бегом и быстро, – госпожа Эрде на миг привлекла нас к себе, и я увидела расширенные каре-золотистые глаза, в которых плавали обезумевшие черные точки зрачков. – Эта война не для вас. Вестри, береги сестру. Дана, помни о том, что я тебе говорила. Сияние и побережье. Вы – Эрде. Наша надежда. Бегите.

Она отвернулась от нас, позабыв о нашем существовании и навсегда вычеркнув из памяти двух своих отпрысков. Сжалась и прыгнула – так прыгают на добычу крупные хищные кошки. Визжа и шипя, повисла на спине у кого-то из врагов, пытаясь вцепиться ему клыками в шею.

– Не отставай, – Вестри коротко всхлипнул и бросился к дверям. Я побежала за ним, мимолетно отмечая и сохраняя в памяти увиденное. В углу полулежит съездившаяся Марьют, над ней на стене остался рваный кровавый след. Ибре зажали в угол трое, он отмахивается выломанной где-то массивной ножкой от табурета. Бриан с яростным утробным рычанием терзает упавшего человека. Клейн деловито молотит своего противника головой о перила лестницы, по желтовато-розовому мрамору веером разлетаются темные капли.

– Бриан! – крикнула я. Пес услышал, неохотно оторвался от своей жертвы и тяжеловесной трусцой последовал за мной, успев попутно тяпнуть замешкавшегося типа из числа врагов за ногу.

Как ни странно, мы благополучно добрались до укромной дверцы, и тут дом вздрогнул – от черепиц на крыше до самых глубоких подвалов. Раздался короткий скрипящий хруст, с которым массивный железный крюк вырвался из перекрытий. Люстра на миг зависла в воздухе, а потом обрушилась вниз, задев торчащими во все стороны медными ветвями кого-то из дерущихся и сбив того с ног. Уцелевшие свечи выпали из гнезд и раскатились по всему залу, подпалив висевший на дальней стене ковер и деревянные резные панели. Нарушая все законы, вверх по стенам потекли проворные огненные ручейки.

Вестри что-то неразборчиво выкрикнул и сильно пихнул меня в спину, так что я рыбкой нырнула в недра коридора, едва не споткнувшись о порог. Не знаю когда, но я все же успела бросить последний взгляд через плечо.

Нижний зал, где некогда прихорашивались и обменивались сплетнями приходившие на приемы к герцогу Эрде гости, теперь напоминал последний обороняющийся бастион штурмуемой крепости. Дверь сотрясалась под непрерывными ударами и, если засов еще держался, то петли медленно покидали отведенные им места. Сверху сыпался дождь из шпукатурки, сломавшихся гипсовых украшений, древесных обломков, пепла и краски. В трещины на потолке просачивались любопытствующие пламенные языки. Среди круговерти этого хаоса и сражающихся фигур я неожиданно увидела мать – она, чуть пригнувшись и устрашающе приподняв разведенные в стороны руки, кружила возле отмахивавшегося коротким широким клинком человека.

Брат рывком ухватил меня за предплечье и поволок по коридору. Следом за нами выскочил еще кто-то. Я не разглядела, кто именно – враг или друг.

Мы бежали через пустующие кухни, когда позади долетел оглушительный треск и победный вой расчистившего себе дорогу огня. Перекрытия не выдержали. Все, кто оставался в нижней зале – мертвы.

* * *

Не помню, как мы одолели внутренний двор. Очнулась я уже в саду, когда в очередной раз угодила ногой в рытвину и шлепнулась во весь рост. Никто меня не поднял. С горем пополам я умудрилась сесть и попробовала осмотреться.

Дом превратился в огромный сгусток пламени, дыма и вихрем улетающих к ночному небу искр. Эти же искры, ливнем сыпавшиеся из лишенных стекол оконных проемов второго этажа, подожгли ветви росших у самых стен деревьев. Мокрая древесина пусть нехотя, однако загорелась, и теперь сад освещался неровным коричнево-желтоватым светом, создававшим невероятные и мимолетные переплетения теней, света и мрака.

Черная, обугливающаяся коробка особняка. Прихотливо изогнутые скаты крыш, флюгера и надстройки – темные силуэты на алом е. Окна, из которых рвется пламя. Одинокая башенка, венчавшая полуночный флигель, вдруг качнулась вправо, начала съезжать вниз, плавясь, как догорающая свеча, и с грохотом рухнула.

Моих родителей больше нет. Моего дома больше нет. Может, и меня тоже нет?

Рядом зашевелилось и надсадно запыхтело что-то живое. Бриан. Надо же, старый пес умудрился выскочить вслед за нами. А вот та постанывающая и подающая слабые признаки

жизни темная куча, надо полагать, мой драгоценный братец.

Я встала на четвереньки – ноги не держали. Поползла через ноздреватые, обрушивающиеся под моей тяжестью сугробы и отвратительно холодные лужицы по направлению к Вестри. Добралась, села рядом. Попыталась перевернуть брата на спину. Вестри зашелся в приступе долгого лающего кашля.

– Дай ему немного полежать, – медленно проговорили рядом. Я запоздало сообразила, что уцелели не только мы. Прислонившись к кривому стволу старой яблони, стоял еще один человек. Отсветы пожара ложились на его лицо. Дорнод. Значит, он и был тем, кто бежал следом за нами. Уже неплохо. Нас трое, и это дает шанс на успех.

Я хотела спросить, что с остальными, но вместо слов вырвалось сипение вперемешку с икотой. Воздуха не хватало, и я зачерпнула пригоршню колючего снега, с яростью растерев им лицо. Помогло. Второй снежок я сжевала, приказав себе забыть о грязи и толстой россыпи гари, засыпавшей сад.

– Только мы?.. – наконец проговорила я. Вестри откашлялся и сел, опираясь на трясущиеся руки.

– Похоже, – Авилек размеренно вытирал какой-то тряпкой лезвие своего меча, с такой силой проводя тканью по стали, что слышался тихий скрип. – Я видел, как уложили Майля и Ибре. Что с госпожой и Клейном – не знаю. Скорее всего, завалило падающими обломками. Надо убираться отсюда. Можете идти?

Мы с Вестри неуклюже поднялись, хватаясь друг за друга и шатаясь.

– Отец... – неуверенно начала я, ощущая, как в сердце мучительно проворачивается длинная, шипастая заноза. – Отец предупреждал, что, если стряется нечто подобное, нужно искать помощи на постоянном дворе «Путеводная звезда». Это в паре кварталов отсюда.

– Значит, идем туда, – Дорнод выбросил тряпку и рывком оттолкнулся от дерева. Сразу стало очевидно, что ему, в отличие от нас, здорово досталось – он почти не мог наступить на левую ногу, волоча ее за собой, как посторонний предмет. При попытке сделать следующий шаг он едва не упал. Мы с Вестри вовремя подхватили его с двух сторон.

Сад вокруг особняка всегда казался мне крохотным – не более двухсот шагов вдоль каждой из сторон. Но теперь мы брели через него, как заплутавшие в безбрежных туранских пустынях кочевники, следуя за машущим хвостом Бриана, целеустремленно семенившего к спрятавшейся в дальнем краю парка калитке. Голову даю на отсечение, пес отлично понимал, что от него требуется.

– Вон они! Удира-ают! Хватай их! Сюда!

Громкий и протяжный вопль, донесшийся откуда-то из темноты, прозвучал так неожиданно, что я сбилась с шага и остановилась. Дорнод зло толкнул меня в бок, прошипев:

– К выходу! Шевелись!

– Но ты не можешь бежать... – растерянно пробормотала я.

– Забудь обо мне! Вестри, уведи ее! – Авилек отпихнул меня в сторону. Я продолжала стоять, как вкопанная. – Да сматывайтесь же!

И мы побежали. Побежали, прежде чем я успела что-либо сообразить. Побежали через трещащие и цепляющиеся за одежду кусты, по хлюпающим лужам и хрустящему гравию дорожек. Краем уха я различила короткий, отчаянный вскрик – похоже, судьба оказалась жестока к Дорноду Авилеку, поманив призрачной надеждой на спасение и тут же отняв ее.

Мое сердце судорожно колотилось где-то в горле, когда впереди появились неясные очертания высокой каменной стены, означавшей границу наших владений. Сад наполнился

перекличкой разъяренных голосов, но мы пока оставались незамеченными.

– Где калитка? – задыхаясь, спросила я.

– Не помню. Лезь! – Вестри подставил мне сложенные руки. Я дважды сорвалась, прежде чем вцепилась в каменный выступ, затащила себя на широкий гребень стены и уселась там. Голова кружилась, очень хотелось лечь и заснуть. – Теперь ты!

Бриан протестующе заскулил, когда его обхватили поперек туловища и подбросили наверх. Я поймала пса за ошейник и лохматый загривок, он отчаянно заскреб лапами по камням и все-таки очутился рядом со мной. Вестри подпрыгнул, схватившись за край стены и начал подтягиваться. Наклонившись, я ухватилась за его куртку и изо всех оставшихся сил потянула наверх.

Мы почти успели – Вестри оставалось только втянуть болтавшиеся ноги. Я услышала отрывистый сухой щелчок и короткий свист, а в следующий миг брат странно дернулся, обмяк и начал сползать обратно в сад.

– Вестри! – я мертвой хваткой впиалась в выскальзывающую материю темно-зеленой суконной куртки брата. Странно, как запоминаются незначачие мелочи. Точно знаю, что куртка темно-зеленая, с красной тесьмой по рукавам и вороту. – Вестри, держись! Не оставляй меня!

Пламя, сжиравшее наш дом, вспыхнуло ярче. Должно быть, нашло новую добычу. По дорожке громко топотали сапоги – кто-то бежал к стене, сзывая сообщников. Я увидела запрокинутое, удивительно белое лицо Вестри, увидела, как один за другим разжимаются его пальцы, и поняла, что выбор невелик – дать ему упасть либо свалиться и погибнуть вместе с ним.

– Отпусти, – одними губами произнес брат. – Это конец.

– Вестри! – я рванула тяжелое тело, пытаюсь затащить его на стену. – Вестри, пожалуйста! Вестри, ты не можешь бросить меня одну!

– Дана... – еле различимый шелест осенних листьев.

Мы приземлились по разные стороны ограды: Вестри – в саду, откатившись под ноги нашим преследователям, я и Бриан – на пустынной темной улице с редкими домами, жмущейся к стене вокруг нашего особняка. У меня хватило ума сообразить, что сейчас охотники за головами семейства Эрде перемахнут через каменную преграду и наткнутся на последнего уцелевшего.

На меня.

Надо бежать! Пусть подкашиваются ноги и рот заполнен противной горечью – бежать. Вниз по улице. Как можно скорее. Прочь от проезда Черного Леопарда и от дома.

– Эгей! – пронзительный, залихватский свист. Глуховатый удар – кто-то спрыгнул вниз со стены. – Лови маленькую ведьму! Вон она!

Пес остановился, затормозив всеми четырьмя лапами. Развернулся, нагнув голову и прижав уши. Густая светлая шерсть на его загривке встала дыбом, в груди зародился низкий, перекатывающийся рык, устрашающий, как грохот обрушивающегося невдалеке камнепада. Бриан медленно шел, почти скользил, навстречу противнику, и человек, только что азартно вопивший и размахивавший дубинкой, оторопело замолчал и попятился. Он ожидал столкнуться с насмерть перепуганной девчонкой, а отнюдь не с донельзя озлобленным волкодавом, рожденным в Темрийских горах и привыкшим защищать своих хозяев до последней капли крови.

Над стеной появился еще один силуэт. Остановился в нерешительности. Бриан

оскалился, качнулся назад и длинным, размашистым прыжком бросился на врага. Сбил его на землю, и они покатались по мостовой – дергающаяся, рычащая и кричащая мешанина ног, рук и лап.

Если Бриану повезет, он меня догонит. Если не повезет – доброй ему охоты в заоблачных лесах. Видно, Долиане Эрде на роду написано терять всех, кто был ей дорог.

Человек на стене набрался храбрости или дождался своих дружков, примерился и сиганул вниз. Я заковыляла по скользким от талого снега булыжникам переулка, отчаянно выискивая какое-нибудь укрытие – переулок, щель, подвал, открытые ворота во двор...

– Куда же ты? – издевательский голос слышался почти за самым плечом. – Бросила любимого песика и удираешь? Да ты не спеши, все равно никуда не денешься. Знаешь, а твой братец подох. Да-да, мертвее мертвого. И папаша с мамашей тоже. Сама видишь – некуда тебе податься.

Внутри меня что-то жалобно пискнуло и оборвалось, канув в бездонный черный омут и не оставив даже кругов на неподвижной воде. А потом накатила прохладная темно-синяя океанская волна с шапкой белоснежной пены, и я обернулась, увидев преследователя – выше меня головы на три, способного без труда одной рукой сломать мой позвоночник, как хрупкую тростинку, вооруженного тесаком, каким у нас на кухне рубили мясо.

И я его не боялась. Я видела – не глазами, каким-то иным, только что прорезавшимся зрением – как трепещет на ветру спутанный пучок толстых и тонких ярко-красных нитей, дающих жизнь этому человеку.

Достаточно протянуть руку, в которой зажат кинжал с черной рукоятью и острейшим лезвием, и разрезать нити.

Так я и сделала.

Человек споткнулся, вытаращил на меня налившиеся кровью глаза, прохрипел что-то неразборчивое, и тяжело рухнул на мостовую. Когда он упал, у него из перекосившегося рта с хлопаньем вылетел большой сгусток крови, частично забрызгавший мой сапог.

Возня под стеной затихла. Ни человек, ни пес не встали. Прощай, Бриан. Прощайте все.

Я зачем-то подняла голову и посмотрела на небо. Если бы я была собакой, как Бриан, я бы сейчас завyla – так, чтобы мой скорбный вой долетел до звезд...

В просвете между облаками вдруг мелькнул еле уловимый багровый отсвет – как будто по черно-сиреневому полю пробежала быстрая алая рябь. Или огромная птица стремительно взмахнула крылом.

«Ночь еще не закончилась, – напомнила я себе. – Ты не имеешь права позволить себя убить. Слишком многие умерли, чтобы ты выжила. Помни, ты – Эрде. Последняя из рода Эрде. Ты – месть. Но, чтобы отомстить, сперва нужно уцелеть. Сохранить голову на плечах. Мои враги ответят за все. Я помню имена тех, кого у меня отняли. Каждое имя и каждое лицо».

Я твердила эти слова, как поминальную молитву, а подгибающиеся ноги несли меня по улице, за моей спиной горел дом семьи Эрде и в моей ладони была зажата шершавая рукоять кинжала-даги.

ЗАМЕТКИ МЕЖДУ СТРОК

«Родственные узы – I»

Аргос, побережье Хорота.

20 день Первой весенней луны

1294 года от основания Аквилонии.

Лигах в тридцати от устья Хорота, где великая река сливается с Закатным океаном и стоит широко раскинувшаяся на полуострове Мессантия Аргосская, поток совершает плавный изгиб, отмеченный на всех лоциях как «Пинната» или «Сосновый утес». Местечко примечательное: высокий, издалека заметный песчаный откос, на вершине которого в самом деле произрастает древняя, широко раскинувшая толстые ветви красная зингарийская сосна. Чуть пониже начинается россыпь желтовато-коричневых валунов, между которыми пробивается тоненький ручеек, огибающий песчаный склон и впадающий в реку. Кое-кто их жителей Мессантии полагает воду ручейка целебной или, во всяком случае, обладающей необычными свойствами, и иногда предпринимает вылазки к Пиннате. Трудность невелика – подняться на лодке вверх по течению, высадиться, набрать бурдюк родниковой воды и улизнуть. Прodelать это все нужно по возможности быстро, ибо Сосновый утес и бьющий на нем источник, хоть и расположены на землях Аргоса, фактически им не принадлежат. Не являются они и зингарскими владениями, ибо граница соседей и вечных соперников Аргоса проходит лигах в пятидесяти к закату, за холмами.

Здесь, возле Пиннаты, начинаются Рабирийские холмы – цепь невысоких, густо поросших лесами гор, тянущихся до широкого плеса, где смешиваются воды Хорота и Алиманы, отмечающей пределы Аквилонского королевства и входящего в его состав Пуантенского герцогства. Три с небольшим сотен лиг Рабиров – земля, не принадлежащая никому. Даже на чертежах, хранящихся в королевских библиотеках, они закрашены тревожным красным цветом, а сбоку имеется неременная пометка: «Сия область издавна считается непригодной для проживания людей». Рабирийский край – бельмо на глазу Аргоса, ибо раскинулся на всей, без того невеликой правобережной области его земель, и постоянная головная боль правителей Зингары, у которых он отнимает добрую десятую часть королевства. Нетронутые сосновые леса, дичь, шкуры, смола и древесина, табуны полудиких коней, возможные рудники по добыче золота и меди, гранитные и мраморные каменоломни – сокровища, доселе недоступные для людей.

В летописях красочно описываются попытки завоевания Рабиров, предпринятые Аргосом и Зингарой. Описания заканчиваются совершенно одинаково: *«Большая часть войск погибла, заманенная в хитроумные ловушки, оставшиеся же перебиты в стремительных ночных вылазках. Немногие уцелевшие повредились рассудком, сохранившие же здравость мысли не в силах поведать что-либо вразумительное о сражавшихся с ними. Пленных не взято ни единого».*

С зубовным скрежетом и сжимающей сердце яростью правители Полуденного Побережья были вынуждены отказаться от замыслов покорить Рабирийские холмы силой. Самое большее, чего достигли люди – основали полдесятка укреплений и защищаемых ими деревень в полуночной части гор, вдоль правого берега Алиманы, да выстроили несколько

хуторов на берегу Хорота, поблизости от Мессантии.

Должно быть, жители Рабиров довольно потирали руки, поняв, что добились своего. Им требовалась полнейшая замкнутость – они ее получили. Надолго ли – время покажет, но пока торговцы и путешественники обходили мирные с виду леса стороной. Полсотни лет назад аргосцы проложили единственную дорогу через холмы: она начиналась в городке Лерато у устья Алиманы, шла на полуденный закат и завершалась в крепости Ильян на зингарской стороне. Протяженность дороги составляла всего-навсего сорок лиг и пользовались ею с большой опаской. Неизвестно, как обитатели гор отнеслись к ведущему по их земле тракту, однако больших нападений с грабежами и убийствами еще не случилось. Так, отошел кто-то вечером от костерка – и поминай как звали. Должно быть, угодил на званый обед к жителям холмов, став там главным блюдом.

Мозолившие всем глаза Рабиры принадлежали гулям. Известно об этом народе немного, и сведения не располагают к тому, чтобы испытывать к этой малочисленной расе искреннюю приязнь. Гули, порождения тьмы и ночи, похищали неосторожных путников и жителей деревень, пили человеческую кровь, и вообще не производили впечатления добрых соседей. Кое-кто из правителей Мессантии в последнее время начал всерьез поговаривать о том, что лучшим средством избавления от ночной напасти являются меч и огонь. Демон с ними, с лесами – новые вырастим. Зато свои, людские, без всякой нечисти!

* * *

Старая сосна тягуче поскрипывала, когда пролетающий над долиной Хорота ветер раскачивал ее ветви. Этот же ветер раздувал парус тяжело груженной галеры, неспешно одолевавшей речной изгиб. С борта судно отчетливо видели темно-зеленую крону патриарха здешних лесов, но вряд ли могли различить троих созерцателей, безмятежно расположившихся между выступающих древесных корней и валунов. Троица с интересом смотрела вниз, на добротный выстроенный корабль, блестящую под солнцем воду и расстилавшиеся за рекой желтовато-зеленые просторы восходного Аргоса, неспешно обмениваясь замечаниями:

– Надо же, аквилонская...

– С тех пор, как подписали Морской Договор, на реке стало куда оживленней. Снуют, точно водомерки.

– Торговля – дело хлопотливое. Не успеешь вовремя, останешься без дохода.

– Может, и нам стоит присоединиться?

– Оснуем торговый дом «Пинната», – со смешком предложил один из собеседников, похлопав ладонью по шершавой сосновой коре. – Оптовые поставки древесины по низким расценкам. К концу года разбогатеем и переберемся в Мессантию. Я даже подходящее место знаю – на Парусной набережной. Меланталь, хочешь особняк с видом на Закатный океан и гавань Дожей?

– Почему бы и нет? – невозмутимо отозвалась молодая женщина, сидевшая на плоском, похожем на раскрытую ладонь валуне. – Мне нравится Мессантия. С времен, когда я бывала там в последний раз, город наверняка изменился к лучшему.

Она слегка наклонилась вперед, чтобы взглянуть, как галера минует обманчиво спокойное зеркало водоворота, прятавшегося почти на самой середине реки, и размашистым движением головы отбросила в сторону длинные иссиня-черные пряди, пронизанные серебряными нитями. Меланталь не то поседела раньше срока, не то уродилась такой. Ее облик не вызывал удивления у спутников, зато человек, случайно наткнувшийся на обосновавшуюся возле старой сосны троицу, наверняка бросился бы бежать, не разбирая дороги.

Впрочем, в этих местах не бывает людей. Меланталь с приятелями могли спокойно сидеть на берегу, наслаждаясь погожим весенним днем и следя за продвижением корабля под аквилонским флагом.

С первого взгляда трое друзей производили впечатление отправившихся на лесную прогулку и устроивших привал владельцев зажиточного хутора, а может, и обитателей какой-нибудь из порубежных крепостей. На земле лежали сложенные кучей кожаные дорожные сумки, между камней возвышался воткнутый стоймя длинный охотничий лук. Сторонний наблюдатель отметил бы несомненное внешнее сходство праздных зевак, предположив, что они либо состоят в родстве, либо происходят из одного народа. Все трое – невысокого роста, темноволосые, порывистые в движениях, с необычной для уроженцев Полуденных земель бледной кожей, обтягивающей лица с заостренными чертами, какие иногда встречаются у древних статуй, выкапываемых искателями сокровищ в брошенных городах Полуночи.

Догадка полностью соответствовала истине, причем вдвойне: две мужчин доводились друг другу сводными братьями, а Меланталь, их дальняя родственница, была подругой младшего. При том они без особого душевного трепета звали себя «Порожденными Ночью», то есть являлись теми, кого люди Аргоса и Зингары именовали гулями. Эта земля принадлежала им, и они безбоязненно разгуливали по ней – днем, ночью и когда угодно.

– За последние сто лет Мессантия ничуть не изменилась, – ядовито заметил спутник Меланталь, перебираясь на облюбованный ею камень. – Шумная, вонючая, до отказа переполненная людьми...

– И прекрасно подходящая для того, чтобы затеряться, – невозмутимо откликнулся третий собеседник, устроившийся на изогнутом сосновом корне и выглядевший чуть постарше. – Иногда это бывает немаловажно.

Йестиг, как звали приятеля Меланталь, презрительно фыркнул. Он никогда не скрывал пренебрежительного отношения к человеческой расе, стараясь без необходимости не покидать Рабиры и не одобряя привычки сородича подолгу пропадать где-то в городах, собирая на свою голову разнообразные приключения.

Торговая галера благополучно одолела трудный участок реки и скрылась за поворотом. На смену ей из низовьев Хорота явился округлый, пузатый неф, горделиво несший на мачте стяг с золотой башней – гость из Зингары.

– Рейе, – женщина повернулась, чтобы взглянуть на того, кто сидел у подножия сосны – худощавого, стройного мужчину лет тридцати, оценивавшего мир чуть насмешливым взглядом глубоко посаженных бархатно-черных глаз, – мы пришли сюда, потому что ты заявил, будто принял решение. Какое?

– Я уезжаю, – Рейе, чье полное имя было Рейенир, лениво наподдал носком сапога подвернувшийся камешек. Тот нехотя прокатился вниз по песчаному склону и застрял. – Сегодня, ближе к вечеру. Доберусь до Лерато, там попытаюсь сесть на корабль, идущий вверх по Хороту и Тайбору. В Шамаре куплю лошадей и поеду себе на полночь. Оттуда рукой

подать до границы с Немедией и до Бельверуса. Легкое приятное путешествие без особых хлопот.

– Зачем оно тебе понадобилось? – Йестиг тоже оглянулся, откровенно возмущенный намерениями Рейе. Сводные братья, хотя и были друзьями, редко сходились во мнениях. – Ради чего? Она ушла от нас, ушла из холмов, не давала о себе знать почти сотню лет! А теперь присылает тебе две строки, полные недомолвок, и ты готов бежать на другой край земли!

– Она моя сестра, – спокойно, как говорят о само собой разумеющемся, ответил Рейе. – Она всегда сама выбирала свою дорогу. Ей лучше с людьми, чем с нами? Досадно, однако таково ее право и ее решение. Я не собираюсь спорить. Но теперь она в беде, и я должен хотя бы попытаться помочь ей.

– Письмо долго добиралось до нас, почти три луны, – напомнила Меланталь. – Многое могло измениться.

– Тем лучше. Значит, просто съезжу в Бельверус и гляну на моих племянников. Любопытно, какое потомство вырастила моя взбалмошная сестрица?

– Она справится без тебя, – настаивал на своем Йестиг. – У нее есть законный муж, полно друзей и покровителей. Что бы там не случилось, твое вмешательство ничего не изменит. Ее письмо – лишь повод, чтобы опять рискнуть жизнью! Когда-нибудь удача тебе изменит, и что тогда?

– Надо полагать, я попаду за решетку или умру, – Рейе беспечно ухмыльнулся, забавляясь горячности собеседника. – Если хочешь, можем спросить, чем закончится мое путешествие. Меланталь, не подскажешь?

Черноволосая женщина из рода гулей только скорбно вздохнула. Она обладала даром видеть будущее, и порой друзья злоупотребляли ее талантом, уговаривая заглянуть на несколько шагов вперед и узнать, что выйдет из ее замыслов. Впрочем, нынешний случай заслуживал того, чтобы попытаться провидеть его.

Йестиг, не дожидаясь просьбы, прыгнул вниз и отошел в сторону, встав за правым плечом подруги. Рейенир покинул облюбованный сосновый корень, заняв место слева и со сдержанным интересом следя за действиями предсказательницы.

Из болтавшейся на поясе сумки Меланталь вытащила кожаный мешочек, из мешочка – горсть невзрачных с виду камешков, размашистым жестом раскидав их по поверхности валуна. На каждом отшлифованном временем обломке гранита когда-то вырезали знак-символ, могущий обозначать букву, слово или понятие. Чем-то гадательные камешки Меланталь напоминали нордхеймские руны, только их насчитывалось поменьше, около десятка. Женщина провела над ними узкой ладонью, ее лицо стало отрешенно-сосредоточенным.

Серо-желтый цвет камней начал меняться. Йестиг невольно прикусил язык – он видел это маленькое чудо уже сотни раз, и все равно не мог уловить того мига, когда внутри одного из галечных осколков вспыхнула крохотная розовая искра. Меланталь отложила засветившийся камешек в сторону. К нему вскоре присоединились два его собрата, тоже начавшие испускать бледный розоватый свет. Женщина подождала, не засветятся ли и прочие, но те оставались темными.

– Киор, Ниан, Арэт, – перечислила Меланталь символы, выбитые на камнях, и растолковала: – Странствие по дорогам памяти к обретению искомого.

– Теперь точно придется ехать, – с преувеличенным сожалением заметил Рейе. – Не

оставлять же дорогу сестрицу на произвол судьбы? Родная кровь, как-никак.

Меланталь и Йестиг переглянулись, мысленно признавшись, что до сих пор не научились точно определять, когда Рейенир шутит, а когда говорит серьезно. Меланталь подозревала, что Рейе никогда не бывает серьезен настолько, чтобы по-настоящему поверить в грозящую опасность или опасаться за свою жизнь. Его младшая сестра, Рингилиан, была точно такой же, и, наверное, именно поэтому предпочла оставить Рабиры, затерявшись среди людей.

Но настал день, когда Рингилиан потребовалась помощь, и Рейе, как всегда иронически посмеиваясь, собрался ей на выручку.

* * *

Спустя два дня в крепость Лерато явился некий путешественник, благополучно одолевший опасный лесной тракт, соединяющий Аргос и Зингару. Сей путник предъявил стражникам у городских ворот подорожную, выписанную на имя Рейенирса Морадо да Кадена, благородного гранда из Кордавы, едущего по собственным надобностям в Шамар Аквилонский. На бумаге имелись все необходимые подписи и печати, оттого не возникло никаких препятствий к тому, чтобы позволить зингарцу въехать в город.

В маленькой гавани Рейенирс прогулялся вдоль причалов, небрежно окликая людей на судах, и вскоре нашел искомое – корабль, идущий в Аквилонию. Уплатив запрошенную мзду в двадцать золотых кесариев, благородный дон заполучил место на «Резвой лани», следующим же утром поднявшей паруса и отправившейся в дальнюю дорогу.

Путешествие по великой реке доставило Рейе большое удовольствие. Особенно ему понравилась традиция пассажиров собираться по вечерам на верхней палубе, рассаживаясь среди бочек и штабелей плотно набитых мешков, и рассказывать долгие истории, посвященные жутковатым обитателям Рабирийских холмов. Рейенир никогда не пропускал этих вечерних посиделок, частенько выступая в роли повествователя, и сошел на берег Аквилонии в отличном настроении.

В Шамаре его поджидали неприятные новости. Немедию сотрясали последствия недавнего государственного переворота. Посещение Бельверуса теперь представляло изрядную трудность, ибо новый правитель страны, Тараск Эльсдорф, распорядился выставить на границах страны усиленные кордоны для поимки беглых заговорщиков и убийц семьи короля Нимеда Первого. Ограничили и въезд иноземных путников в столицу, а каждого новоприбывшего, по слухам, подвергали тщательной проверке.

Рейе Морадо да Кадена философски пожал плечами, после чего отправился приобретать коней и закупаться провизией для дальнейшего путешествия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из воспоминаний графа Монброна – I

«На пепелище»

Бельверус, Немедия.

17 день Первой Весенней луны.

Всегда полагал себя человеком спокойным, даже флегматичным. Да и любые предания нашей семьи недвусмысленно подтверждали: чтобы по-настоящему вывести из себя представителя рода Монброн и свергнуть его в священную ярость, требуется, самое меньшее, приземлившись во дворе фамильного замка огнедышащий дракон. До этой ночи у меня никогда прежде руки не дрожали – ни во времена веселых пиратских приключений на Полуденном Побережье, ни в Кофе или Туране, когда за мной ретиво охотились тайные службы этих государств, ни после случайной стычки с громадным лесным мантикором, решившим пообедать моей лошадью и закусить хозяином... Всякие переделки бывали, во многих приключениях пришлось поучаствовать, на кораблях тонул и горел, на суше полтора десятка раз едва не лишился головы вследствие опасного рода занятий, а уж какие сюрпризы может преподнести одинокому путнику дальняя дорога, полагаю, объяснять не нужно.

А вот сейчас руки у меня дрожат. Может, позвать месьора Венса и продиктовать ему письмо, дабы не оскорблять пергамент невообразимыми каракулями и кляксами? Нет-нет, я обязан составить эту депешу самостоятельно, без чужой помощи. Как говаривал барон Гленнор, мой обожаемый начальник? Верно: «Пиши коротко, излагай четко, ухватывай суть, не трать зря чернил». Любое донесение должно быть написано максимально удобочитаемо для адресата, которому неинтересны твои лирические переживания и который жаждет лишь достоверных сведений, дабы на их основе сделать надлежащие выводы.

Таким образом, я создал самый короткий в своей жизни отчет. Взял новый чистый листок и старательно вывел на нем большими прописными буквами: *«Все пропало. Немедия для нас потеряна. Маэль»*.

Пускай думают, что сие значит. В конце концов, официальную депешу в Тарантию отправит аквилонский посол, его светлость граф Клай. Если говорить совсем откровенно, Немедия и без моего скромного участия находится под любящими взглядами нашей драгоценной Латераны, сиречь тайной службы королевства Аквилония – в Бельверусе предостаточно соглядатаев Трона Льва вкупе с нашими дворянами-путешественниками, полагающими своим долгом отправлять на родину скромные донесения о состоянии дел у дорогих соседей, несомненно, являющихся душевными друзьями Аквилонской монархии. Так что и Конан, и барон Гленнор вскоре получат целый мешок почты с подробнейшим описанием события, которое уже окрестили в народе «Ночью Бешеного Огня». Боюсь, указанная ночь войдет во все летописи и останется в истории именно под этим названием. Которое, сами понимаете, не несет в себе положительного смысла.

В дверную щель просунулась унылая физиономия моего домохозяина, досточтимого Реймена Венса, гильдейского менялы и попутно – аквилонского конфиденанта с многолетним опытом тайных игр. Впрочем, слово «конфидент» применительно к Реймену звучит более насмешкой, чем отражает истинное положение. Вертрауэн и Королевский Кабинет отлично

знают, что Реймен Венс на самом деле никакой не меняла и занимается своим презренным ремеслом лишь для отвода глаз. Впрочем, Реймена никто не трогает. Неписанные правила вежливости и обхождения между тайными службами ясно гласят, что столь уважаемые шпионы задержанию и допросу не подлежат. Достаточно приглядывать за ними вполглаза и не более.

– Граф? – промямлил Венс. – Новые донесения из города...

– Какие? – простонал я, чувствуя, что запас плохих новостей доселе не исчерпан, и такие будут поступать в течение всего дня, пока власти (боги лучезарные, *какие* еще власти?) не наведут в городе порядок.

– Стало точно известно, что наследник трона Нимед и второй сын бывшего короля, принц Зинген, мертвы. Вместе с семьями. Местонахождение принцев Халлена и Ольтена не установлено, однако дом Халлена сторел полностью и разгрести завалы пока не представляется возможным из-за жара и углей.

– Дальше? – уныло спросил я.

– В столице введено осадное положение, протектором Бельверуса назначен принц Тараск...

– Еще что-нибудь? – новости, прямо скажем, захватывающие, не будь они такими грустными.

– Начали разбирать пепелище в усадьбе герцогов Эрде. Поедешь?

– Поеду, – вздохнул я, поднялся, набросил плащ с гербами Монбронов и львами Аквилонии (пусть все видят, что я подданный другого государства и нахожусь под защитой Трона Льва!), подтянул ремешки перевязи, проверил, насколько легко меч выходит из ножен и взглянул на Реймена.

– Вот что, месьор Венс, – сказал я, – боюсь, сегодня нам придется весьма усердно потрудиться. Используй все свои связи, но разыщи полдесятка людей, верных Аквилонии, а самое главное – сообразительных. Кроме того, мне необходимо встретиться с человеком, возглавляющим нашу тайную службу в Бельверусе. Понимаешь? Я хочу увидеть самого главного. Личного конфидента барона Гленнора, который занимается делами Латераны в немедийской столице.

– Встречу я постараюсь устроить, – кивнул Венс. – Наверняка ближе к вечеру. И, разумеется, не здесь. Но посуди сам: в столице происходит незнамо что. Таких невероятных событий история стран заката пока не знала, если не считать переворота в Офире во времена короля Рагрисса. Слишком уж непохоже случившееся на обычный бунт черни... Чересчур непохоже.

Реймен грустно пожал плечами, развернулся и ушел. Я покинул дом через боковую лестницу, взял за узду оседланную лошадь – Бебита, моя зингарская кобыла, глянула на хозяина с недоумением. Куда, мол, собрался в такую рань? Едва рассвело, а он уже отправляется по делам!

Прав был Реймен, утверждая, что события минувшей ночи мало напоминают банальное восстание недовольных властью горожан. Когда происходит мятеж черни, правители обычно дают толпе некоторое время для буйства, выпускают пар народного гнева, а затем быстро и жестко наводят порядок. Сейчас было по другому. Мгновенная вспышка ярости жителей Бельверуса угасла с первыми лучами утреннего солнца. Город мгновенно наводнила армия – гвардейские кавалерийские отряды взяли под охрану все важнейшие государственные здания, конные разъезды числом до пяти всадников патрулировали улицы, городская стража,

усиленная пешими щитниками из числа «Орлиного легиона», заняла перекрестки, перегородила главные улицы рогатками и пропускала лишь жителей близлежащих домов или людей, спешащих по особой надобности – водовозов, золотарей, торговцев хлебом... Меня спасали от строгих вояк аквилонские гербы и надменная, заранее заготовленная фраза:

– По надобности посольства Трона Льва и короля Конана Канах!

Ничего удивительного. Я предусмотрительно вытребовал у графа Клая охранную грамоту, дававшую мне право посольской неприкосновенности. В данной ситуации этот пышный пергамент, изукрашенный печатями, эмблемами и громкими подписями, помог несказанно. Гвардейцы хмурились, но беспрепятственно пропускали меня по городу – этикет обязывает.

Я нарочно избрал длинный обходной маршрут. Хотел самолично убедиться, что дела в действительности обстоят на редкость плохо.

Убедился.

Вот здесь, на улице Серебряного Венца, стоял дом принца Зингена. Я видел этот особняк раньше – очень милое трехэтажное строение в офирском стиле с ажурными башенками, небольшим садом и прилегающими конюшнями. Ныне улица оцеплена тройным рядом королевской стражи, не пропускают никого (гвардейцев не впечатлил даже мой грозный документ), но я успел рассмотреть, что здание выгорело полностью. Остался лишь закопченный каменный фасад. Внутренние перекрытия, балки, стропила – все рухнуло. Над огромной грудой углей поднимается черный дымок. Неподалеку стоит закрытая повозка с гербами Дознавательной управы. Ясно, господа дознаватели примчались расследовать причины пожара... Много же они нараследуют! И ведь наверняка отыщутся виновные, коих торжественно казнят на площади у Башни Висельников под восторженные народные клики. Покатятся головы убийц, покусившихся на священные персоны королевской семьи, которую тот же самый народ совсем недавно так искренне ненавидел.

Строго охраняется и огромный дом темного кирпича на улице Алебарды. Вот она, мрачная резиденция Вертрауэна, знаменитого Пятого департамента личной Его величества канцелярии! Вокруг подозрительно тихо. Редкие прохожие, как мне показалось, боятся даже покоситься в сторону оплота немедийских тайн и закулисных интриг. Резиденция уцелела – двери не выломаны, окна не побиты. Присматривают за Вертрауэном полсотни пеших стражников в черных плащах «Легиона Пантеры» и десятков офицеров дворцовой гвардии в высоких чинах. Здесь же, у входа, высятся два фургона, какие-то непримечательные личности торопливо грузят в повозки пергаментные кипы, выносимые из здания, дело происходит в абсолютной тишине и под пристальным взглядом чиновника из ведомства канцлера. Любопытно...

Между прочим, я не отмечаю присутствия знакомых персон из зловещего Королевского Кабинета. Если подходить к происходящему логически, то Хостин Клеос со своими цепными псами прямо-таки обязаны суетиться в первых рядах. Как же так, их главнейшие конкуренты растоптаны и раздавлены, в Вертрауэне можно поживиться огромным количеством преинтереснейших документов, касающихся любых сфер в политической жизни Немедии и близлежащих стран, а месьор Хостин бездействует? Или действует негласно, не подавая виду? Бывший булочник слишком умен и слишком хитер, об этом в один голос твердили все мои немедийские знакомые. Потом разберемся!

Я заставил лошадь свернуть в переулочек, миновал сеть узеньких старинных улочек и выехал к аристократическому кварталу столицы. Новая интересность: здесь попадаете куда

больше стражи и военных, хотя, на мой взгляд, наличие дополнительной охраны вполне оправдано, особенно если учитывать безумные ночные погромы. Кто знает, вдруг пресловутый народный гнев перекинется на богатые дворянские особняки и выльется в непринужденный грабеж?

А-а, понятно, отчего здесь собралось столько вооруженных людей. Явилось высокое начальство, если, конечно, это слово подходит к его светлости, новоназначенному протектору Бельверуса и принцу короны Тараску Эльсдорфу. Свита небольшая, всего-то два телохранителя в кофийских одеяниях, и непременная Дженна-Зенобия, не отстававшая от господина ни на шаг. Сегодня девица пренебрегла всеми правилами приличия и соизволила облачиться в темно-синюю форму коронной гвардии, разве что без знаков различия. Интересно, что они здесь делают? Решили самолично убедиться в смерти герцога Мораддина и его семейства?

– Куда? – рывкнул на меня один из вояк, едва я попытался проехать ближе к дому. – Не видишь, ихняя светлость прибыли!

– По надобностям посольства Аквилонии и короля Конана Канах! – прогремел я в ответ, и для пущей убедительности непринужденно соврал: – Мне нужно передать принцу Тараску важное известие.

На меня взглянули с недоумением, однако пропустили. Кто их знает, этих благородных? Вдруг действительно нечто важное?

* * *

Зрелище, ничего не сказать, было жутковатое. Если раньше дом герцога Мораддина представлял из себя аккуратный двухэтажный особняк, стоящий в глубине яблоневого сада с беседками и фонтанами, то теперь небольшая усадьба, расположенная в конце проезда Черного Леопарда, превратилась в настоящее поле битвы. Ворота снесены, по тающему весеннему снегу разбросан мусор, ветерок носит обгорелые папирусные и пергаментные листы, кое-где под покрывалами из мешковины лежат трупы... От строения почти ничего не осталось, только закопченные развалины цокольного этажа, флигеля полностью уничтожены огнем, торчит черный скелет оранжереи. Почему-то огонь пощадил одну из боковых пристроек – из разбитого окна парусом выбивается золотистая штора.

Заметно, что прибывшие на место погрома власти приняли самые серьезные меры для разбора завалов и отыскания погибших. На развалинах, щедро залитых водой из близлежащего пруда, суетилось не менее тридцати человек, растаскивавших потрескавшийся камень и обгорелое дерево. Разумеется, к саду и дому не могла проскользнуть даже мышь, если бы не предъявила соответствующего документа.

Сейчас, когда груда обломков была почти что разобрана, на площадку для фехтования, расположенную справа от ворот усадьбы, складывали обнаруженные тела. Я поморщился – странно видеть черные обгорелые головешки, являвшиеся когда-то людьми. Форма тел сохранилась, но сами трупы обезображены до полной неузнаваемости – от жара руки и ноги согнуты, сгоревшая кожа на голове обнажает черепа, скалящиеся черными зубами, запах несносен...

Привязав лошадь к ограде и сопровождаемый слегка недоуменными взглядами охраны (что здесь делает подданный короны Аквилонии?), я пошел вслед за Тараском и его присными, направившимися к фехтовальной площадке.

– Сударь, – дорогу мне заступил гвардеец в чине капитана, – сюда нельзя. Расследование проводит Дознавательная управа и Королевский Кабинет.

Ага, значит, наш знаменитый Кабинет все-таки проявил себя!

– Если месьор Хостин Клеос здесь, передайте ему – прибыл граф Монброн из Аквилонии, – небрежно бросил я офицеру, на что тот лишь склонил голову в притворном удивлении и отчеканил:

– Господин граф, хочу вас уведомить: сегодняшним утром Хостин Клеос отстранен от руководства Королевским Кабинетом приказом протектора столицы. Его здесь нет и быть не может.

– А где он? – глупо спросил я.

– Это касается только протектора и самого Королевского Кабинета, – бесстрастно ответил гвардеец. – Я бы просил тебя удалиться.

– Пойдите-ка, – я обернулся на голос. Оказывается, наш разговор слушали. Принц Тараск остановился неподалеку и теперь мерил меня оценивающим взглядом. – Капитан, пропустите этого месьора. А вы, сударь, подойдите.

Я и подошел. Тараск скользнул взглядом по моему плащу и гербовому колету, оценил древний символ Монбронов – крылатый меч на алом геральдическом щите, каковой поддерживают дракон и единорог – остановился на графской короне, украшавшей намет, и запросто спросил:

– Чем обязан, граф? Не ждал, что столь печальное событие заинтересует аквилонского дворянина. Или просто решили посмотреть на пожар? Вот уж действительно, подобное зрелище никогда не приедается.

Это был первый раз в моей жизни, когда я видел принца Тараска настолько близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Молва не лгала: молод, высок, красив, взгляд умный и чуточку хитрый, почти как у Конана. И в глазах Тараска есть нечто такое, что заставляет быть осторожным – взгляд кобры тоже безопасен, но вот сама кобра... Одним словом, он сразу показался мне весьма интересным человеком, а вовсе не бездельным повесой, каким обычно казался высшему свету Немедии.

За спиной его светлости немедля возникла высокая, поджарая девица. Гладкие черные волосы, ровная челка, из-под нее смотрят настороженные серые глаза. С мужской точки зрения я оценил бы ее такими словами: диковатая привлекательность. Не знаю, как сказать лучше. Именно такие решительные дамы обычно ходят в охране купеческих караванов или верховодят в разбойных шайках на полуночи Немедии и Бритунии – красивые, уверенные в своей силе и почти недоступные. Зена, Дженна, Зенобия. Телохранильница и фаворитка господина протектора. Но, как утверждают, отнюдь не любовница, а просто подруга. Добавим к облику торчащую из-за левого плеча рукоять добротного клинка (судя по навершию – нордхеймского, предназначенного лишь для рубящих ударов) и тем завершим картину.

– Приветствую вашу светлость, – я поклонился, как того требуют правила куртуазии. – Позволю себе представиться. Маэль, сорок второй граф Монброн Танасульский.

– Весьма рад, – сухо бросил Тараск. – Может быть, соизволишь объяснить причины своего появления здесь?

Врать не хотелось. Так или иначе, ложь раскроют, если Тараск мною заинтересуется. Как учил хитромудрый барон Гленнор? Правильно: правда – сильнейшее оружие. Но полуправда еще сильнее.

А ну, рискнем прибегнуть к поддержке громких имен. Может, получится ввести Тараска в смущение?

– Прошу взглянуть, – я вытащил из складок колета посольскую бумагу. – Я представляю в Бельверусе Его величество Конана Аквилонского.

– И что? – вздернул бровь Тараск.

– Его светлость герцог Мораддин много лет являлся личным другом моего короля, – тяжелый взгляд принца явно заставлял меня отвести глаза в сторону, но я придал себе наивозможно независимый вид, стараясь не ступешаться. Кто такой, в конце концов, этот Тараск? Военный управитель города, не больше! Да, безусловно, он принц, но следует вспомнить, что в Монбронах тоже течет королевская кровь, а наша династия постарше семьи Эльсдорфов лет эдак на двести! – Я приехал в Бельверус с личным посланием от короля к месьюру Мораддину. И я уверен, что Конан Канах, наш государь, будет обеспокоен произошедшим. Надеюсь, вашей светлости известно, каковы последствия... э-э... *беспокойства* нашего короля.

– Да уж слышаны, – странно, но Зенобия заговорила без разрешения. Голос у нее оказался мелодичный и низкий, слова она произносила чуть нараспев, с легким акцентом. Такое впечатление, что дочь презренного торговца из захолустного Пограничья чувствовала себя на равных с принцем короны и иностранным графом. – Насколько знаю, последний раз беспокойство Конана Канах обернулось для короля Страбонуса Кофийского потерей венца и головы.

Кофийские телохранители Тараска изобразили на лицах каменное выражение, сам Тараск скривился, а Зенобия послала ему ядовитенькую ухмылку. Чувство юмора у девочки прямо-таки варварское. Мне подумалось, что она слишком много себе позволяет, хотя Тараск пытается не замечать вольностей своей волчицы.

Принц пожевал губами, вежливо улыбнулся и широким жестом пригласил меня следовать за собой, сказав:

– Что ж, если угодно взглянуть на плачевные последствия мятежа – прошу. Зрелище, скажу откровенно, препротивнейшее.

Да, здесь Тараск прав непогрешимо.

Семь жутко обгоревших трупов. Еще два мертвеца, которых огонь не задел – у обоих множество ран от холодного оружия. Тело большой серой собаки, зачем-то уложенное рядом с людьми – я узнал принадлежавшего герцогу Мораддину горского волкодава. Кажется, его звали Бриан?

Один из гвардейцев подбежал к Тараску, поприветствовал по-немедийски (сжатая в кулак правая ладонь брошена к сердцу) и отрапортовал:

– Ваша светлость, нашелся свидетель! Домоправительница герцога Эрде по имени Хейд, дочь Ланы. Привести?

– Да, – коротко ответил принц. – Она наверняка способна опознать своих хозяев.

Я сомневался, что можно узнать хоть одно пострадавшее от огня тело, однако...

В Латеране новых конфидентов всегда учили прежде всего *смотреть* на свидетеля – именно смотреть, не слушать. Подмечать малейшие изменения в его интонациях, выражении лица, жестах. В соответствии с требованиями ремесла я пристально уставился на мельком

виденную несколько дней назад пожилую толстую, приведенную гвардейцами. Не сказать, что Хейд сотрясается от горя – конечно, она печальна, но держится отлично. Видать, герцог замечательно вымуштровал свою прислугу.

– Госпожа, – Тараск тихо обратился к домоправительнице, чье платье не носило даже малейших следов огня. Видимо, успела выскочить из дома раньше, чем обрушился второй этаж. – Я, как протектор столицы, занимающийся расследованием случившегося здесь поджога и нападения на усадьбу герцога Мораддина, прошу осмотреть эти мертвые тела и ответить, есть ли среди них люди, тебе известные.

Дородная Хейд первым делом взглянула на два необожженных трупа и, как мне показалось, вздрогнула.

– Это – Вестри, сын его светлости, – обронила домоправительница, указывая на молодого человека, убитого несколькими ударами в грудь и шею.

– Подтверждаю, – кивнул один из гвардейских стражей. – Вестри Эрде служил во дворце, только не в моем платунге, а в Четвертом.

– Запишите, – бросил Тараск через плечо секретарю в коричневой мантии. – Одно тело опознано. Можешь продолжать, почтенная Хейд.

– Узнаю господина Дорнода, – Хейд справилась с чувствами и кивнула на второй труп. – Помощник хозяина. С остальными будет посложнее, слишком уж трачены огнем.

В течение ближайшего времени госпожа домоправительница старательно нагибалась над почерневшими мертвецами, качала головой, цокала языком, бормотала что-то под нос и шепотом сквернословила. Наконец, она распрямилась, взглянула на Тараска без всякого страха (и, как мне почудилось, безо всякого сожаления во взгляде), убежденно заявив:

– Женщина – герцогиня Эрде. Она небольшого роста и худощавая. Вдобавок перстень на пальце – оплавленный, конечно, но... Этот перстень герцогиня никогда не снимала.

Мы, прижав к носам надушенные платочки, присели возле трупа. Точно, на среднем пальце левой руки заметна почерневшая от огня оплывшая металлическая печатка. Восстановить ее прежнюю форму невозможно, но, если домоправительница уверена...

– Кеаран, граф Майль, – бесстрастно продолжала Хейд. – Золотой браслет, два кольца с камешками на правой руке... У Кеарана не было двух зубов слева – выбили давным-давно. Череп обгорел, поэтому заметно. Вот этот здоровенный – телохранитель госпожи герцогини, Клейн. Тупой ублюдок, не сумел вытащить хозяйку! Впрочем, он всегда был недалек умом... Бывший каторжник, что с него взять!

– А это чьи кости? – напряженно спросил Тараск, указывая на самый обезображенный остов. – Герцог был невысок ростом, по размеру вроде бы подходит...

– Он самый, хозяин, – не меняя выражения лица, ответила Хейд. У меня вызвало тревогу ее безразличие. Странно, вроде бы эта женщина прожила в доме Эрде долгие годы, стала настоящим членом семьи... И ни одной слезинки. Только на Вестри она посмотрела с непонятной помесью разочарования и страдания. – Очень похож. Остальных не знаю. Наверное, разбойники, напавшие на дом.

– Ты уверена, что перед нами именно герцог Мораддин? – продолжал насесть Тараск. – Как ты его отличила?

– Сами видите, ваша светлость, роста короткого, да вон еще медальон на груди – там он портрет супруги носил... Да уверена, вот и все! Я ж герцога двадцать лет знаю!

Хейд наконец-то залилась слезами, а я спросил вслух сам у себя:

– Простите, но где молодая хозяйка?

– Верно, где она? – поддержал меня Тараск. – Госпожа Долиана погибла или успела выбежать из дома?

Хейд, по-бабьи завывая, выкрикнула что-то неразборчивое, из чего я сообразил, что домоправительнице ничего не известно о судьбе юной баронессы. Толстуху увели.

– Значит, погибли все, – медленно сказал Тараск. – И кому-то придется очень дорого расплачиваться. Граф, ты увидел все, что хотел увидеть?

– Д-да, – заикнулся я, с легким ужасом косясь на мертвецов. Боги, ведь всего два дня назад они были живыми людьми, с которыми я разговаривал, пил вино, строил планы на будущее, наконец!

– Надеюсь, ты упомянешь в письме королю Конану, что власти Немедии принимают все меры к разысканию и строжайшему наказанию преступников. И еще одно. Месьор граф, столица находится на осадном положении. Никто не вправе покинуть Бельверус без моего приказа. Разумеется, если ты намерен уехать, я дам разрешение, ибо мы не можем задерживать людей с документами посланников, но... Я просил бы тебя задержаться. Может быть, ты окажешь Трону Дракона... скажем так, определенную помощь. Дженна, проводи господина Монбронна!

Я на мягких, будто ватных ногах, отправился к воротам в сопровождении наряженной в гвардейскую синюю форму девицы. Зенобия по-кошачьи ступала позади, сразу за правым плечом, подержала мне стремя, пока я забирался в седло, но вдруг перехватила поводья Бебиты, зыркнула на меня холодными серыми глазами и тихо сказала:

– Вот что, аквилонец... Мой тебе совет: оставайся в городе. Быстро разыщи маленькую герцогиню...

– Как? – изумился я. – Как я найду госпожу Дану?

– Придумай! – отрезала Дженна. – У тебя своя голова на плечах, не дитя неразумное. Найди и спрячь понадежнее. Лучше всего – увези из города. Завтра с утра, коли сможешь, загляни-ка во дворец. Зайдешь с Полуденного входа, покажешь караульным эту штучку, – Зенобия перебросила мне простенький деревянный амулет на шнурке в виде нордейхмской руны «Райда». – Поговорим.

– Ну... Хорошо, я попытаюсь... А в чем дело?

– Поезжай! – Зенобия отвернулась и сказала, будто в никуда: – Не нравится мне все это... Очень не нравится. Езжай, граф. Здесь тебе делать нечего. Без тебя разберутся.

18 день Первой весенней луны.

Подведем неутешительные итоги. За минувшие сутки во втором по значению и первом по огромности территорий (Немедия с учетом протекторатов Коринфии и Заморы несколько больше Аквилонии) королевстве Заката произошли столь поразительные и невероятные изменения, что я до сих пор не могу осмыслить их значения и возможных последствий для всей Хаборийской цивилизации.

Во-первых, от власти отстранен правящий дом Эльсдорфов Немедийских, причем отстранен насильно. Во-вторых, наследников трона в самом прямом смысле данных слов не осталось в живых – новым канцлером Эрдриком и протектором столицы Тараском объявлено, что «в результате вспыхнувшего мятежа и измены некоторых государственных чиновников, а также волнений в городе все четыре сына почившего короля Нимеда погибли. Бушующей толпой также умерщвлены благородные супруги Их высочеств, наследники и

люди из числа слуг». В-третьих, введенное в Бельверусе осадное положение препятствует созыву высокого дворянского собрания, каковое должно избрать нового короля, в результате чего Немедией сейчас правит странный триумvirат, составленный из господина канцлера, одновременно являющегося правящим регентом, принца Тараска, который вдобавок в должности протектора взял на себя командование многочисленными гвардейскими тысячами, и королевского казначея Сагаро, ныне отвечающего за всю торговлю и снабжение крупнейших городов, а также войска продовольствием.

Как долго продлится столь неопределенное положение, никому не известно, однако старинные уложения государственного права недвусмысленно гласят: скончавшийся монарх должен быть погребен спустя десять дней, считая от дня кончины, и за это время необходимо называть имя преемника. Если этого не происходит, королем становится ближайший родственник короля по мужской линии, а если таковой отсутствует, то по женской.

Против закона не пойдешь – вышеописанная традиция насчитывает многие столетия, освящена митрианским культом и, если Тараск сотоварищи пренебрегут древним уложением, страна окажется на грани междоусобной войны: восстанут дворяне, от власти отвратятся жрецы, да и простой народ начнет роптать. И в то же время триумvirат пока не предпринимает никаких действий для созыва благородного собрания и выборов короля. Странно. На что они надеются?

Поразмыслив, я пришел к выводу, что Тараск отнюдь не глуп и не зря тянет время. Если в течение десяти дней короля так и не выберут, то у кофийского принца есть все шансы заполучить корону. Он родной племянник Нимеда, в народе популярен (правда, популярность эта несколько дутая...) и, если подходить реалистически, Тараск на сегодняшний день единственный отпрыск династии, сосредоточивший в руках реальную власть. Безусловно, у Нимеда-старшего остались дяди, да и других племянников предостаточно, но их либо нет в столице, либо они не ощущают за собой силы, способной привести к трону.

Меня не покидало ощущение неправильности происходящего. Вроде бы смена власти происходит законным путем, а гибель королевской семьи очень просто объясняется так называемым «мятежом». Только мятеж этот, как бы выразиться получше... Случился очень кстати и был исключительно узконаправленным. Я был свидетелем волнений в Тарантии, происходивших в последний год царствования Нумедидеса, и знаю, что может натворить вышедшая из подчинения толпа. Поджоги, грабежи, бесчинства на улицах и стычки с пытающимися навести порядок военными – пьяные плебеи забрасывают гвардию камнями, первейшим объектом разграбления становятся винные погреба, а когда военные начинают применять оружие, все постепенно затихает. Обычный бунт длится, самое большее, седмицу-полторы.

В Бельверусе все происходило по-другому. За одну ночь «мятежа» (так утверждает нынешняя власть) бунтовщики, почему-то пренебрегая богатыми запасами виноделен, аккуратно вырезали семейство короля, сожгли дома принцев, а Нимеда-наследника с супругой и детьми убили не где-нибудь, а прямоком в отлично охраняемом замке короны. Как они туда ворвались – до сих пор остается загадкой, которую никто не желает объяснять. Заметим, что у принцев была неплохая личная охрана, их оберегали гвардейцы и телохранители... Какой вывод? Верно! В городе под прикрытием мятежа действовали отлично вооруженные и обученные отряды убийц или наемников, которым кто-то поручил низвергнуть правящую династию. И не надо мне рассказывать сказки, что орда обезумевших от ярости горожан могла противостоять гвардии и свитским дворянам принцев. Такого

просто не бывает!

Все эти соображения я изложил на рассвете восемнадцатого дня Первой весенней луны в одной из гостевых комнат неприметного постоянного двора с непритязательным наименованием «Петух и котел». Меня внимательно слушали шестеро людей весьма разного облика и занятий – лучшие аквилонские конфиденты, работающие в Бельверусе под началом месьора барона Амори из дома Данвилов Коринфских. Сам барон, крупный пронзительно-черноволосый мужчина средних лет, присутствовал здесь же.

– ...Это все, о чем я хотел вам рассказать, – я закончил с изложением своих мыслей. – И намереваюсь попросить у вас помощи.

Месьор Амори отнюдь не производил впечатления личного представителя барона Гленнора. Он показался мне чересчур угрюмым, чересчур хмурым и чересчур нелюдимым – эдакий туповатый вояка, разбирающийся досконально лишь в оружии, лошадях, искусстве мечного боя и охоте. Однако еще один неписанный закон сыска гласит: «Внешность обманчива». Реймен Венс отрекомендовал Амори как самого благоразумного и осторожного конфидента, трудящегося ныне на поприще душевного согласия в нашей маленькой компании служителей Латераны. Отчего вдруг коринфский барон превратился в верную ищейку, принадлежащую Аквилонскому королевству, я не знал да и не стремился узнать. У каждого есть свои причины.

– Помощь? – пробасил барон Амори Данвил. – Отчего ж не помочь хорошему человеку? Гленнор сообщал о тебе. Предупреждал, что рано или поздно ты объявишься. А когда объявишься, велел передать вот это.

Мне сунули в руки медный тубус для хранения свитков, я извлек на свет пергаментный лист, пробежался глазами по строчкам и отвесил челюсть. Ничего себе! Вот так подарочек от барона Гленнора! Ну, спасибо, ваша милость! Только этого мне не хватало при всех имеющихся заботах!

Слабым жестом я протянул рескрипт Амори, тот прочитал и усмехнулся углом рта. Более никаких эмоций на его лице не отразилось.

– Значит, барон Гленнор наделяет тебя чрезвычайными полномочиями и передает в твое распоряжение всех конфидентов Латераны, – протянул коринфский дворянин. – Нам остается лишь подчиниться. Теперь ты имеешь право приказывать, а не просить.

Сейчас я точно не помню, в каких именно формулах Гленнор поставил меня главой Немедийского отделения Латераны, но в депеше действительно говорилось, что Маэль, граф Монброн, действует от имени и именем короля, все его приказы следует считать приказом короля, а любые распоряжения исполнять незамедлительно и в точности. Такая бумага дает реальную власть, правда, в ограниченных пределах...

Пятеро помощников барона Амори посмотрели на меня с любопытством. Сам коринфиец представил их не по именам, а по прозвищам, но, если смотреть на одежду, то становился ясен род занятий наших сподвижников. Один похож на владельца процветающей лавки, двое смахивают на ремесленников, четвертый является очень живописным гильдейским нищим (о, это немедийская страсть к порядку! Даже попрошайки организовали в Бельверусе собственную гильдию!) – кошмарные вшивые лохмотья, шерстяной колпак, прикрывающий спутанные грязные волосы, шрамы на физиономии и большая язва на щеке. В качестве дополнения к костюму нищий водил с собой омерзительную облысевшую обезьяну с красным задом и желтыми сточенными клыками. Последний из гостей носил темно-красную форму с потемневшим серебряным шитьем – городская стража, Управа

Дознания. Полезный человек, надо полагать. Амори заявил, что лучших конфиденентов свет доселе не видывал.

– Итак, – я, заложив руки за спину, прошелся по комнате, – мы только что обсудили сведения общеизвестные. Кто-нибудь может добавить нечто новое? Собственные наблюдения, слухи, кажущиеся достоверными?

– Можно мне? – пропищал нищоброд. Кажется, у него еще и кличка смешная – Тролленок. Лысая макака, заслышав голос хозяина, разинула пасть и заверещала. – Наверное, месьору графу будет интересен такой слушок... В Гильдии поговаривают, будто кое-кто из семейства короля уцелел. Никто точно не знает, но якобы Рихтер Вонючка, который побирается на улице Лилии, вроде бы узрел призрака. Якобы живой покойник, какой-то из сыновей Нимеда, в сопровождении некоей девицы прошел мимо него и даже швырнул медную монетку. Может, и врет наш Вонючка, себе цену набивая. Что, потрясти благородного месьора Рихтера на предмет истинности сией сказочки?

– Потряси, – ответил за меня барон Данвил. – Может, и вытрясешь хоть одну жемчужину из мешка с навозом. Еще что-нибудь, господа?

Никаких особых откровений не последовало. Я еще раз убедился, что подозрения об орудовавших в городе вооруженных шайках, изображавших «бунтовщиков», подтверждаются. Никакие «мятежные горожане», способные лишь швыряться булыжниками в окна богатых домов, не станут носить под одеждой оружие, а уж тем более – умело пускать его в ход во время штурма здания. Значит, и на самом деле таинственные отряды убийц существовали и их бойцы лишь прикидывались добропорядочными обывателями. До времени. Об этом в один голос твердили все пятеро конфиденентов барона Амори, большинство из которых самолично наблюдало за волнениями в Бельверусе позапрошлой ночью.

– Хорошо, – кивнул я. – Приму к сведению. Исходя из всего сказанного... Могу лишь добавить вам еще одно задание.

– Ты и о первом-то не упоминал пока, – напомнил нищий с обезьяной. Вся компания воззрилась на меня, ожидая.

– Первое: приложите все силы, поднимите всех своих осведомителей, пустите по следу всех собак, но отыщите для меня одного исчезнувшего человека, – провозгласил я. – Это женщина, точнее, девушка. Выглядит лет на шестнадцать, волосы темные, глаза светло-карие, сложения худощавого. Ее имя – Долиана, баронесса Эрде, дочь покойного герцога Морадина. Об этом пока не сообщалось, но я знаю точно – в ночь мятежа госпожа баронесса весьма таинственным образом исчезла из поместья герцогов Эрде. Более никто ее не видел. Она требуется мне немедленно. Будьте осторожны, возможно, за баронессой охотятся и другие... люди. Второе. Разнюхайте, откуда могли появиться таинственные личности, штурмовавшие дома принцев. Кто они, кому служат... Ясно?

– Отнюдь не ясно, – покачал головой барон Амори. – Почтенный граф, давайте-ка начнем с начала. Перво-наперво вы расскажете мне и моим друзьям все подробности об исчезновении баронессы Эрде.

Из постоянного двора «Петух и котел» я отправился к другому двору, если, конечно, можно теперь поименовать «двором» резиденцию военного правительства Немедии, в обычную время именующуюся замком короны.

Какие мысли у вас вызывают слова «королевский двор»? Благородные господа и не менее благородные дамы-фрейлины, гвардия в блистающих доспехах, деловитая суэта прислуги, истошные вопли церемониймейстера «Ужин его королевского величества! Салфетка его королевского величества!», а для того, чтобы взять соусницу, нужно седлать коня, ибо торжественный стол приравняется длиной к главной улице столицы.

Теперь все не так. Если уж в Бельверусе осадное положение, а стража, сбиваясь с ног, «разыскивает» злодеев-бунтовщиков, то дворец являет собой настоящую крепость. На площадки башен замка короны взгромоздили катапульты и баллисты, проезды загорожены острейшими деревянными рогатками, наконечники которых окованы железом, внутрь пропускаются лишь те, у кого наличествуют разрешения, подписанные одним из триумвиров – Тараском, Эрдриком или Сагаро – а любые подозрительные личности заворачиваются обратно.

Специально ради визита к фаворитке принца Тараска я оделся особенно. Никакого бархата, никакой парчи, никаких лишних перстней или браслетов, одежда скромна до полной невозможности – черная туника, поверх одевается кожаный нагрудник-панцирь с тиснением в виде фамильного герба, круглая черная шапка с черным же шарфом, перевязь меча самая простая, из тех, что носят наемники. Посмотревшись утром в серебряное зеркало, я решил, что в таком наряде смахиваю на преуспевающего гробовщика во дворянстве и спросил сам себя, по кому же ношу траур.

Ответ не замедлил последовать – траур надет по почившим в бозе благополучию и стабильности стран Заката. Случавшаяся в Немедии заваруха наверняка вызовет лавину...

Может быть, конечно, я паникую, но паника имеет основание. Смена династии влечет за собой не только перестановки в высочайших сферах управления государством, но и нарушение торговых, военных и прочих союзов. У нового правителя всегда новые интересы. Я не знаю, кто будет данным правителем, однако осмеливаюсь предполагать. Если Тараск добьется трона, за сим наверняка последует резкое усиление Кофа, страны, всегда относившейся к Аквилонии со сдержанной недоброжелательностью.

Не будем загадывать, как обернется дело. Глядишь, обойдется. Пошумят, покричат, а когда пыль уляжется, снова продолжится привычная жизнь...

Оказавшись возле Полуденных ворот дворца, я из гордыни не спешил перед вылетевшим, будто на пожар, командиром караула – таковой не оказал должного почтения. Мне довольно невежливо посоветовали отправляться своей дорогой на все восемь сторон света – надлежащего пропуска во дворец у меня не оказалось.

Не оказалось? Как бы не так!

С самым надменным видом я снял с шеи деревянную руну «Райда», предъявил ее охране, после чего отношение к визитеру разительно изменилось. Бебиту немедленно взяли под узду, сдержанно залезбили и даже выделили проводника. Прочим караулам, расставленным буквально на каждом углу коридоров замка, было достаточно показать вырезанный из темной древесины амулет. Я мгновенно становился «своим». Неужели безродная девка из Пограничья забрала себе столь высокую власть?

– Сюда, – кивнул проводник, указывая на тяжелую дубовую дверь, ведущую в комнаты. – Если ты друг госпожи Зенобии, она тебя примет.

– А если не друг? – фыркнул я. – Тогда что?

– Тогда вылетишь отсюда через окно, – с чарующей непринужденностью сообщил гвардеец, отсалютовал брошенным к груди кулаком и отправился восвояси.

Памятуя о традициях варваров, с которыми я достаточно успел ознакомиться за время дружбы с Конаном, я открыл дверь без стука.

Ничего не скажу, здесь очень мило. До сих пор не могу понять, отчего самых утонченных дворян (к каковым, впрочем, я себя не отношу) всегда очаровывала дикарская простота. Очень большая комната, почти зала. Громадный камин, в котором пылают сосновые полешки. Широкая низкая постель – на ней можно разместить не меньше десятка гвардейцев и еще место останется. Лавки вдоль стен, никаких кресел или табуретов. Здоровенный грубоватый стол. Единственной приметой цивилизации являлся выстилавший пол иранистанский ковер с ворсом, достигавшим щиколотки.

Именно на этом темно-красном ковре рядом с очагом возлежала госпожа Зенобия. Самое потрясающее было в том, что полуночная дикарка (на сей раз наряженная в простенькое синее платье с вышивкой в народном стиле) весьма старательно шгудировала большую книгу в темно-коричневом с золотом переплете.

– Сочинение Тот-Амона, сына Мин-Кау из Птейона, – даже не повернувшись в мою сторону, проговорила Зенобия, постучав пальцами по страницам фолианта. – Граф, ты случайно не знаешь, что такое «нумерология»? Никак не могу понять толком!

– Э-э... Нумерология – это наука о магических и пророческих свойствах чисел, – ошеломленно сказал я. Ничего себе! Оказывается Дженна интересуется трактатами небезызвестного стигийца, прославленного не только в качестве первого колдуна Черного Круга, но и составителя весьма привлекательных рукописных трудов по истории и магии. Мало того, Дженна умеет читать! Хотя не стоит удивляться: она все-таки дочь купца, а образование в семействах торговцев ставится на второе место после врожденной деловой хватки. Без знания надлежащих наук ты никогда не обойдешь соперников и не заработаешь свое золото! – Однако если ты хочешь узнать побольше о нумерологии, стоило бы почитать не сочинения Тот-Амона, а книги кхитайских мудрецов, наиболее искушенных в тайнах чисел. Возьми хотя бы Ди Жэнь-Цзе из Пайкина...

– Благодарю за совет, – Зенобия быстро захлопнула книгу, встала с ковра, подошла ко мне и совершенно не девичьим жестом подала руку для пожатия. – Присаживайся, Маэль. Вина? Аргосского, коринфского, пуантенского?

– Мне больше нравится «Лоза Либнума», – поддел я Дженну, упомянув самое дорогое и редкое на Закате вино со знаменитых Либнумских холмов Шема. Даже во дворце Конана, беззаветно приверженного лучшим образцам винодельческого искусства Полуденного Побережья, «Лоза Либнума» полагалась неслыханно щедрым угощением и нектаром, достойным богов.

– Возьми на столе, – Дженна непринужденно кивнула в сторону огромного четвероногого сооружения из сосновых досок. Я подошел, обнаружил на столешнице кувшин с печатью в виде шестилучевой звезды, в центре которой находился силуэт верблюда, и понял, что колкость не удалась. Зато можно на славу угоститься.

– Здесь можно говорить свободно, – как бы невзначай сообщила Дженна. – Никто не подслушает. Во-первых, на страже стоят мои люди... Точнее, нелюди. Во-вторых, это самое удаленное крыло дворца. Я всегда любила независимость.

– Нелюди? – я плеснул вина в серебряный кубок и продегустировал. Ничего не скажешь,

подлинный «Либнум»! С ума сойти! Быть фавориткой принца Тараска не так уж плохо... – Эта такая особая шутка обитателей Пограничья, которую аквилонцы не понимают?

– Еще как понимают, – отмахнулась Зенобия. – Между прочим, Конан Канах, твой король – большой приятель нашего короля. Эрхарда Оборотня. Понятно?

– А ты сама не оборотень? – поинтересовался я, наблюдая, как Зенобия наливает в свой кубок какую-то жуткую настойку. Судя по запаху, ежевичную.

– Не повезло, – совершенно серьезно ответила госпожа фаворитка. – Я, к сожалению, самый настоящий доподлинный человек. Ладно, оставим споры о преимуществах двух противоположных рас. Надеюсь, ты сообразил, что я позвала тебя не случайно?

– Конечно, сообразил. И что?

– А вот что, – Зенобия указала мне на длинную лавку, застеленную медвежьей шкурой. – Насколько мне известно, тебя прислал в Бельверус король Аквилонии? Да? И пожалуйста, не делай такие невинные глаза! Я, как ты мог заметить, отнюдь не круглая дура. Кроме того, детство и юность я провела в Пограничье и отлично знаю, в каких отношениях находились Конан и герцог Мораддин.

– Не понимаю, как можно увязать вместе твою молодость, короля Аквилонии и покойного герцога, – брякнул я. – При чем здесь Пограничье?

– Человеческие судьбы, долгие тонкие нити, свитые Норнами, переплетаются очень причудливо, – с задумчивым видом изрекла Зенобия и села рядом со мной. – В моей полуночной стране слова «богатый купец» почти равнозначны слову «герцог». Ты слышал о моем отце? Он ведает торговой управой Пограничья, близок к королю Эрхарду и наслышан о некоторых страничках прошлого аквилонского государя. Я же внимала рассказам отца со всем тщанием... Я знаю, что Конан и глава Вертрауэна познакомились давным-давно, лет двадцать назад или даже больше того. И, конечно же, такой человек, как Конан, не мог оставить в беде старинного друга.

– Какие же из всего этого выводы? – поинтересовался я.

– Никаких, – Зенобия развела руками. – Здесь настолько тесно сплелись высокая политика, в которой я ничего не понимаю, чьи-то интриги и колдовство, что распутать этот клубок не сумел даже хитроумный Мораддин. За что и поплатился жизнью.

– Колдовство? – ахнул я. – Какое колдовство?

– Обычное. Разве ты никогда не сталкивался с магией?

– А ты, видимо, сталкивалась настолько часто, что хорошо разбираешься в волшебном искусстве?

– Да не сказала бы... Мои телохранители-оборотни заставили меня насторожиться. Племя Карающей Длани чувствует магию гораздо острее людей. Так вот, парни утверждают, что в Бельверусе появилось нечто... нечто чужое. И это чужое – действует.

– И в чем это выражается? – спросил я. – Каково действие?

– Отец приставил ко мне четверых охранников, – глядя на огонь камина, сказала Зенобия. – Трое оборотней, один человек. Тарк, дальний родственник Эрхарда, уехал еще зимой. Обратно в Пограничье. Отговорился тем, что в Немедии ему плохо. Хотя за последние четыре года я не слышала от него никаких жалоб. Остальные начали болеть, примерно с начала зимы. Чем дальше, тем хуже. А позaproшлой ночью умер Гупта – мой самый верный страж. Я достаточно хорошо знакома с Племенем Карающей Длани – оборотни гораздо крепче людей. Так просто они не умирают. В Бельверусе, как мне кажется, на них начала действовать та самая чужая магия, появившаяся в городе, едва выпал снег... И я сама

начинаю бояться.

– Мне, конечно, интересно слушать рассказ о твоих страхах, – довольно жестко заметил я, – но почему бы не перейти к делу? Что ты хочешь мне сказать? И почему? Почему не пожаловаться принцу Тараску или канцлеру? При чем здесь дворянин из Аквилонии, пусть он даже и является доверенным лицом короля?

– Вот ты, значит, как... – сощурила глаза Дженна. – На все эти вопросы я не отвечу. Отчасти потому, что не хочу, отчасти потому, что не могу. А Тараск... Молодой принц рвется к власти. Он привел в город много верных людей и я почти уверена, что гибель семьи старого Нимеда – на его совести. Мне на это плевать, Немедия для меня чужая страна. Однако я не могу спокойно наблюдать, как в политику вмешивается чуждая людям сила, равно опасная и для того, кто ее использует, и для его противников.

– Я подозревал, что за недавним фальшивым мятежом стоит Тараск, – Зенобия, собственно говоря, ничего нового не поведала. И в то же время я в очередной раз слышу о некоем чужеродном колдовстве. Райан предупреждал, теперь Зенобия туда же... И дочь герцога Морадина упоминала о некоем «красном сиянии». – Скажи, в свите Тараска есть маг?

– Аж целых двое, – мигом ответила Дженна. – Ораст и еще один... Этого второго я вижу очень редко. Станный человек. Кажется, Тараск познакомился с ним в Кофе.

– Имя знаешь?

– В этом-то вся и загвоздка! Имя необычное. Не стигийское, не кофское и не немедийское. Его зовут или называют Ксальтоуном. Точно такое же имя я встретила вот в той книге, – Дженна указала рукой на валяющийся том сочинений Тот-Амона. – Ксальтоун – кхарийское слово. Перевести его очень трудно – оно означает одновременно и человека, который постоянно возвращается, и нечто, существующее вечно, но где-то на самом рубеже миров Зримого и Незримого, и течение времени, а если уж быть совсем точной, то это понятие вышло из употребления еще полторы тысячи лет назад, когда рухнула Кхарийская империя. Мне кажется, что «Ксальтоун» – это не столько имя, сколько название какого-то ремесла. Человек может быть скорняком, наемником, лекарем. А может быть ксальтоуном.

– Говоря проще, колдуном?

– Нет, именно ксальтоуном. Не могу объяснить эту догадку. Я спросила об этом слове у королевского мага, Арраса, он только пожал плечами и настоятельно посоветовал держаться подальше от людей, пользующихся кхарийским языком. Зато сам Аррас теперь всюду крутится возле Тараска. А сейчас подумай и увяжи воедино кое-какие события: в конце осени приезжает Тараск и тогда же мои оборотни начинают чувствовать постороннюю волшебную силу. Зимой разгорается беспокойство в городе, народ недоволен властями, потом эпидемия, потом перебои с доставкой продуктов в столицу, с середины зимы в Бельверусе появляется сумасшедший, убивающий людей и буквально разрывающий их на части, король Нимед заболевает... Если взглянуть на все события зимы в целом, можно увидеть единую цепочку бедствий.

– И ты полагаешь, что на конце этой цепочки болтается Тараск?

– А на другом – немедийская корона, – подтвердила Зенобия. – Можешь идти, граф. И повторяю – как можно быстрее найди молодую баронессу Эрде. Тараск ее тоже ищет.

Меня ненавязчиво выпроваживали и ясно дали понять, что дальнейшие вопросы неуместны. Кажется, Зенобия и так сказала больше, чем хотела.

Похоже, я ввязался в крайне запутанную и очень темную историю. Мало мне всех

предыдущих неприятностей! Теперь же на горизонте замаячила фигура какого-то Ксальтоуна!

Пусть моего проклятущего родственничка, Райана Танасульского, заберут самые клыкастые и вонючие демоны! Почему Райана никогда нет на месте в то время, когда он нужен?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Записки Долианы, баронессы Эрде – II «Беглецы в огромном городе»

Немедия, Бельверус.

17 день Первой весенней луны.

Меня разбудили пробившиеся сквозь щелястую деревянную стену солнечные лучи, деловитая переключка голосов и головокружительный для голодного человека запах свежее испеченного хлеба. Вообще-то я не спала – дремала вполглаза, как хищные звери. Четверть колокола настороженного полусна-полуяви, мгновенное пробуждение и внимательное изучение окрестностей. Опасности нет? Значит, можно снова положить голову на лапы и прикрыть глаза.

Есть хотелось до громкого и неприличного урчания в животе. Я осторожно пошевелилась, стараясь не разбудить моего спутника, и заглянула в выпавший из доски сучок. Наше убежище – пустующий сарай для мешков с мукой – приткнулось на задворках большой пекарни, и сейчас там дым стоял коромыслом в прямом и переносном смысле. По обширному двору носились мальчишки-подмастерья, тащившие подносы с готовыми булками. Кто-то громко и визгливо требовал немедля добыть ему свежих дрожжей, угрожая нерадивым помощникам страшными карами и лишением жалования. Крикуна заглушал трубный ослиный рев и сердитый женский голос, отдававший распоряжения. Всюду летала белая мучная пыль, от которой я едва не расчихалась, но вовремя зажала рот ладонью и опасно покосилась на свернувшегося рядом человека. Он слабо пошевелился и что-то пробормотал.

Я знала, чье имя он повторяет. Словно подтверждая мою догадку, из-под опущенного века беззвучно выкатилась слеза. Одна, вторая, третья... Только этого не хватало. За что нам такие мучения? Я сама с удовольствием бы разревелась, но слезы почему-то иссякли. Осталась только сухая горечь и мертвенная тоска.

Будь я одна, я, возможно, опустила бы руки и сдалась. В конце концов, я только девчонка пятнадцати лет от роду, ничего не знающая и не умеющая. Но теперь нас двое. Я отвечаю за того, кто по воле случая стал этой безумной и долгой ночью моим компаньоном и напарником. Стисни зубы, Дана Эрде, забудь о прошлом, о сгоревшем доме и погибшей семье. Думай о сегодняшнем дне. Нам нужна еда, нужно золото и хорошее укрытие. Нам нужно узнать, что происходит в городе, и сообразить, как поступать дальше. Я также с удовольствием обзавелась парой выносливых лошадей и подорожной с разрешением выехать из столицы.

Но в первую очередь я не отказалась бы от только что вытасченной из печи булки. Можно даже без изюма и корицы. Интересно, сколько у нас монет на двоих? У моего приятеля, подозреваю, в карманах вообще ни единого медяка. Деньги ему никогда не требовались. У меня есть пригоршня золотых ауреев и драгоценности, которые в случае настоятельной необходимости можно рискнуть обратить в наличность. Сунемся к какому-нибудь ростовщику или меняле, продадим жемчужный кулон или колечко с изумрудом...

Спавший на ложе из пыльных мешков молодой человек внезапно рывком поднял голову,

ошалело глядя по сторонам. Попытался вскочить, зацепился за отошедшую половицу и снова шлепнулся.

– Дана?! – приглушенный вопль отчаяния.

– Здесь, здесь, – проворчала я. – Не кричи.

– Где мы? – он послушно опустил обратно, пригладил ладонью встрепанные светлые волосы и вопросительно уставился на меня. Глаза у него были серо-синеватого цвета, взгляд отчаявшийся и вместе с тем упрямо-вызывающий. Некогда искусно сшитый наряд темно-зеленого и красного бархата всего за одну ночь превратился в живописные обноски, в которых уважающий себя нищий на улицу не выйдет. Вчера нам пришлось изрядно побегать, а также несколько раз сигануть с крыш, провалиться в кучу отбросов и подраться с загадочными личностями, непременно желавшими нас прикончить. Однако ночь миновала, а мы по-прежнему живы, вопреки всему.

– Склад при какой-то пекарне, – я снова заглянула в круглое отверстие от сучка. – Работа кипит, так что у нас есть возможность улизнуть незамеченными.

– Поесть бы... – жалобно сказал мой неожиданный спутник. – Как думаешь, сколько стоят две больших булки с медом и специями?

– Четыре серебряных кроны, сиречь двенадцать талеров, – не задумалась я.

– Я заплачу, – самоуверенно предложил мой компаньон.

– Чем? – хмыкнула я. – Долговой распиской? Нет, дражайший месьор, мы ни за что платить не будем, ибо пока пребываем в бедности и вне закона. Я собираюсь пойти на преступление и украсть для нас что-нибудь съедобное.

– Ты не можешь! – искренне возмутился он.

– Могу, – я встала. – Могу и сделаю, как подобает верной подданной. Вставайте, мой господин. Ступай через двор, ни на кого не обращай внимания. Все так заняты, что тебя, скорее всего, тоже не заметят. На улице свернешь направо, спрячешься где-нибудь под аркой и подождешь меня.

– Это ужасно, – обескуражено пробормотал светловолосый. – До чего мы докатились – до грабежа!

– Иди, – я легонько подтолкнула его к покосившейся двери сарая.

Я оказалась права – занятые своими хлопотами подмастерья булочника едва глянули в сторону выбравшегося из пристройки человека в потрепанном дворянском костюме. Он благополучно дошел до калитки, открыл ее и исчез из виду.

Мне пришлось обождать, пока не появится намеченная жертва. Волочивший огромный железный противень мальчишка выглядел слегка туповатым, и, когда внезапно появившаяся рядом с ним девица бесцеремонно схватила с подноса не две, а целых четыре булки, только рот раскрыл от удивления.

– Хозяин разрешил, – быстро проговорила я. Подмастерье растерянно моргнул, а я поспешно выскочила прочь со двора.

Добычу мы сжевали, сидя на ограждении испускавшего тонкую струйку фонтана, и запили холодной водой из бесплатного уличного источника. Я оглядывалась, пытаюсь сообразить, в какую часть города нас занесло, и пришла к выводу – мы в Дакостре, полуденном квартале мелких лавочников и торговцев. Местечко тихое, небогатое, считающееся приличным и законопослушным. Если не наткнемся на гвардейский патруль или особо бдительного горожанина, мы пока в безопасности.

– Теперь, ваша милость, – по возможности бодро начала я, – настало время всерьез

задуматься. Мы – никто. Возможно, официально нас больше не существует. Мы умерли прошлой ночью. Чем заняться двум покойникам в Бельверусе?

– Поражаюсь, как у тебя хватает силы духа смеяться, – с откровенным удивлением заявил мой спутник.

– Это потому, что мне страшно, – честно призналась я. – Но моя матушка всегда повторяла: не давай страху завладеть собой. Лучше смеяться над собственными бедами, чем рыдать и твердить, что все пропало. Итак, ваше высочество, умолкаю и внимаю вашим предложениям.

Обращение «ваше высочество» было совершенно истинным и справедливым. Ведь сидевшего рядом со мной на известняковом парапете молодого человека звали Ольтеном Эльсдорфом, младшим отпрыском покойного Нимеда Первого. Меня грызло сильнейшее подозрение, что принц Ольтен теперь не только младший, но и единственный уцелевший сын короля.

– Какие у меня предложения... – Ольтен дернул плечом и устало сгорбился, сцепив руки между колен. – Ты права: во мнении общества мы наверняка считаемся погибшими, хотя кое-кто может клятвенно засвидетельствовать, что мы уцелели. Рискнуть вернуться во дворец? Боюсь, я исчезну прежде, чем успею встретиться с кем-либо, кто мог бы мне помочь. Я слишком много видел и слишком много знаю. Обратиться к друзьям? В городе найдется десяток-другой людей, согласных предоставить нам убежище, скажем, мои знакомые по временам жизни в Заморе...

Не стоило ему вспоминать Замору. Принц два года пробыл там протектором (говоря по правде, почти некоронованным королем), умудрившись добиться уважения к своей особе и достигнуть немалых высот в деле управления этой беспокойной полуденной страной. Вдобавок Ольтен нашел там подлинное сокровище – свою супругу, юную графиню Кариолу. Представления не имею, как она раздобыла право на графский титул и был ли он хоть немного законным, но твердо знаю иное: принц дорожил ею больше всего на свете, а теперь веселая и бесстрашная Кариола лежит где-то на мостовых Бельверуса и весенний снежок не тает под ней.

Ибо она мертва. Мертва, подобно моим родителям и моему брату.

* * *

Выбравшись из переулка, тянувшегося вдоль ограды нашей усадьбы, я, прихрамывая и поскуливая, устремилась по пустынной ночной улице, стараясь держаться в тени домов. Предвещавший тревогу колокольчик не умолкал, назойливо твердя о необходимости быть настороже и том, что убийцы очень скоро прознают о бегстве добычи. У них наверняка хватит людей, чтобы рассыпаться и прочесать окрестные кварталы. Может, спрятаться?

Быстро обдумав эту идею, я признала ее неподходящей. Не зная здешних укромных уголков, я вполне могу по неосторожности поднять изрядный шум. Он привлечет внимание горожан и меня быстро обнаружат. Вряд ли стоит уповать на людское милосердие. Похоже, Майль оказался прав: в городе вспыхнул настоящий бунт. Узнать бы, против кого он направлен? Против королевской семьи и их сторонников? Против Вертрауэна? Или

недовольство плебса обращается на любого, оказавшегося в ненужное время в плохом месте?

При всем незнании жизни я уверенно поделила навестивших особняк в проезде Черного Леопарда людей на две группы. Первая, числом в сотню-полторы, сломала ворота и пыталась разбить парадные двери, а потом шумно и бестолково металась по саду в поисках уцелевших домочадцев герцога Морадина. Эта орава состояла из горожан низкого сословия и примкнувших к ним отребьев общества, скорее всего, надеявшихся под шумок пожить добром из разоренного дома. Их клич сводился к незамысловатому «Бей прихвостней Коротышки!», и, как подозреваю, решительность подогревалась уничтоженным незадолго до того содержимым бочонков с каким-нибудь дешевым пойлом. Сам по себе эти люди вряд ли решились бы на такой поступок, как разгром жилища главы зловещего Пятого департамента. Может, их просто науськали на дом Эрде, как собак натравливают на лежбище кабана? Но тогда мне очень хотелось бы знать, кто и зачем это сделал?

Второй отряд явился именно за жизнями членов семьи Эрде. Они прекрасно знали свое дело и, надо отдать им должное, выполнили его почти безукоризненно, если не считать досадной промашки с некоей Долианой Эрде. В книгах я не раз читала: самое опасное – недооценить противника. Лучше заранее считать врага более опасным, чем на самом деле, чем потом винить себя в непредусмотрительности.

Не это ли стубило моего отца? За долгие годы он привык считать себя никогда не ошибающимся и умеющим предвидеть все возможные повороты событий. А вот такого, какой происходит сейчас – не предусмотрел. И теперь Дане Эрде предстоит выкручиваться самостоятельно.

Кто бы знал, как я боюсь... Стиснутый в ладони кинжал не помогает. Сомневаюсь, что в случае опасности у меня хватит решительности пустить его в ход.

«Однако я сумела прикончить того жуткого типа, что напал на меня у ограды усадьбы!» – напомнила я себе и озадаченно задумалась: как я вообще сумела это проделать, не коснувшись нападавшего даже пальцем? Я не пыталась достать его своей дагой, не сделала ни единого выпада! Зато перед моим «внутренним взглядом» (если считать мимолетное странное видение именно тем «взглядом», кой красочно описывают в своих трудах многоученые философы) предстали какие-то развевающиеся красные нити, и я их с легкостью перерезала. Вроде бы тем самым клинком, что наяву держала в руке. Нити распались – человек умер.

Ладно, с загадками разберусь потом. Если «потом» когда-нибудь наступит. Вопрос, тревожащий меня в настоящий миг – куда бежать? Бесцельно мотаться по городу, наверно, опасно. Можно наткнуться как на толпу мятежников, так и на шайку обычных уличных грабителей. К тому же я не в состоянии определить, есть за мной погоня или нет.

Будем следовать наставлениям отца, то есть искать постоянный двор «Путеводная звезда».

Быстрое изучение фасада дома, мимо которого я пробежала, подсказало, что я нахожусь на улице Скачущего Коня – к каменному выступу крепились плоская бронзовая фигурка, позеленевшая от времени. Эта улица выведет меня к Площади Побед Нумы и закрытому на ночь зеленому рынку. На площадь лучше не соваться, большое открытое пространство в такую ночь наверняка служит местом сбора бунтовщиков. Обойду рынок по близлежащим переулкам. Затем предстоит одолеть еще три квартала, двигаясь в полуночном направлении и стараясь постоянно держать в уме чертеж столицы. Где-то там лежит небольшая улица Медников, названная так из-за расположенного на ней здания гильдии ремесленников этого

цеха...

В путь. Внимательно смотрим по сторонам, прячемся от любых прохожих, военных патрулей и подозрительных личностей, но пуще всего – от скопления мятежников. Из болезненного любопытства я на всякий случай посмотрела вверх, однако хмурые облака так плотно затянули небо, что малейшие просветы исчезли, скрыв от меня алое мерцание и кружившую в небесах огромную небывалую птицу. Начался снегопад – мелкий и мокрый, больше напоминающий дождь.

Новичкам везет. Я благополучно миновала темные, притихшие кварталы, всей шкурой ощущая настороженные взгляды притаившихся за накрепко закрытыми ставнями горожан. Пару раз мне пришлось юркнуть в подворотни, терпеливо дожидаясь, пока мимо пройдет очередная крикливая группка бунтующих плебеев. Один раз мимо меня быстро проскочил некто в темных лохмотьях, и, к моему удивлению, на бегу бросил через плечо: «Не ходи к улице Алебард, там заварушка». Очевидно, загадочный субъект являлся воришкой или домушником, и принял меня за собрата по ремеслу.

Вняв предостережению, я обошла указанную улицу стороной, краем уха расслышав крики, треск горящего дерева и звонкие щелчки разбивающихся о мостовую черепиц. На улице Алебард стоял особняк, принадлежавший кому-то из младших королевских сыновей – не то Зингену, не то Ольтену. Мне оставалось только мысленно посочувствовать обитателям дворца и понадеяться, что тамошняя охрана сумеет разогнать взбесившуюся толпу.

Улица Медников, больше смахивавшая на тесный переулок, встретила меня тревожным молчанием. Постоялый двор я увидела издалека – над входом качался зажженный слюдяной фонарь ярко-голубого цвета, освещая крупную вывеску, написанную стилизованными туранскими завитушками: «Путеводная звезда». Кажется, я у цели.

В иное время я бы кинулась к спасительному крыльцу, не разбирая дороги и повизгивая от облегчения, но сейчас не могла решиться сделать шаг. Вместо этого я попятилась и спряталась за выступом каменной колонны. Подождала, внимательно изучая фасад таверны. Внизу все огни потушены, зато на втором этаже сквозь трещину в ставнях просачивается бледный желтоватый отсвет. Войти через дверь для посетителей или попытаться найти другой вход? Скажем, предназначенный для слуг и поставщиков?

Поколебавшись, я решила воспользоваться черным ходом. Метнулась через улицу, спряталась в густой тени и рысцой побежала вдоль каменной стены. В кухне постоялого двора наверняка никого нет, так что я не стану причиной паники и воплей. Главное, чтобы на заднем дворе не оказалось бдительного сторожевого пса, который не делает различий между рышущим в поисках добычи представителем «ночного братства» и скрывающейся дочкой опального вельможи, с равным прилежанием облаивая тех и других.

Собаки, к счастью, тут не держали. С величайшей осторожностью я миновала крайне захламленный дворик, только раз споткнувшись о жестяное ведро и успев его вовремя подхватить, заметила очертания покосившейся двери и устремилась к ней. Легонько постучала.

Дом оставался тихим. Как я не настораживала уши, не слышала ни шлепанья приближающихся ног, ни раздраженного оклика: «Кого там принесло среди ночи?».

Я постучала снова, теперь погромче и сильнее. От моих толчков дверь скрипнула и отошла внутрь. Она вообще стояла незапертой, что слегка противоречило моим представлениям о городских нравах. Мне казалось, что содержатели постоялых дворов должны весьма заботиться о сохранении своего имущества.

Войти? Не торчать же на пороге в ожидании неизвестно чего?

За дверью тянулся узкий коридор, пропахший острыми специями, сторовшим бараньим жиром и топленым салом. «Путеводная звезда», как я вспомнила, принадлежала туранцу, значит, посетителей кормят соответственно традициям стран Восхода. Эта приоткрытая дверь ведет на кухню – я проверки я заглянула, увидев большой открытый очаг, набор вертелов и развешанные по стенам разнообразные кастрюли-сковороды-половники. Следующая дверь выходит в общий зал, занимающий весь первый этаж – там темно и пусто. Крутая лестница наверх, освещенная слабыми колеблющимися отблесками. Изогнув шею, я попыталась разглядеть, что расположено выше, и тут мне на плечо увесисто шлепнулась густая капля какой-то жидкости.

– Ой, – пискнула я и отступила. Следующая капля пролетела мимо и смачно хлюпнулась в небольшую лужицу, натекающую у основания лестницы. Я принялась – неприятный запах этой лужицы напомнил мне о готовящемся мясе и шипящей на сковороде крови.

По лестнице я поднималась на цыпочках, опасаясь малейшего скрипа. Одолела полтора десятка ступенек и медленно оглянулась, догадываясь, с чем предстоит столкнуться.

За сегодняшней день я повидала больше мертвецов, чем за все пятнадцать прожитых лет, но впервые смерть была такой близкой и, если так можно выразиться, откровенной. Человек (судя по одежде, трактирный слуга) лежал на спине, неуклюже разбросав руки-ноги и далеко запрокинув голову. Его шею перечеркивал широкий багровый разрез с ровными краями, отчего зрелище болезненно напоминало вид надрубленной кровяной колбасы. Кровь стекала вниз, неторопливо просачиваясь сквозь половицы. Мне с трудом удалось подавить тошноту и убедить себя в том, что покойник не способен причинить никакого вреда. Что здесь произошло? Случайная ссора? Или?..

– Есть тут кто? – громким шепотом позвала я. Ответа не последовало.

Второй труп застрял в дверях комнаты, рассеянный свет из которой я заметила с улицы. Вот и свеча, горящая в плоской тарелке на низком столе.

«Может, это и есть тот самый Яхмак, владелец таверны? – я с легким испугом разглядывала скрючившегося на боку грузного мужчину средних лет, с бритой головой и в засаленном желтом халате. Его прикончили несколькими ударами тонкого и очень острого лезвия, нанесенными в область сердца. Застывшее на его перекошенном лице выражение я бы определила как „раздраженное“. – Кто с ним расправился? Почему?»

Пламя свечи чуть качнулось. По стене проскочила размытая тень, что-то жесткое скользнуло по моим волосам и рывком охватило горло, впившись острыми краями в кожу.

«Попалась! – истерически заверещала трусливая часть моей без того изрядно напуганной за сегодняшнюю ночь души. – Тут была засада и ты угодила в нее! Попалась! Тебе конец!»

Я беспорядочно замолотила руками в попытке сорвать душившую меня петлю и, разумеется, выронила кинжал. Стоявший сзади человек натянул ремень потуже, вынуждая меня выгнуться дугой, перед моими глазами поплыли зеленоватые и красные круги, воздух стал почему-то твердым и шершавым. Последним усилием я вспомнила про спрятанный за отворотом сапога стилет, кончиками пальцев дотянулась до него, ухватила и всадила по самую гарду в что-то мягкое и податливое.

Противник взвыл, но удавку не выпустил, только слегка ослабил. Я жадно схватила глоток драгоценного воздуха и ударила снова. Потом опять и опять, пока неизвестный не осел на пол, хрипя и захлебываясь собственной кровью. Я плюхнулась рядом, занятая только

одним – дышать, дышать!

Когда голова перестала кружиться, а горло – сжиматься в приступах спазмов, я отползла в сторону и первым делом подобрала улетевшую дагу. Затем боязливо глянула, кого я прикончила, увеличив число своих невольных жертв до двух человек. Лицо этого типа было мне совершенно незнакомо, а скромные одеяния наводили на мысль о небогатом торговце. И никаких предположений, зачем ему понадобилось нападать на меня.

«У него вполне могут быть сообщники, – мелькнуло в голове. – Тебе повезло, но везение – штука непостоянная. Исчезай».

Я скатилась вниз по лестнице, замерла (послышалось или нет? Вроде бы из общей залы доносятся шаги?), вихрем пробежала по коридору, вылетела на задний двор, пометалась туда-сюда, не зная, куда кинуться, и прыжками понеслась вверх по улице Медников. Теперь я окончательно запуталась и поняла, что могу рассчитывать только на себя. У отца наверняка имелись в городе иные доверенные люди, подобные Яхмаку, но, к сожалению, они мне неизвестны. Я знаю, где проживают знакомые Вестри и семейство моей лучшей приятельницы Цинтии Целлиг, но имею ли я право заявляться к ним посреди ночи и просить о помощи? Общаться со мной теперь опаснее, чем с прокаженным нищим. Значит, нужно дожидаться рассвета. Утром власти начнут наводить порядок. Может, я могу рассчитывать на защиту закона?

Хотя, если подумать...

События в особняке Эрде наводят на мысль, что нас невзлюбил не столько плебс, сколько кто-то из числа сильных мира сего. Кому еще могли служить отлично выдрессированные убийцы? Они все предусмотрели и, упустив меня возле усадьбы, немедленно отослали сообщников туда, где я непременно должна была появиться – в «Путеводную звезду». Откуда-то им стало известно о таверне и ее хозяине. Неужели теперь всюду, куда бы я не сунулась, меня будет подкарауливать неприметная личность с удавкой или ножом в рукаве?

Что же делать? Куда бежать?

* * *

В полнейшей растерянности я кружила по городу, не решаясь остановиться и поискать укрытие. Я давно потеряла малейшее представление о том, где нахожусь. Смутно припоминаю, как миновала широкий каменный мост через Бельверу – в просветах между досками равнодушно поблескивала темная вода. Кажется, я побывала поблизости от замка короны. В памяти отпечатались высокие башни, факелы и смутные фигуры людей, суевившихся подле распахнутых ворот. Потом меня по неосторожности занесло прямо в топавшую среди улицы и выкрикивавшую какие-то неразборчивые призывы толпу. Я шла вместе с ними, пока не заметила неосвященный переулок и не улизнула туда. Вроде бы я сидела на спине изъеденного временем каменного дракона, украшавшего перекресток, бессвязно грозясь отомстить всем моим обидчикам, и убежала, услышав цокот копыт приближающейся лошади.

Прояснение сознания застало меня на широком проезде, имевшем даже такую роскошь,

как ряд высаженных посередине лип. Блестящий медный силуэт длиннорылого и ошетилившегося кабана сообщил мне, что я забрела в самый центр столицы, на улицу Вепря.

Затем я поняла, что слышу возникающий где-то неподалеку тревожный гул, перемежаемый ставшими уже привычными криками, сулившими лютую гибель семейству Эльсдорфов и звоном разбивающихся стекол. Я огляделась, соображая, куда бы спрятаться, не собираясь приближаться к месту очередного погрома... и внезапно ослепла. Дома вокруг окрасились багровым заревом, высветившим камни мостовой и отчетливые тени раскинувших облетевшие ветви лип. Затем над улицей Вепря пролетел осязаемый поток горячего воздуха, и я поняла: горит собственность кого-то из верных сторонников короны. Я даже увидела этот пожар и собравшуюся возле особняка толпу – это происходило за три или четыре дома от меня. Соваться туда опасно и бессмысленно. Помощи от меня никакой и вдобавок меня саму могут заметить. Одинокая девчонка наверняка вызовет подозрение и меня постараются поймать.

Я решительно свернула с проезда Вепря в тесную улочку между домами. Достаточно бесцельных странствий! Сейчас отыщу место, где меня не найдут, и пробуду там до утра. При солнечном свете и думается лучше, и не так страшно.

Благие намерения никогда не осуществляются.

Улочка петляла по задворкам высоких, напыщенных строений, ведя меня причудливым зигзагом непонятно куда. Рыжие всплески пламени сначала оставались по правую руку, затем внезапно переметнулись влево, став опасно близкими, а я оказалась в самом настоящем тупике, огражденном с двух сторон глухими стенами домов, а с третьей – какой-то одноэтажной пристройкой с высоким чердаком. Я растерянно пялилась на маленькое, аккуратное здание, когда в нем стремительно распахнулось окно и оттуда выпрыгнул человек. Постоял, быстро озираясь и прислушиваясь (я вовремя сделала шаг в сторону, став одной из теней). Удовлетворенно кивнул и еле слышно произнес: «Все в порядке».

Из окна появились еще двое, помогли выбраться третьему, в коем я по движениям безошибочно признала женщину, наряженную, подобно мне, в мужской костюм. Подозрительная четверка перевела дух, кто-то из них зажег припасенный фонарь, и маленький отряд быстрым шагом направился вниз по переулку.

«Вряд ли это мятежники, – быстро рассудила я. – Скорее всего, законные обитатели только что подожженного дома. Раз так, нужно присоединиться к ним, кто бы они не были!»

Когда беглецы поравнялись со мной, я тихонько свистнула. Люди замерли, как вкопанные, женщина растерянно ахнула, тот, кого я увидела первым, угрожающе шагнул вперед, вытягивая из ножен меч.

– Я не опасна! – с этими совершенно неподходящими словами я торопливо выбралась в круг тусклого фонарного света и на всякий случай подняла руки, показывая, что в них ничего нет. – Я спасаюсь от бунтовщиков! Вернее, пытаюсь спастись...

Настороженная пауза, пока меня разглядывали. Потом фонарь поднялся выше, осветив лица. Точно, трое мужчин и тщательно скрывающая испуг девушка, едва ли старше меня годами. В должности предводителя у них явно выступает светловолосый молодой человек благородного вида, двое других смахивают на лощеных красавчиков военного сословия, подрастерявших изрядную долю своей былой самоуверенности.

– Ты кто? – нарушил затянувшееся молчание блондин.

– Долиана Эрде, – я решила, что ни к чему скрывать свое имя. Все мы в одной тонущей лодке. – Дочь герцога Мораддина Эрде.

– Но... – растерянно произнес молодой человек. Нет сомнения, имя моего отца ему знакомо, как знакомо почти всякому жителю столицы слово «Вертрауэн». – Почему вы здесь? Разве дом Эрде тоже?..

– Какая разница? – вмешалась девушка. – Полагаю, баронесса Эрде не стала бы бегать по ночным улицам ради собственного удовольствия!

– Верно, – подтвердил доблестный носитель фонаря и тревожно покосился назад, на флигель и взлетающие над черепичной крышей языки огня.

– Тогда вы идете с нами, – принял решение молодой человек и коротко хмыкнул: – Не самое лучшее время и место для знакомства. Я Ольтен Эльсдорф, а это моя супруга Кариола.

– Очень приятно, – растерянно пробормотала я. Вот так встреча, нарочно не придумаете! Значит, жертвой разъяренной толпы стал особняк младшего из четырех сыновей покойного Нимеда, предприимчивого и неутомимого принца Ольтена?

– Виллет Клеве, Дайси Борген, – вразнобой представились гвардейцы, так что я даже не успела понять, кто из них кто. Церемонию взаимных расшаркиваний на этом сочли законченной, и компания из пяти человек заторопилась прочь от подожженного дома.

– Прошу прощения, но куда, собственно, вы направляетесь? – я пристроилась справа от принца. Слева шла Кариола, постоянно запинаясь о ножны болтавшегося у нее на бедре длинного эстока.

– К замку короны, – кратко отозвался Ольтен.

– Туда нельзя! – встревожилась я. – Я недавно пробежала мимо, там полно мятежников! Мне казалось, они пытаются штурмовать ворота. Мы просто не сможем подойти близко и дать знать о себе!

– Да? – его милость сбился с шага и окликнул одного из своих сопровождающих: – Дайси, похоже, к дворцу не сунуться. Госпожа Долиана, ты не знаешь, как вообще обстоят дела в городе?

– Погром на улице Алебард, – сообщила я. – Очень большая толпа бесцельно шатается по Золотому кварталу и швыряет камни в окна. Стражи нигде не видно. По моему скромному разумению, стоило бы поискать укрытия где-нибудь на окраинах, там, где никому не придет в голову нас искать.

– Например, в борделе, – неожиданно предложила супруга принца. – Или на захудалом постоялом дворе.

Я вспомнила, что Кариола родилась и выросла в Заморийском протекторате, в печально известном Городе Воров, Шадизаре. Законность ее графского титула в Немедии подвергалась большому сомнению, а юность графини, надо полагать, отличалась изрядным своеобразием, давшим ей неплохое знание обычаев городского дна. Хотя ее идея, надо признать, не лишена здравого смысла. Гвардейцы дружно хмыкнули и с уважением покосились на принцессу.

– Не пустят, – сказал тот, кого я сочла представителем семейства Клеве. – Разве что выбьем двери и ворвемся с боем.

– Идем к Риверам, – заявил Ольтен. – У них есть маленькая усадьба в полуденной части города. Барышня Долиана, ты сумеешь провести нас на... забыл, как же этот переулок... то ли Кинжала, то ли Ножа...

Про Эвмера Ривера и его дочь, Десмеру Несравненную, я слышала от брата. Двадцать лет назад Десмера стала очередной любовницей покойного короля Нимеда. Когда у нее родился сын, правитель Немедии сделал совершенно неожиданную вещь – сочетался с фавориткой браком по митрианскому обряду. Ровно два дня бедная Десмера, умиравшая

после тяжелых родов, пробывла некоронованной королевой страны, а ее отпрыск получил законное право числиться среди принцев короны. Отец Десмеры, Эвмер, с тех пор сильно невзлюбил Трон Дракона, даже пытался сострять заговор против Нимеда. Будучи разоблаченным, Ривер покаялся и отошел от политических дел, безвылазно засев в своем старинном особняке в обществе сестры, дряхлеющей старой девы, и нескольких преданных слуг. Поговаривали, что он занимается там алхимией, привечает колдунов и собирает книги по магии. Понятия не имею, как он относится к своему внуку, обитающему в замке короны, но, коли принц твердо уверен, что старый Ривер примет его... Где у нас переулочек Ножа?

– Сумею! – уверенно сказала я.

Если бы кто-то взял на себя труд нанести наш путь по чертежу столицы, то решил бы, что такой след могла оставить только изрядно подвыпившая и заплетающаяся в собственных лапках сороконожка. Подозреваю, что его высочество Ольтен и его друзья впервые свели такое близкое знакомство с городскими закоулками и задворками. Собственно, для меня подобное путешествие тоже не являлось рутинной обыденностью, но мне здорово помог опыт, приобретенный в Мессантии, когда я с подружками удирали из Обители Искусств, дабы вволю пошататься по городу, поглазеть на корабли в гавани Дожей или сходить на ярмарку. Вдобавок за мной имелось нешуточное преимущество: в соответствии с советами матушки я наизусть зазубрила расположение основных улиц и кварталов Бельверуса.

Так что проводник из меня получился неплохой, и четвертому послеполуночному колоколу мы уверенно приближались к переулочку Ножа, тянувшемуся по старинной части города вдоль полуденной части городских укреплений. Снегопад то усиливался, то сменялся мелкой дождевой пылью, все промокли и приглушенно обменивались мечтами о том, как хорошо бы оказаться под крышей и выпить горячего вина с туранскими специями. По кружке на душу! Нет, лучше по две!

Несвоевременная болтовня нас и сгубила.

Я даже не поняла, отчего споткнулся Дайси, только что шедший рядом и совершенно напрасно пытавшийся куртуазно поддерживать меня под ручку. Борген растерянно взглянул на меня и вдруг грузно осел на мостовую. Запоздалая подсказка здравого смысла с обостренной точностью подсказала, что людям несвойственно ходить с торчащими из спины длинными боевыми стрелами.

– Опасность! – взвизгнула я. – Берегись!

И вовремя метнулась в сторону, едва не рухнув на четвереньки – вторая стрела разочарованно проскрежетала по камням. Ишгар Драгоценнейшая и Милосердная, что, опять все сначала? Здесь нас тоже поджидают? Где стрелки? Надо полагать, хотя бы один засел вон там, за водосточным стоком на крыше погруженного в темноту одноэтажного дома...

Дальше стало не до стратегических размышлений. Дорогу нам преградили трое, и, судя по хрусту безжалостно затаптываемых кустов, к ним на подмогу спешило еще какое-то число злоумышленников того же пошиба, как те, с которыми мне довелось свести недоброй памяти знакомство у особняка Эрде и в таверне «Путеводная звезда». Если бы я могла, я бы посоветовала принцу и единственному оставшемуся в живых гвардейцу не вступать в схватку, а бежать. В подобных ситуациях бегство куда разумнее благородной, но заранее обреченной на провал попытки отбиться.

В одиночку я бы могла попытаться спрятаться на пустыре. Однако Клеве и Ольтен уже сцепились с нападавшими, и даже Кариола азартно размахивает своим клинком, не замечая,

что к ней подбираются сзади...

Этот любитель нападать со спины стал моей третьей жертвой. Охота на охотника – я налетела на него сбоку, уже почти привычным движением вогнав дагу между ребрами и отпрыгнув, чтобы падающее тело не придавило меня. К моему крайнему удивлению, принцесса уложила своего противника и бросилась на выручку мужу, а я обнаружила, что должна позаботиться о сохранении собственной жизни, ибо в суматохе уличной схватки я оказалась лицом к лицу с каким-то неприятным типом, для начала попытавшимся сделать из меня тощего цыпленка на вертеле. Я увернулась и запрыгала вокруг него, удрученно понимая, что короткая дага не идет ни в какое сравнение с хорошим полуторным мечом и годится разве на то, чтобы отбить парочку ударов. Потом я непременно ее уроню.

Никаких красных нитей я на сей раз не видела и расправилась с врагом вполне банальным способом, вычитанным в каком-то из трактатов по военным искусствам и предположив, как бы действовала моя матушка, от которой я получила в наследство некоторые особенности рабирийских гулей. Я вполне правдоподобно поскользнулась, выпустив кинжал, покатила по ой каким жестким и острым булыжникам, оказавшись под ногами у соперника, после чего согнула обе ладони, выпуская когти, и изо всех имеющихся силенок рубанула его под колени. Когти у меня не очень длинные, но их вполне хватило, чтобы справиться с толстой кожей штанов и с неприятным хрустящим звуком порвать сухожилия.

Человек завопил, пытаясь удержаться на ногах. Вопль резко оборвался – принц Ольтен от души приложил нападавшему рукоятью меча по затылку и не слишком вежливым рывком за шиворот поднял меня с мостовой.

Быстро оглядев поле боя, я отчетливо поняла, что наши дела плохи. Мы лишились Виллета Клеве, противник же не понес заметных потерь. Говоря откровенно, в подобных ситуациях остается либо свести счеты с жизнью путем немедленного самоубийства, либо сдаться – на ногах остались только Ольтен, его супруга и я, а вокруг, плохо различимые в свете тусклого фонаря, кружило по меньшей мере человек десять. Говорят, именно так расправляются со своими жертвами шакалы.

– И что теперь? – тихо спросила принцесса Кариола. Ее голос не дрожал, хотя я отлично понимала, как ей страшно. – Нас убьют?

– С чего ты взяла? – обманчиво легкомысленным тоном отозвался младший потомок короля Нимеда и резко обратился к фигурам за пределами светового круга: – Эй! Есть среди вас хоть кто-то, не потерявший остатков совести? Вы понимаете, что творите? Знаете, кто мы? Или вам очень хочется быть вздернутыми возле башни Висельников? С титулами «злодеев короны»?

Масляный фонарь над нашими головами скрипел и раскачивался под порывами ветра, освещая высокого человека, сделавшего пару шагов навстречу нам. Ольтен издал сдавленное восклицание и почему-то попятился, уткнувшись спиной в шершавый фонарный столб. Я предположила, что принцу отлично известен этот человек, однако Ольтен меньше всего ожидал встретить его здесь и сейчас.

– Ты?.. – растерянно проговорил принц.

– Так надо, – неизвестный с искренним сожалением покачал головой и добавил: – Приказано никого не оставлять в живых.

Я не успела заметить, когда он сделал длинный выпад, но услышала короткий жалобный вскрик Кариолы. Принцесса опустила глаза, дотронулась до расплывающегося черного пятна

на своем колете и удивленно взглянула на испачканные густой липкой жидкостью пальцы.

– Кари! – пронзительно закричал Ольтен, кидаясь к медленно падавшей женщине.

И тут на меня снова накатило. Холод, темнота и далекие вспышки огня.

Но теперь я видела не развевающиеся по ветру разлохмаченные пряди алых нитей, а какое-то огромное полупрозрачное полотнище густого малинового цвета с серебряными искрами. Оно плескалось вокруг меня, как длинный легкий плащ, и я знала – пока эта вещь со мной, я под защитой. Неважно, чьей. Главное – успеть воспользоваться неожиданной помощью, ведь края незримой ткани уже начинают таять.

– Идем! – я схватила упавшего на колени Ольтена за плечо. – Оставь ее! Нужно уходить! Она умерла! Пойдем!

Убийца Кариолы паялился на нас, но не двигался с места. Представления не имею, чем я ему казалась. Может быть, мы с принцем вообще просто исчезли с этой улицы. Я могла бы одним ударом прикончить его, как он поступил с бедной Кариолой, но не сделала этого. Вместо расправы я запомнила его лицо, присоединив его к хранившимся в памяти обликам и именем тем, кого я занесла в перечень своих врагов.

Мне удалось сдвинуть Ольтена с места и заставить идти за мной. Сначала шагом, потом трусцой мы пересекли пустырь – алый плащ съеживался, стремительно уменьшаясь в размерах. Я не решилась повернуть к усадьбе Ривера, опасаясь, что там нас наверняка будут подкарауливать. Вместо этого я юркнула в переплетение кривых переулков, стиснутых между простецкими деревянными домишками, услышав вдалеке отчаянный вопль: «Ищите их! Они не могли далеко удрать!».

Я сворачивала, следуя внезапным подсказкам обострившегося чутья беглеца, пробегая через внутренние дворы и огороды, пока что-то внутри не крикнуло: «Здесь!».

Кособокий сарайчик на задворках большого строения. Я втащила притихшего Ольтена за собой, захлопнула дверь и старательно прислушалась. Ни криков погони, ни собачьего лая, ни встревоженных людских голосов. Запах мучной пыли, мешковины и старого дерева.

В этой развалюхе мы и скоротали время в ожидании рассвета.

* * *

Легкомысленное журчание фонтана совершенно не соответствовало как подавленному настроению принца, так и грызущему меня изнутри чувству тревоги. Нас наверняка разыскивают, и уж точно не для того, чтобы принести извинения и предложить с честью проследовать в замок короны. Мы – беглецы. Интересно, повезло ли еще кому-нибудь? Страна лишена короля, но кто хотя бы распоряжается в столице?

Нам позарез нужны новости.

В этом духе я и высказалась, понимая, что угрюмое молчание и переживание случившегося ни к чему не приведет. Я потеряла семью, принц Ольтен – жену и братьев, однако это не дает нам повода собственноручно вывязывать для себя петлю и надевать ее на шею. Наша жизнь не кончается с гибелью наших родных.

Моя болтовня наконец-то вывела Ольтена из оцепенения. Он глубоко вздохнул, встряхнулся и впервые за все утро осмысленно глянул на меня.

– Как полагаешь, нас ищут? – спросил он и сам ответил: – Наверняка. Мы ведь улизнули из-под носа у кофийских ищеек и те немедля понесутся докладывать господину...

– При чем тут кофийцы? – немедля уточнила я.

– Ты не узнала этого проходимца? – изумился Ольтен. – Того мерзавца, который... Которого мы встретили рядом с усадьбой старого Ривера? Он всю зиму околачивался в замке короны, как неотлучная тень своего хозяина!

– Я еще не представлена при дворе, – напомнила я.

– Его зовут Гартас, – принц с отвращением скривился. – Он командует одной из сотен кофийцев, явившихся вместе с Тараском из Хоршемиша.

– Вот как? – медленно произнесла я, соображая. – Следует ли из этого, что его светлость Тараск Эльсдорф имеет непосредственное отношение к событиям минувшей ночи? Или его подчиненный действовал, так сказать, по собственному почину и следуя своим убеждениям?

– Какое дело кофийскому наемнику до немедийского дележа власти? – ответил вопросом на вопрос Ольтен. – Признаться, я сомневаюсь, чтобы Гартас решил покинуть своего благодетеля и отправиться на улицы Бельверуса, чтобы примкнуть к бунту городской черни?

– В таком случае я бы спросила: был ли вообще мятеж?

Принц и я посмотрели друг на друга.

– Ты очень похожа на свою матушку, Рингу Эрде, – вдруг сказал Ольтен.

– Спасибо... – я растерялась.

– Я хочу сказать, что ты тоже умеешь задавать неожиданные вопросы, – Ольтен слез с парапета и протянул мне руку. – Если у вас, барышня, нет иных планов и замыслов, то разрешите пригласить вас на утреннюю прогулку по Бельверусу?

– Разрешаю, – важно кивнула я. – Куда пойдём гулять, ваша милость?

– К владениям торгового дома «Игдир, Мошшель и Компаньоны». Надеюсь, там нас не сочтут живыми мертвецами.

...Двухэтажное внушительное здание из красного и серого камня располагалось в самом центре квартала Алмель, считавшегося вотчиной богатых купцов, поставщиков двора Его величества и самых крупных ростовщических контор, из чего я заключила, что «Игдир и Компания» – заведение солидное и процветающее. Первый этаж дома занимала лавка по продаже ювелирных изделий и редкостей, однако сейчас ставни пребывали закрытыми, а большие двустворчатые двери – запертыми.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что пока не привлекли ненужного внимания, мы перебежали улицу, юркнули во двор и постучались в менее помпезную железную дверцу. Стучать пришлось долго, пока внутри не донесся осторожный вопрос:

– Кто там? Мы закрыты!

Ольтен на миг опешил, потом здраво рассудил, что сейчас не время показывать гонор, требуя уважения к представителю королевской фамилии, и негромко ответил:

– Позови господина Игдира! Скажи, что пришел... пришли из дворца.

Я приготовилась к долгому и тревожному ожиданию, но дверь беззвучно распахнулась.

– Ваша милость? – донесся из ароматного полусумрака пришептывающий голос с акцентом коренного уроженца Заморы. – Что же вы стоите? Входите! Госпожа, вы тоже!

И мы вошли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Записки Долианы, баронессы Эрде – III

«Железная шкатулка»

Бельверус, Немедия.

18 день Первой весенней луны.

Мнение общества, как мне не раз говорили и как я недавно выяснила на собственном опыте – жутковатая вещь. Оно может вас погубить и может вознести на вершину жизненного успеха. Главное, чтобы при каких-либо необычных обстоятельствах на вас обратили внимание и запомнили.

Что самое досадное, мне самой даже не пришлось почти ничего делать. Я с чистой совестью воспользовалась готовым – создавшейся за двадцать лет жутковатой репутацией семьи Эрде. И теперь в крохотной свите принца Ольтена Эльсдорфа мне отведена почетная роль создательницы планов на будущее и придворной предсказательницы.

– Барышня Дана, ты среди нас самая умная! – непререкаемо отверг Ольтен мои робкие возражения. – В конце концов, ты дочь Мораддина Эрде, знавшего о Немедии и ее жителях все! Мы будем добывать для тебя сведения, а ты решишь, как быть дальше!

«Знала бы, что жизнь обернется такой стороной, читала бы больше книг про лазутчиков и историю политики, а не об изящных искусствах и правилах куртуазии, – мрачно подумала я. – Теперь ничего не поделаешь. Как выражаются простолюдины, попала собака в колесо – пищи, да беги. Как бы потактичнее объяснить месьору Ольтену, что он возлагает на меня слишком большие надежды? Я – не мой отец и не в силах вернуть ему трон...»

Первые новости о переменах в столице Немедии мы получили вечером семнадцатого дня Первой весенней луны вместе с роскошным обедом за счет торгового дома «Игдир, Мошшель и Компаньоны». Выслушав, мы с его милостью Ольтеном дружно положили серебряные вилочки и скорбно уставились друг на друга, как две трепещущие серны, пораженные безжалостными стрелами охотников в самое сердце.

Почтеннейший господин Игдир Таубате, замориец до мозга костей, сплетник и давний знакомый принца, растерянно переводил взгляд то на его светлость, но на меня. Настал тот редчайший случай, когда месьор Игдир не нашел подходящих слов или счел, что любое выражения сочувствия прозвучит фальшиво.

Ольтен потянулся за бокалом, едва не выронил его, и с траурным видом провозгласил:

– Вечная память Эльсдорфам Немедийским!

Мы чокнулись. Краешки золотых чаш соприкоснулись, зазвенев, точно погребальные колокола. Меня разобрал истерический смех, и я чуть не выплеснула вино на дорожную льняную скатерть.

– Зря вы так, ваша милость, – серьезно заметил господин Таубате. – Может, все образуется.

Образуется, как же. Законных потомков Нимеда больше не существовало, о чем кричали герольды на всех перекрестках, суля от имени властей неминуемое возмездие уличенным виновникам гибели королевской семьи. В городе заправлял наскоро состряпанный триумвират в составе его светлости канцлера Эрдрика Грея, заодно исполняющего

обязанности регента, королевского казначея Сагаро и военного протектора, небезызвестного Тараска Кофийца. Бельверус наводнен разнообразными войсками, как старая мельница крысами, гвардейские патрули торчат на всех перекрестках и бодро маршируют по улицам, горожане попрятались по домам, лавки закрыты, рынки почти не работают, выезд из города разрешен только по предъявлению бумаг с печатью его высочества принца Тараска.

Одним словом – осадное положение во всей его неприглядности и вытекающими безрадостными последствиями.

– Вопрос в том, известно ли Тараску, что мы живы? – этими словами принц на следующее утро открыл наш великий совет, посвященный одной немаловажной задаче – что предпринять?

– Будем предполагать худшее, – бодро откликнулась я. – Его милости Тараску доложили о том, что принц Ольтен уцелел и скрылся. Возможно, его известили и о том, что наследница Эрде тоже живехонька и свободно разгуливает по столице. Господин протектор благоразумно лишил нас возможности покинуть город: стража любых ворот непременно задержит подозрительных путников. Мы также не сможем всю жизнь прятаться у наших гостеприимных хозяев, подвергая их опасности. Малейшая оплошность – и они разделят нашу печальную участь. Значит...

– Значит, – подхватил Ольтен, – нам придется временно исчезнуть из Бельверуса. Только как? И куда мы направимся? В Аквилонию?

– Почему именно в Аквилонию? – уточнила я. Ольтен невесело хмыкнул:

– Я имею несколько сомнительную честь считаться дружественным союзником нынешнего владельца трона Льва. Надеюсь, он не откажет если не в военной помощи, то хотя бы в укрытии.

– В Аквилонию нам, скорее всего, попасть не удастся, – я покачала головой. – Может, мы и придумаем надежный способ незаметно улизнуть из города, но я совершенно не представляю, как миновать границу. Лезть через Немедийские горы? Тогда уж лучше бежать в Офир – он, как-никак, поближе. И какой смысл в бегстве? Так и будем прятаться от ищек Тараска? Мы не нужны Кофийцу живыми.

– Предложи что-нибудь получше! – сердито огрызнулся принц.

Я задумалась, соображая, как поступили бы отец и матушка, окажись они в подобной ситуации. Ответ напрашивался всего один: рискованный и чреватый серьезными последствиями. Самостоятельно мы вряд ли справимся. Нужно обращаться за помощью. Только к кому?

– Кому мы можем доверять? – вслух спросила я. – Для начала – господину Таубате и его служащим, пока наши действия не угрожают благополучию их торгового дома. Любые попытки обратиться к знакомым из замка короны кажутся мне опасными – мы не знаем, кто сохранил верность дому Эльсдорфов, а кто перешел на сторону Тараска. Нужен кто-то посторонний... Монброн!

Когда я вспомнила это имя, мне показалось – все встало на свои места. Вот к кому нужно обратиться! У него есть обширные связи и он наверняка заинтересован в том, чтобы оказать поддержку последнему из Эльсдорфов и последней из Эрде!

– Кто такой Монброн? – заинтересованно уточнил Ольтен.

– Маэль из рода Монбронов Танасульских, аквилонский лазутчик в Немедии, – честно ответила я. – Посланец из Тарантии к моему отцу. Конечно, нам бы оченьгодились хотя бы двое-трое опытных служащих Вертрауэна...

– Как ты собираешься разыскать месьора шпиона? – перебил мои разглагольствования принц.

– Я знаю, где он живет. И пошлю ему записочку. Вот такую, – я придвинула к себе чистый лист и чернильницу, поразмыслила, выбирая подходящие слова, и решительно начертала:

– *«Если хотите продолжить познавательную беседу о красном сиянии, следуйте за подателем сего. Приводите своего дядюшку – ему наверняка будет интересно».*

– Это какой-то условный знак? – Ольтен с вежливым любопытством обозрел мое краткое послание. – Можно узнать, что за красное сияние имеется в виду?

– Потом! – непререкаемо отрезала я, складывая пергамент вчетверо. Подписываться не рискнула, надеясь, что Маэль столь же сообразителен, как пытается казаться, и догадается, с кем он недавно рассуждал на столь загадочную тему и при чем тут его «дядюшка» – старший родственник, которого месьор Монброн отчего-то полагает бессмертным.

Печать на свертке я с некоторым душевным трепетом поставила свою, доставшуюся в наследство от матери – силуэт летучей мыши над горами. Теперь мне требовался посланец, незаметный, быстроногий и хорошо знающий столицу Немедии. Вопрос в том, могу ли я злоупотребить любезностью нашего хозяина, господина Таубате и имеется ли среди его подчиненных такой полезный человек?

Выяснилось, что имеется. Мало того, мы мельком видели сию личность на вчерашнем обеде, а нынешним утром я столкнулась с ним, когда рискнула выглянуть из комнаты и поближе ознакомиться с жизнью торгового дома «Игдир и Компаньоны». Я обнаружила, что двухэтажное строение выстроено на туранский лад, с маленьким двориком в центре, что ювелирная лавка открыта и в ней даже имеются какие-то покупатели, и что в крохотном пруду посреди внутреннего двора плавают радужные рыбки. На берегу искусственного озера сидел некий молодой человек, с любопытством уставившийся на мою потрепанную персону, и кормил рыбок какими-то малопривлекательными на вид насекомыми, вроде сушеных акрид.

Поскольку мне чрезвычайно хотелось знать, куда меня занесла судьба, а незнакомец выглядел дружелюбным и словоохотливым, я тоже присела на мраморный парапет озера и попыталась завести светскую беседу. Как ни странно, у меня получилось.

Так я свела знакомство с отпрыском одного из загадочных «компаньонов» месьора Таубате – с Ларном Шеламом, восемнадцати лет от роду, заморийцем по происхождению и коренным шадизарцем по образу мыслей. Он впервые пребывал так далеко от дома, отец (компаньон месьора Игдира, некий Ши Шелам) отправил его в Немедию набираться знаний и опыта, учиться вести дела и заключать торговые сделки, его чрезвычайно интересовал Бельверус и творящиеся в нем необычайности, от которых захватывало дух... Поболтать нам удалось недолго, ибо с верхней галереи донесся чей-то сердитый окрик, и Ларн, многословно извившись, убежал.

А теперь мне предстояло именно ему доверить послание! Месьор Игдир сварливо утверждал, что мальчишка, вместо того, чтобы продолжать семейное дело, мается дурью и шляется по городу, сводя знакомство со всей возможной гольтьбой. Если благородным господам угодно, этому юному шалопаю предоставят единственный случай доказать свою полезность. Одна нога здесь – другая там! И слушай внимательно, что говорит барышня Эрде!

Мои наставления звучали предельно просто: добраться до улицы Гвоздик, разыскать на

ней лавку менялы Реймена Венса, узнать, дома ли постоялец, аквилонский дворянин Монброн и передать лично ему в руки вот это послание. Затем привести месьора Монброна...

Я задумалась: устроить встречу здесь или в каком-нибудь ином месте? Боязно покидать только-только обретенное убежище, но не навлечем ли мы на хозяев каких-либо неприятностей, приглашая сюда подозрительных гостей?

Меня заверили, что бедствий не последует. Если месьору Ольтену и его спутнице нужно с кем-то увидеться, то устроить это проще простого: приглашенные войдут в лавку, пройдут вдоль прилавков, прицениваясь к разложенным драгоценным изделиям, а потом их незаметно проведут внутрь дома. Быстро и незаметно, уже не раз проделывалось.

– Значит, приведешь его милость Монброна сюда, – рассудила я. – Возможно, по дороге ему понадобится зайти еще куда-нибудь, чтобы разыскать своего родственника, которого мне тоже хотелось бы повидать. Только постарайся не упоминать никаких имен и не говорить, кто тебя прислал. В письме все сказано.

Ларн кивнул, заверил, что он все понял, будет осторожен и не станет выискивать на свою голову излишних приключений, после чего удалился.

Оставалось набраться терпения и ждать.

* * *

К вечеру я напоминала себе взведенную арбалетную тетиву, готовую вот-вот лопнуть от скопившегося в ней напряжения. Я бродила по обширному дому, совершенно бессмысленно и напрасно поцапалась с принцем Ольтеном, неосмотрительно брякнув какую-то гадость. Его милость сделал вид, что ничуть не задет, я немедленно принялась упрекать себя в душевной черствости, и в результате мы в течение колокола или двух многословно изливали друг другу свои терзания и переживания. Это оказалось не напрасным – мы оба несколько успокоились, но зато теперь мое непомерно развившееся воображение с готовностью принялось рисовать картины, одна другой страшнее. Вдруг Монброна давным-давно схватили люди из Королевского кабинета? Или он погиб во время мятежа? Вдруг Ларн угодил в облаву, проводимую городскими стражниками? Или благополучно добрался до улицы Гвоздик, где узнал, что у месьора Венса никогда не проживал человек по имени Маэль Монброн? Вдруг Монброн, опасаясь за свою безопасность, не захочет идти на встречу? Или не поймет моих намеков? Не догадается, от кого послание?

– Дана, перестань изводиться, – в который раз повторил принц Ольтен, созерцая мое постепенное превращение из человека в суший комок сплошных переживаний. – Бельверус – огромный город, найти в нем человека не так-то просто. Они обязательно придут.

Его высочество был кругом прав, а я почувствовала себя вздорной дурочкой.

Монброн явился почти к самому наступлению сумерек. Его сопровождал вполне целый и невредимый Ларн, а также неизвестный мне молодой человек, за которым следовала большая рыжая собака кофийской бойцовой породы. Ларн провел их в лавку и помчался извещать меня с Ольтеном.

– Долиана! – обрадованно возопил Маэль, не входя, но врываясь в небольшую комнату,

щедро предоставленную нам месьором Игдиром для встречи с гостями. – Госпожа Долиана! Живая! Ты их провела и сбежала! Я так и знал! Какая ты умница!

Я даже подходящих слов подобрать не успела, когда меня в нарушение всех правил этикета и вежливости сгребли в охапку, без труда оторвали от пола и немножко потрясли в воздухе. Жалобный сдавленный писк, испускаемый мною, означал, что я чрезвычайно счастлива видеть месьора Маэля, но предпочла бы какое-нибудь иное, не столь рьяное выражение радости по поводу моего спасения. Хотя, говоря по правде, лестно услышать, что за тебя всерьез беспокоились и кто-то полагает тебя умницей. И вдобавок... как бы сказать... в общем, обниматься с кем-нибудь наподобие Маэля Монброна весьма приятно. Хотя он наверняка в глубине души полагает меня любимой младшей сестрицей, которую необходимо оберегать от посторонних мужчин и злых собак.

Интересно, почему его светлость Ольтен кривит столь недовольную физиономию? Неужто принц вообразил себя защитником чести и достоинства невинной девицы Эрде?

Незнакомец, пришедший с Маэлем, остановился на пороге, подпирая дверь плечом. Несомненное фамильное сходство между ним и Монброном прослеживалось без труда, только гость уродился чуть повыше и поуже в плечах. Вызывающе яркий наряд алых, синих и оранжевых цветов, прямые каштановые волосы до плеч, прищуренные зеленоватые глаза, выражение лица донельзя пресыщенного удовольствиями и безумно скучающего наследника богатого семейства. Выглядит постарше Монброна лет на пять и более потрепанным жизнью. Я (может быть, совершенно безосновательно) сочла этого человека умным и крайне опасным.

Маэль наконец догадался вернуть меня на пол и представить своего спутника:

– Госпожа Долиана, это и есть Райан Монброн, наше семейное проклятие. Вкупе с прилагающейся к нему Чинкуэдой, – он ткнул пальцем в собаку. Та любезно помахала мне обрубком хвоста.

Я вспомнила о заученных хороших манерах, коротко поклонилась на военный лад – совершенно неподходящая для юной дамы привычка, перенятая от Вестри и его приятелей – назвавшись:

– Баронесса Долиана Эрде. И... И его высочество Ольтен Эльсдорф.

Молодые люди уставились на стоявшего подле узкого окна наследника Нимеда с одинаковым недоверием и подозрительностью. Маэль отвесил положенный поклон, нахмурился, обдумывая что-то, и, подтвердив мое мнение о его сообразительности, осторожно спросил:

– Тараск знает?

– Барышня Дана склонна полагать, что знает, – коротко отозвался принц, внимательно рассматривая обеих представителей старинной аквилонской фамилии и жестом приглашая их располагаться за накрытым столом.

– Прошу прощения, вы намерены и дальше отсиживаться здесь? – деловито поинтересовался Монброн-младший.

– Поэтому я... поэтому мы хотели побеседовать с вами, – я отважилась направить разговор в нужное мне русло. – По убеждению обитателей коронного замка и горожан нас больше не существует. Мы – никто. Но Тараск наверняка не оставит попыток разыскать нас, ибо мы...

– Угли под золой, которые могут вспыхнуть в самый неподходящий момент, – вполголоса проговорил старший из рода Монбронов, найдя очень точное определение. – Тараск никогда

не будет спокоен, пока не убедится, что вы умерли.

– Да, – нехотя согласилась я. Покосилась на принца, тот кивнул, предоставляя мне право и дальше вести беседу. Я вздохнула, набираясь храбрости: – Мы не можем оставаться в городе. Однако бегство тоже представляется позором. Неужели мы с такой легкостью отдадим Тараску то, что ему никогда не принадлежало и не может принадлежать?

– Смелое заявление, – с прохладцей заметил Райан Монброн, но этим пока и ограничился. Я начала догадываться, почему Маэль столь нелюбезно зовет своего старшего родича «семейным проклятием». – Что ты предлагаешь, госпожа Долиана?

– Проникнуть во дворец, – с легким замиранием сердца ответила я. Ольтен подошел и встал позади моего кресла. Мысленно я поблагодарила его за поддержку. – Восстановить справедливость.

– Вдвоем? – Райан смерил нас таким взглядом, будто увидел редкостного уродца, вроде шестиногой лошади или крылатой собаки. – Ах да, забыл моего склонного к безумным авантюрам потомка. Хорошо, втроем. Полагаете, ради вас ворота коронного замка распахнут настежь? И месьор Тараск выйдет навстречу, посыпая голову пеплом и причитая, как он был не прав? Власть, милая барышня, захватывают не для того, чтобы ее отдавать первому встречному. Пусть даже законному принцу крови. Не сочтите за дерзость, ваше высочество.

Маэль возвел глаза к потолку и прошипел:

– Райан, я тебя когда-нибудь лично прирежу!

– Ты мне тоже очень нравишься, – безмятежно отозвался старший из Монбронов. – Господа, давайте называть вещи своими именами. Если вы намерены устроить во дворце охоту на Тараска, я сразу заявляю, что не собираюсь принимать в этом участия.

Принц дернул углом рта, явно собираясь сказать нечто, не слишком лестное для аквилонцев, но сдержался. Маэль сосредоточенно что-то обдумывал и, наконец, проговорил:

– Тогда как насчет охоты за источником красного сияния?

– Что? – вырвалось одновременно у Райана, Ольтена и меня. Маэль хитро посмотрел на нас, убедился, что мы достаточно заинтригованы, и неспешно заговорил:

– Попасть во дворец не так сложно, как кажется. Мне посчастливилось – вчера я свел знакомство с месьором Тараском и дамой его сердца, некоей прекрасной варваркой по имени Зенобия Сольскель из Пограничья.

– С Дженной, что ли? – удивленно переспросил принц.

– Именно с ней, – подтвердил аквилонец. – Мало того, у меня теперь имеется законное право навещать сию девицу, – он с гордостью предъявил нам кусочек темного дерева, украшенный выжженной нордхеймской руной «Райда», сиречь «Дорога». – Этим правом я воспользовался не далее, как сегодня днем. И узнал много прелюбопытных вещей.

– Я всегда догадывался, что Дженна куда хитрее и проницательнее, чем о ней думают, – пробормотал себе под нос Ольтен. Моего мнения не спрашивали, а то я бы непременно согласилась.

– Во-первых, Дженна убеждена: за недавним мятежом стоят Тараск и приведенные им в Немедию кофийцы, – начал перечислять свои открытия Маэль. – Она, конечно, не намерена повторять свои слова под присягой, однако ее уверенность говорит сама за себя. Во-вторых, Дженна выяснила, что в союзниках Тараска ходит некое загадочное создание, величающее себя «ксальтоуном». Оно обладает изрядными навыками в колдовстве и, кажется, имеет большое влияние на его милость. В-третьих, среди охранников госпожи Зенобии имеются представители народа оборотней Пограничья, острее людей чувствующие присутствие

магии. С начала зимы эти оборотни, которые в жизни ничем не болели, начали хором жаловаться на постоянные недомогания и утверждать, что поблизости действует чужеродное колдовство. Какой-то даже вернулся обратно на родину – не смог больше терпеть. В ночь мятежа один из оборотней умер, как я понял, от разрыва сердца. Да, и в-четвертых. Дженна настоятельно советовала мне поскорее отыскать наследницу семьи Эрде и вывести ее из города.

– С чего бы вдруг такая забота? – недоуменно спросила я. – И что означает «ксальтоун»?

– Искаженное словечко альбийского наречия, перенятое магами Кхарии и позже – Стигии, – немедленно отозвался Райан. – Приблизительный перевод – «Управляющий течением времен». Так принято именовать магов очень высокого уровня, способных позволить себе такую роскошь, как право на самостоятельные поступки и независимость от своих гильдий наподобие Черного Круга, Белой Ладони или Алого Пламени Равновесия. Существующих ныне ксальтоунов можно перечислить по пальцам одной руки. Лично мне известны двое: один уже лет сорок безвылазно торчит в Гхазе Шемской, а другой... По происхождению стигиец, но вроде как давно порвал с Кругом Птейона. Нергал его знает, где он сейчас может шляться.

Мы посмотрели на Райана с невольным уважением. Я вспомнила, что Маэль называл своего старшего сородича волшебником – вернее, не волшебником, а магом. Большая разница в понятиях – и поежилась. Может, дожидаться благоприятного случая и попытаться обвиняками расспросить, с чем могут быть связаны мои странные видения – трепещущие красные нити и незримый багровый плащ?

– Ксальтоун, не скрывающий своего звания и пребывающий в фаворе у Тараска... – Райан, похоже, забыл о нашем существовании и рассуждал с единственным собеседником, которого он признавал достойным, то есть сам с собой. – Там же околачиваются заносчивая бездарность по имени Аррас Кийяр и заискивающая бездарность, Ораст Кофиец. Добавим чужеродное колдовство, которое наверняка имеет самое прямое отношение к алому пламени в небесах над Бельверусом... – он оборвал непонятные для нас рассуждения и резко повернулся к Маэлю: – Потомок, тебе и твоим приятелям крупно повезло. В кои веки вам удалось меня заинтриговать. Хотя я продолжаю считать вашу идею безумной, я иду с вами. Но не сегодня. Сейчас проще сунуть руку в садок со змеями и надеяться, что уцелеешь, чем пытаться навестить королевский замок. Одного человека, может, и пропустят, но четырех? Нужно подождать, пока уляжется пыль. И имейте в виду, господ заговорщики – а вы теперь самые что ни на есть настоящие заговорщики! – никогда нельзя рассчитывать на благополучный исход вашей затеи. Постарайтесь обеспечить себе надежный способ улизнуть из-под бдительного ока властей. Если ваш замысел осуществится – отлично. А если нет? Или вы намерены героически пасть, оставив трон милейшему Тараску?

Ольтен отчетливо скрипнул зубами, однако промолчал. Райан говорил истинную правду. Коли мы безрассудно вознамерились бросить вызов человеку, которого твердо считали узурпатором, нужно подготовиться как следует.

20 день Первой Весенней луны.

Наше с Ольтеном безумие, наверное, оказалось заразительным. Почему-то никто не решился задать нам ни единого вопроса, возразить или сказать, что наше предприятие заранее обречено на неудачу. Наоборот, все с готовностью бросились помогать. Поскольку ни

у меня, ни у принца, ни у Маэля не имелось никакого опыта устройства переворотов, мы решили не усложнять задачу и постараться обойтись как можно меньшим числом соучастников. Маэль переговорил со своим знакомым из числа гвардейцев, несущих стражу в замке короны, неким графом Эдмаром Крейном, открыв ему парочку разнюханных нами дворцовых секретов. Итогом их бесед стало то, что месьор Крейн проклял Тараска и всех кофийцев, вместе взятых, и решил лично обеспечить нам незаметное проникновение во дворец. Нам даже не понадобится сослаться на Зенобию – уж кому, а дворцовой страже наверняка известен тысяча и один способ провести в замок своего человека.

Что будет потом – мы старались не задумываться.

Затем я села, приказала совести умолкнуть и написала еще одно письмо, доставленное по назначению безотказным Ларном Шеламом, добровольно принявшим на себя должность вестника. Послание отправилось к Целлигам – Цинтии и ее батюшке Хэлкарсу, который, несмотря на почтенный возраст, оставался редкостным сорвиголовкой. Семейство Целлиг, любовно пестовавшее любую авантюру, радостно ухватилось на представившуюся возможность насыпать соли на хвост его милости Тараску Эльсдорфу. Баронесса Лиа Целлиг, собиравшаяся по весне навестить родовое имение, расположенное где-то в краю Соленых озер, бралась захватить вместе с дочкой и сыном Маэля Монброна – под видом слуги или родственника, как получится.

Маэль, выбравшись из города, немедля повернет коня в сторону Заката и аквилонской границы. Он утверждал, что сможет, пользуясь бумагами посольства и собственными возможностями, пересечь границу и добраться до Тарантии. Там он известит короля и свое начальство о творящихся в Немедии делах, а потом...

– Потом я обязательно вернусь! – упрямо заявил он. – И присоединюсь к вам!

– Если мы к тому времени не будем болтаться на виселице за провалившуюся попытку убийства немедийского протектора или прятаться в каком-нибудь захолустье от его ищек, – напомнила я. – Маэль, не стоит рисковать без необходимости.

– Риск – это мое ремесло, – чуть высокопарно ответил Маэль и тут же украдкой фыркнул. – Госпожа Дана, я себе никогда не прощу, если брошу так замечательно начавшееся дело на полпути! – тут он сообразил, что «замечательное дело» обернулось для меня гибелью семьи и торопливо отвел глаза. Я сделала вид, будто ничего не заметила. Верный союзник и преданный друг – можно ли требовать от судьбы большего?

Для меня с Ольтеном тоже готовили лазейки к отступлению. Месьор Игдир деловито известил нас, что в ближайшие два-три дня столицу покинет очередной караван, направляющийся по Дороге Королей в Замору. Его милость и благородная госпожа вполне могут отправиться вместе с ним. Повозки, конечно, будут досмотрены, однако служащие таможни могут сколько угодно перетряхивать аквилонские ковры и выстукивать днища фургонов. Они не найдут никого и ничего.

– Нас сложат вчетверо, запихают в сундук и засыпят сверху россыпью офирских побрякушек? – с наивным видом спросила я у принца. Ольтен через силу улыбнулся:

– Вроде того.

Посоветовавшись, мы выбрали подходящее время – ночь с двадцать четвертого на двадцать пятый день Первой весенней луны. На двадцать пятое назначено погребение Нимеда и его сыновей, хоронить их будут в семейной усыпальнице, что находится в замке Эльсдорф, в двадцати лигах к востоку от Бельверуса. Согласно традициям, траурная процессия выедет из дворца, проследует по главным городской улице, выедет из города и отправится к

усыпальнице. Следовательно, в замке короны будут вестись приготовления к последнему торжественному выходу короля Нимеда, туда съедется уйма участников шествия, состоится поминальный пир, и в этой суматохе проще простого затеряться несколькими подозрительным типам, не получившим приглашения. Имелась и личная причина выбрать именно этот день – Ольтен непременно хотел проститься с отцом и братьями. Другой подходящий случай ему бы вряд ли представился.

Райан Монброн упорно продолжал именовать нашу затею чистой воды авантюрой, состряпанной кучкой взбалмошных детишек, но отказываться от ночного визита во дворец не собирался. После вдумчивого размышления я решила не рассказывать ему о своем внезапно открывшемся «внутреннем зрении». Побоялась оказаться вежливо высмеянной и услышать, что мне всего-навсего примерещилось, из-за сильного возбуждения и страха. Может, потом как-нибудь расскажу. Или пороюсь в библиотеках и сама найду ответ. Старший родственник Маэля совершенно не показался мне тем, которого я бы хотела видеть в числе своих друзей. Крайне высокомерный и самолюбивый тип. Не знаю, какой из него волшебник, не исключено, очень даже знающий и умелый, но как человек он во многом оставляет желать лучшего.

25 день Первой весенней луны.

В замке короны мы оказались под утро, незадолго до рассвета. Бельверусский дворец отчего-то производил на редкость удручающее впечатление – притихший, почти безлюдный и настороженный. Поневоле хотелось ступать на цыпочках и разговаривать шепотом.

Граф Крейн, капитан королевской гвардии, поджидал нашу маленькую компанию подле малозаметных хозяйственных ворот и не дал нам никакой возможности оглядеться по сторонам – быстро потащил за собой через запутанные коридоры, пустующие залы и гулкие анфилады. Я даже рассмотреть нашего проводника толком не успела, пока мы не остановились в какой-то проходной комнате, завешанной потемневшими от времени шпалерами, чтобы обсудить дальнейшие действия. Тут я вгляделась и беззвучно присвистнула – такого красавчика, как Крейн, еще поискать. Цинтия про подобные образчики мужеского пола говорит: «Рождены на погибель бедным женщинам», и говорит совершенно правильно.

Само собой, Долиане Эрде в грядущем действе отводилась самая незначительная роль. Диву даюсь, как Ольтен и Монброн вообще согласились взять с собой девицу. Очевидно, мне опять поспособствовала наша самоуверенная непредусмотрительность: все привыкли, что я постоянно околачиваюсь под ногами.

На проведенном вполголоса совете решили, кому куда идти – Ольтен в сопровождении Эдмара сейчас отправится в зал, где находятся тела почившего короля, его сыновей и их домочадцев. Крейн сообщил, что там лежит и принцесса Кариола. Ее тело отыскали на улице. Труп младшего из сыновей короля якобы до того обгорел, что пришлось зашить его в саван, дабы не оскорблять взоров благородного общества, явившегося на церемонию отдачи последних почестей Нимеду Эльсдорфу и его безвременно погибшим отпрыскам.

Монбронам и мне надлежало затаиться и ждать возвращения принца, но, стоило Ольтену и его спутнику исчезнуть с глаз долой, как аквилонцы немедля принялись ворчать друг на друга, словно пара собравшихся подраться псов. Райан Монброн утверждал, будто чувствует находящийся поблизости источник странной, совершенно незнакомой ему магии. Он желал

непрерывно взглянуть на этот источник поближе. Его младший сородич вполне разумно возражал, что никто из нас не знает переходов замка и мы в любой миг можем наскочить на прислугу или охрану, которая немедля заподозрит неладное. Здравые предостережения канули втуне. Потому что я тоже, пусть и опасно, присоединилась к Райану.

Понятия не имею, что он там почуял своим колдовским нюхом, а я отчетливо ощущала присутствие за стенами какого-то переливающегося, манящего света. Наверное, именно так зачарованные ночные мотыльки летят на огонь, догадываясь, что им предстоит сгореть, но не в силах устоять против желания увидеть это сверкающее великолепие вблизи.

В общем, мы на два голоса убедили Маэля, что ничем не рискуем. Будем крайне осторожны, только глянем на эту подозрительную вещицу и сразу вернемся обратно. Монброн-младший скривился, словно от зубной боли, и вынужденно согласился.

В дверях Райан поймал меня за рукав, подтащил к себе и, почти ткнувшись в ухо, прошипел:

– Только не вздумай отнекиваться, будто тебя грызет простое любопытство! Ты слышишь его зов? Между прочим, ты кто?

– Долиана Эрде, – недоуменно сказала я. Аквилонец раздраженно отмахнулся:

– Я не это имею в виду! Уж прости, но ты такой же человек, как я – птичка соловей. Послушай, сейчас не до сохранения фамильных тайн! Маэль наверняка разболтал, что его спятивший сородич умудрился обхитрить смерть? Так вот, он говорил правду от первого до последнего слова. И я знаю, что ты, маленькая баронесса Эрде, имеешь самое касательное отношение к человеческому роду. Ты не оборотень Пограничья, в тебе есть нечто от подгорных двергов и еще от кого-то...

– Не знаю, о чем ты говоришь, – отрезала я. Не хватало, чтобы всякие заезжие магики копались в моей родословной, когда я сама в ней с трудом разбираюсь!

Притягивавший нас Зов стал сильнее. Мы юркнули в узкий коридор, волоча за собой упрявившегося Маэля, переждали, когда мимо пройдет обходивший дворец гвардейский караул, ткнулись в какую-то дверь, на наше счастье, стоявшую открытой, и угодили в небольшую комнату, в обстановке которой преобладали книжные шкафы. Райан завертелся на одном месте, как гончая, потерявшая след, и внезапно схватился руками за голову, стиснув виски.

– Оно где-то здесь... – яростно и маловразумительно бормотал он, раскачиваясь из стороны в сторону. – У меня голова раскалывается на части! Долиана, найди эту дрянь!

Монброн-младший, занявший пост у дверей в коридор, нервно крутил головой и всячески требовал, чтобы мы побыстрее исчезали отсюда.

Никаких головных болей я не испытывала, зато перед моими глазами непрерывно мерцали алые и бледно-розовые вспышки. Я точно знала, откуда они идут – из верхнего ящика вон того шкафчика для бумаг, словно там полыхает беззвучное холодное пламя.

Поэтому я просто подошла, рывком открыла ящик и осмотрела его содержимое. Толстая книга в потрепанном синем переплете, тетрадь из сшитых вместе пергаментных листов, заполненных размашистым, быстрым почерком... и отодвинутая в дальний угол шкатулочка. Очень изящная вещица – выкованная не из золота или серебра, но из синеватой оружейной стали. На крышке возлежала железная змейка с высоко поднятой головкой.

Я выдохнула, протянула руки (почти не дрожавшие!) и достала шкатулку. Осторожно поставила ее на стол. Маэль одним глазом следил за мной, другим сквозь в щель между створок озираал коридор. Райан тяжело присел в подвернувшееся кресло и требовательно

прохрипел:

– Открывай!

Глаза у него были – как у кота, углядевшего оставленный без присмотра аппетитный кусочек мяса и вознамерившегося его стянуть.

В шкатулке лежал... лежало... сначала я увидела дрожащий алый отблеск, словно пробивающийся сквозь толщу воды или мутное стекло. Потом рассмотрела остальное: удивительной прозрачности кристалл пурпурно-багряного цвета, размером с мою ладонь, огранный в той форме, что зовется «плоской розой», и заключенный в золотую оправу в виде свившегося в кольцо дракончика, кусающего себя за хвост. На кончике драконьего хвоста имелась крохотная петля, в которую продевалась цепочка. Тогда эту вещь можно было повесить себе на шею, правда, для украшения она выглядела тяжеловатой.

Ишгар Милосердная, да что это такое?!

Я поморгала и боязливо дотронулась до камня кончиком указательного пальца. Он отозвался беззвучным проблеском малиновых искр, вспыхнувших в его хрустальных недрах, и еле слышным перезвоном. Монброн-старший, сумевший оторваться от кресла, заглянул через мое плечо и отчетливо выговорил:

– Провалиться мне на этом месте... А я-то думал...

Маэль, привлеченный видом содержимого железной шкатулки, подошел к нам и зачарованно уставился на красный камень.

В коридоре раздались стремительно приближающиеся шаги. Мы вздрогнули, точно сбрасывая оцепенение и вспомнив, зачем мы сюда пришли. Монброн-младший кинулся к дверце, через которую мы проникли в комнату, потянув меня за собой, я вцепилась в шкатулку, Райан что-то крикнул...

Наша компания увеличилась на одного человека, с треском распахнувшего створки.

Я говорю «человека», хотя не слишком уверена в истинности этого определения. В дверях возвышалось нечто закутанное в алую, переливающуюся мантию, с лицом, спрятанным за маской в виде драконьей морды. В первый миг я, опешив, приняла вычурную маску за настоящее лицо и поперхнулась воплем. Во второй – отчетливо поняла, что дела наши крайне плохи, ибо явился владелец Камня, готовый покарать незадачливых воришек, осмелившихся покушаться на его собственность так, что смерть на колу покажется избавлением.

Маэль, потянувшийся за мечом, глухо вскрикнул и отлетел к стене. Словно его отшвырнули в сторону сильнейшим ударом. Райан вскинул руки, переплетая пальцы в каком-то замысловатом жесте, я даже сумела заметить бледное голубоватое сияние, окутавшее его ладони. Может, ему и удалось бы нас защитить, но, похоже, он встретил серьезного и более умелого противника – Монброн-старший попятился, скалясь и отчаянно трясая головой. О боги, это, наверное, и есть тот самый ксальтоун, о котором говорила Дженна! Нас ведь предупреждали, но мы все пропустили мимо ушей и сами полезли в пасть зверю!

Я опять осталась одна. Воистину, я рождена, чтобы быть преследуемой постоянными неудачами!

Правда, у меня оставался Камень. Я сделала первое, что пришло на ум – выхватила его из шкатулки, стиснула в руке и зажмурилась, ожидая неизбежного колдовского удара, который испепелит мои бедные мозги, а меня саму превратит в тихое и безобидное существо, вроде болотной жабы. Любой бы сообразил, что мы позарились на сокровище какого-то мага, а такие попытки не прощаются.

Мгновения шли, со мной ничего не происходило. Только в пальцах, сжимавших Камень, слегка покалывало. Я рискнула приоткрыть сначала один глаз, потом другой.

Существо в красном застыло в дверях, наклонившись, будто пыталось идти против сильного ветра и не могло преодолеть упругой невидимой стены. Алый камень слегка поблескивал, внутри него дрожащим белым пламенем горела отчетливо различимая многолучевая звездочка. Я бездумно пересчитала лучи – ровно восемь штук. Огляделась, ища моих сопровождающих: Маэль пришел в себя, сгреб за плечо нетвердо стоящего на ногах родича и отчаянно жестикулировал, показывая мне в сторону спасительной двери. Правильно, пора бежать. Кажется, месьюру Тараску сегодня несказанно повезло. Но мы еще вернемся. Вернемся, когда соберем побольше сил. Зря наши друзья нас не остановили – замысел одним махом избавиться от Кофийца и в самом деле бездарен.

– Я забираю эту вещь, – внятно проговорила я, пряча мерцающий алый кристалл в шкатулку. Тот, казалось, мурлыкал от удовольствия. – Она моя. Я беру ее как цену крови моих погибших родных.

Я попятилась к дверям, не решаясь повернуться к диковинному созданию спиной. Он – думаю, это все-таки человек – провожал меня неотрывным тяжелым взглядом из обшитых золотой нитью узких глазниц маски. Ему очень хотелось уничтожить меня, сделать так, чтобы Долиана Эрде никогда не появлялась в его жизни, но и я, и он твердо знали: это невозможно, пока Камень со мной.

И еще я поняла, что не собираюсь расставаться с моим сокровищем. Я взяла его в настоящем бою, это мой трофей и моя добыча. Я никому его не отдам – ни Райану Монброну, который наверняка уже строит планы, как бы завладеть Камнем, ни Ольтену, хотя принц имеет права на вещь, приведшую к гибели его страны, никому! Ксальтоун, кто бы он ни был, совершенно не умеет пользоваться доставшимся прихотью судьбы артефактом. Зато я смогу с ним договориться! Наверняка смогу! Он ведь сродни мне!..

Тут я осознала, что мы давно несемся по какому-то коридору, выложенному плитами зеленого мрамора, что сзади доносятся тревожные крики и отчетливо слышные распоряжения схватить злоумышленников, что в мыслях у меня полный разброд, а правая рука крепко прижимает к боку стальную шкатулку, потому что за левую меня тащит Райан, монотонно и разнообразно проклиная чокнутых девиц и спятивших от собственного могущества колдунов.

Ольтен и Крейн выбежали нам навстречу из какой-то галереи. Задерживаться и тратить время на объяснения мы не могли, да этого и не требовалось – принц и сам сообразил, что дело провалено.

Что было дальше – почти не помню. Мы носились по замку, я думала только о том, как бы не выронить в суматохе шкатулку, Маэль, кажется, прикончил какого-то особо рьяного гвардейца, а потом мы очутились в одном из многочисленных внутренних дворов замка и поочередно проскочили в низенькую дверь, торчавшую у самого основания крепостной стены. Я забыла наклонить голову и с размаху треснулась лбом о выступающий из потолка камень, едва не упав.

Потайной ход (потом мне сказали, что мы удрали из-под самого носа стражи именно через потайной лаз) выводил на задворки стоящего неподалеку от замка короны особняка великого канцлера. Мы благополучно вылезли наружу, встряхнулись и попытались прикинуться распушенными юнцами, всю ночь проторчавшими в таверне. Кажется, нам это вполне удалось. Во всяком случае, городские стражники косились на нас с отвращением,

явно борясь с желанием отправить на денек-другой за решетку, дабы мы не оскверняли своим непотребством столичных улиц. Надо же, иметь нахальство пьянствовать даже в день похорон короля с семейством!

* * *

Железная шкатулка стояла посредине накрытого желтоватой скатертью стола, стол находился в комнате на втором этаже торгового дома «Игдир и Компаньоны», вокруг стола сидели трое молодых людей и вопросительно глядели на бедную Дану Эрде. Упомянутая Дана ерзала на стуле, отводила взгляд, теребила скатерть и имела вид поправшейся с поличным мошенницы, тщетно старающейся прикинуться невинной овечкой.

– Так мы ждем, – тоном дознавателя судебной управы напомнил Райан Монброн, единовластно присвоивший себе право распоряжаться.

– Чего ждете? – я состроила круглые удивленные глаза.

– Каких-нибудь объяснений или признаний.

– Да мне совершенно нечего объяснять! – взвилась я. – Я знаю не больше вашего! Я первый раз в жизни вижу этот камень и этого жуткого колдуна!

– Этот колдун, между прочим, мог одним щелчком пальцев обратить всех нас в милую скульптурную группу, – поделился Райан. – Я уже прощался с жизнью, но сей умелец обломал зубы, пытаясь справиться с невинным дитятей! Дана, я охотно верю, что ты удивлена случившимся не меньше нас, но, похоже, разгадка кроется в тебе самой. Повторяю свой вопрос – кто ты? Только не отвечай, что тебя зовут Долиана Эрде, это я давно понял и запомнил!

– Оставь ее в покое, – вмешался Маэль. – Она же сказала, что ничего не знает. Видно, ей просто повезло. Она как-то сумела подчинить себе эту штуковину, вот и все.

Райан покачал головой, словно удивляясь людской несообразительности. Я-то уже успела сообразить, к чему он клонит, и теперь прикидывала, что я могу рассказать, а о чем стоит промолчать. К сожалению, придется выгащить на белый свет подробности моего странноватого происхождения, ибо Монброн-старший, как бы я к нему не относилась, прав. Ничто не происходит просто так, все имеет свои основания и свои последствия.

– Его высочество был знаком с моими родителями, Мораддином и Рингой Эрде, – запинаясь через слово, начала я. – И наверняка может пересказать сплетни, которые о них ходили. Так вот, кое-что в этих сплетнях – правда. Мои родители не относились к человеческой расе.

Ольтен посмотрел на меня так, будто прикидывал: не кликнуть ли месьора Игдира и не попросить ли его вызвать лекаря? Барышня Дана от пережитых испытаний слегка тронулась умом.

– Правда, правда, – обиженно сказала я. – Предки герцога Мораддина – гномы из Кезанкийских гор. Сам он произошел от союза гнома и женщины-человека. А моя мать... – тут я замаялась, не зная, как собеседники воспримут услышанное откровение. – Она из Рабиров.

– Что в этом такого? – Ольтен первым обрел дар речи. – Рабиры, насколько мне

известно, всего лишь горная цепь на границе между Зингарой и Аргосом. Разве там кто-нибудь живет?

– Гуль! – восхищенно хмыкнул Райан Монброн. – Барышня Дана – прямой потомок человека, гнома и гуля! Каких только чудес не случается в мире!

Маэль и Ольтен вопросительно посмотрели на меня, переглянулись, неприязненно покосились на аквилонского мага, и Маэль решил уточнить:

– «Гуль» в смысле... в смысле – вампир? Существо, охотящееся на людей и животных, чтобы пить их кровь? Но разве госпожа Долиана... – он в отчаянии уставился на меня, не зная, как быть: счесть все злой шуткой своего старшего родственника или убраться отсюда, пока цел.

Принц оказался подтвержде характером, решительно потребовав прекратить порочить честь благородной дамы столь невероятными измышлениями. Райан откровенно рассмеялся, я развела руками:

– Это правда. Хотите, когти покажу? Только крови мне почти не требуется, я же не совсем гуль, как моя матушка.

– Так, – Ольтен произнес это таким тоном, что Монброн-старший мгновенно перестал хихикать. – Господа, хотелось бы верить, что на вас можно положиться. Все, что мы сегодня узнали о родителях госпожи Эрде, не выйдет за пределы этих стен и не пойдет дальше нас троих. Госпожа Долиана Эрде – наследница уважаемой в Немедии семьи, и мы не имеем права порочить ее доброе имя!

– Спасибо, – искренне поблагодарила я. В глубине души я ожидала, что сейчас от меня начнут шарахаться, как от прокаженного нищего.

– Вообще-то родословное древо госпожи Даны интересовало меня с совершенно другой точки зрения, – Райан, как обычно, не страдал излишней вежливостью. – Когда я понял, что она не человек... ладно, не совсем человек, то сообразил, в силу каких обстоятельств сей загадочный артефакт, – он погладил крышку шкатулки, – предпочел общество милейшей Даны своему законному владельцу. Теперь кое-что прояснилось. Народ гулей – наследие достаточно отдаленного прошлого, камень, похоже, явился на свет в те же времена. Возможно, при содействии прародителей гулей. Поэтому он с удовольствием признает их потомков за хозяев, – аквилонец повернулся ко мне, смерив таким взглядом, что мне стало боязно: – Дана, что ты собираешься делать с этой игрушкой? Учти, она могущественна и крайне опасна. Она родилась в эпоху, когда о людях и слыхом не слыхивали. Я читал, что народ гулей имел какое-то отношение к Преданному Богу, Роте-Всаднику. Если в этом кроется хотя бы малейшее зерно истины, то я бы не рискнул даже притронуться к этой штуковине. Талисманы Роты – благодарю покорно!

– Рота? – я насторожилась, вспомнив мучивший меня совет матушки и загадочное название «Лан-Гэллом». – Тебе известно что-то о Темном Роте? А почему «Преданный Бог»?

– Есть легенда, – Райан пожал плечами с таким видом, будто хотел сказать: легенда есть, но я ей совершенно не верю. – Когда Роту осадили в его крепости, он заявил, что согласен сдаться, пусть только оставят жизнь его воинам и тем, кто жил рядом с крепостью. Начались переговоры, вроде как Рота убедил своих противников, а потом... В общем, его обманули. Вышла такая резня, что о ней боялись вспомнить спустя столетия. Цитадель уничтожили, те, кому удалось выжить, бежали на Полдень. Роту изгнали из этого мира. Победенные не оставили после себя почти ничего, победители рассказывали только то, что требовалось им, дабы ни у кого не возникло и капли сомнений. До нас дошло слишком мало сведений, чтобы

справедливо рассудить, кто тогда был прав, кто виноват, и в самом ли деле Рота был таким воплощением зла и ужаса, как принято считать?

– Два вопроса! – быстро проговорила я. – Если ты занимался изучением тех времен, тебе не встречалось название «Лан-Гэллом»? И второе – имеет ли какое-нибудь отношение к Роте белая звезда о восьми лучах?

– Крылатая звезда – его символ, – не задумываясь, сказал Райан. – Лан-Гэллом – название города темных альбов, стоявшего неподалеку от Крепости Трех Вулканов. Это был город без крепостных стен. Его сожгли, жителей казнили.

– А нам говорили, что это и есть название Темной крепости, – Маэль, видно, припомнил нашу беседу в блаженные времена, когда был жив мой отец и мы могли говорить на совершенно посторонние темы.

– Нет, крепость звалась по-другому... Благородные месьоры, вам не кажется, что самое время заняться трудностями дня сегодняшнего, нежели обсуждать минувшие времена?

– Как сказать, – со всей отпущенной мне таинственностью ответила я. – Уж извини, но я попробую найти общий язык с этим камешком. Ты не возражаешь?

– Жизнь твоя, тебе ею и рисковать, – показалось, или маг впервые глянул на меня с уважением? – На вашем месте я бы поспешил расстаться с Бельверусом. Колдуны обычно не любят, когда у них крадут их любимые безделушки.

– А ты? – спросил Маэль.

– Я останусь, – Райан беспечно подмигнул своему потомку. – Что-то мне говорит, что скоро в немедийской столице стряется нечто чрезвычайно увлекательное. Я бы предпочел досмотреть представление до конца. Может, даже потягаться силами с месьором Драконьей Мордой. Теперь у него нет камня, значит, и силенок изрядно поубавится. Заодно, хотя это против моих правил, постараюсь извещать вас о последних новостях. Желаю удачи.

Он встал и прошествовал к двери, свистнув по пути собаке. Псина с готовностью вскочила и потрусилась за хозяином.

Город Даларна, Немедия.

1 день Второй весенней луны.

Мы не заслужили подобной милости небес – быть живыми, благополучно уйти от погони и избежать мести разъяренного ксальгоуна. Я стараюсь не вспоминать, как именно мы от нее ушли. Крейн с опаской рассказал, что это напоминало удар молнии с ясного неба. Единственный удар – и горстки странно тяжелого пепла на месте преследователей.

Самое ужасное, что это сделала я. Испугалась, что нас догонят и мы не сумеем отбиться. Представила, что нас потащат обратно в Бельверус и мне опять придется столкнуться с человеком в алой драконьей маске. Результат: короткая сияющая вспышка и полтора десятка трупов.

Прав Райан Монброн – Сила без знаний опасна. Но знания мне взять неоткуда, остается только учиться на собственных ошибках. А мои ошибки частенько стоят кому-то жизни.

Мы уже довольно далеко от столицы, и успешно добрались до Даларны – торгового городка примерно на полдороге между Нумалией и столицей Края Соленых озер, Эвербахом. Теперь нас около сотни человек. Ядро отряда составляет Эдмар Крейн с последовавшими за ним королевскими гвардейцами, отказавшимися признать власть Тараска – они умудрились справиться с охраной на Полуночных воротах Бельверуса и вырваться за пределы крепостных

стен. Каждый день к нам кто-то присоединяется: слухи намного опережают нас. Мы движемся к Эвербаху, рассчитывая закрепиться в этой маленькой провинции и уже отсюда начинать портить Тараску жизнь. План, могу признаться честно, в равной степени принадлежит Ольтену, мне и Эдмару. Может быть, он не лучший, но иного у нас нет. Доберемся до Соленых озер, там посмотрим. Сегодня мы в Даларне, на самом большом постоялом дворе городка. Местные власти нанесли нам визит и решили не связываться. Все равно здешнему гарнизону нас не одолеть, а ведем мы себя вполне прилично. Переночуем и завтра уйдем. Без всяких дебошей, скандалов и драк, Ольтен за это поручился.

Мне досталась крохотная комнатка на втором этаже, с окошком, затянутым мутным бычьими пузырями, колченогим столом и тюфяком, из которого лезет солома. Снизу доносятся приглушенные звуки вечеринки – пока все обстоит мирно и благопристойно. Меня тоже звали, но как-то не хочется. Сажу и размышляю. Знать бы, как обстоят дела у Маэля Монбронна? Надеюсь, он благополучно скачет в Аквилонию. Интересно, что собирается предпринять против нас Тараск вкупе с обозленным ксальтоуном? Эдмар вчера предложил великолепный ход, позволяющий нам приобрести множество сторонников и чуть меньше опасаться за свои головы: объявить, что мы начинаем Рокод, признанный мятеж против короля. Тогда мы будем не шайка презренных бунтовщиков, а вполне законные мятежники. Нас нельзя хватать и вешать без разбору, можно только ссылать в собственные владения на определенный срок.

Только чего-то там не хватает... У нас есть идея, которую мы защищаем, есть бежавший от узурпатора принц, имеющий все права на королевский трон, есть даже горе-волшебница с весьма путаной родословной, почти ничего не умеющая. Нет символа. Да, недостает какого-то знака, за которым можно идти!

Я покосилась в угол, где на дорожном сундучке стояла открытая железная шкатулка. Камень приглушенно светился, точно тлеющий уголек. Мы еще в Бельверусе сделали загадочное открытие: если сосредоточится и повнимательнее взглядеться в кристалл, из алой глубины начнут выплывать призраки, какие-то движущиеся картины, подернутые туманом времен... На них нельзя смотреть слишком долго – голова кружится и кажется, что падаешь вниз со скалы в колышущееся винноцветное море.

Решение пришло само собой. Оно казалось настолько верным, что я удивилась – как я не сообразила раньше? Ведь предчувствовала, иначе зачем мне могла понадобиться такая вещь, как стяг Немедийской империи?

Я достала из вьюков красно-черно-белое полотнище и разложила его на столе. Отыскала маленький ножичек и принялась старательно отпарывать с тяжелой шелковой ткани черного дракона. В голове назойливо звенела простенькая мелодия, услышанная на ярмарке в Мессантии:

Я расстилаю красный шелк,
Белый шелк и зеленый шелк.
Мы на лугу с тобой танцуем,
Все у нас будет хорошо!
Скоро постучится в дом весна,
Как наша юность, зелена,
Станет голова моя кружится,
Буду я одной весной пьяна...

Белый шелк тоже нашелся – я безжалостно искромсала подкладку собственного плаща. Начала прикидывать, как бы половчее вырезать из него пару больших восьмиконечных звезд, и тут в дверь осторожно постучали.

– Открыто! – крикнула я.

Явился Ольтен. Я-то полагала, он с Крейном и остальными весело предается исконным мужским развлечениям, наподобие выпивки, построения грандиозных планов на будущее, яростным спорам о судьбах мира и безудержному хвастовству.

– Доброй ночи, – чуть удивленно сказал Ольтен, разглядывая, чем я занимаюсь. – Я не помешал? Вообще-то я хотел спросить – можно, я у тебя посижу? А что ты такое делаешь?

– Хочешь помочь? – небрежно осведомилась я, сражаясь с неподатливой скользкой материей. – Раздобудь мне красную тряпку. Лучше всего шелковую, но сойдет и льняная.

Его милость счел, что намерения женщин разгадать невозможно, и послушно отправился на поиски. Отсутствовал он довольно долго – я успела вырезать обе звезды и начала обметывать их по краям – но добыча оказалась тем, что нужно. Десяток атласных лент ярко-багрового цвета. Где он только их разыскал?

Звезда легла на место, которое некогда занимал стоявший на задних лапах дракон. Я принялась старательно пришивать ее к знамени. Ольтен, облокотившись на стол, молча наблюдал за моими потугами. Убедившись, что символ надежно прикреплен к стягу, я занялась красными лентами. Пришлось разрезать их на узкие полоски, которыми я окантовала звезду. Напоследок из остатков шелка вышла неплохая пара крыльев, именуемых в геральдике «крыло орлиное, развернутое».

Завершив работу, я неторопливо обрезала лишние нитки и полюбовалась на дело рук своих. Моя крылатая звезда горделиво поблескивала поверх традиционных немедийских цветов. Издалека ее будет хорошо заметно.

– В чьи руки ты хочешь отдать нас, Дана? – тихо и как-то скорбно проговорил Ольтен, не глядя на меня. – Мы уже совершили немало поступков, о которых пожалеем. Честное слово, меня до смерти пугает эта вещь, – он ткнул пальцем в железную шкатулку, где хранился Алый Талисман.

– Боятся непознаваемого и чужого, а мне этот камешек, как выяснилось, не чужой, – отрезала я, может быть, излишне поспешно. – Я верю, что поступаю правильно. Мы изгнаны из собственной страны, так что нам впору поднимать флаг со гербом того, кого тоже некогда изгнали за попытку решить дело миром. Мы не воюем, мы пытаемся добиться справедливости и покарать убийцу. Разве не так?

– Так, – неохотно согласился принц. – Просто мне не слишком по душе твой замысел. Звезда Роты... К чему это приведет?

Я скривилась:

– Мой принц, позволю себе одно предположение. Может быть, на самом деле тебе не хочется, чтобы в рядах твоих приверженцев оставалась некая девица Эрде? Она вроде как недочеловек, и таскает с собой жуткую магическую штуковину, и всерьез намерена положиться на милость какого-то давно сгинувшего божка? Ведь так? Об этом шепчутся внизу?

– Никогда не смей так говорить! – Ольтен взвился со скамьи и почти прокричал мне в лицо эти слова. Я невольно шархнула в сторону, едва не врезавшись в стену и на своей

шкуре узнала, что такое пресловутый «королевский гнев». Верно говорили: представители династии Эльсдорфов в юном возрасте никогда не отличались сдержанностью нрава. – Ты прекрасно знаешь, мы без тебя – ничто! Жалкая кучка мятежников, не обладающих ни военной силой, ни знанием, ни способностью вести за собой! Ты нужна нам! Ты и твой Камень, чем бы он не был!

– А когда все закончится, меня вежливо попросят удалиться, предварительно вернув талисман в королевскую сокровищницу? – язвительно спросила я.

Ольтен смерил меня мрачным взглядом:

– Неужели ты всерьез так думаешь?

– Нет, – мне внезапно расхотелось препираться. Я вспомнила, что без Ольтена и прочих молодых сумасбродов моя жизнь опять потеряет смысл. – Извини. Сама не знаю, что говорю. И с флагом этим я такую глупость затеяла, – я попыталась скомкать полотнище, но меня остановили:

– погоди, не торопись. насчет знамени ты права. Мы не можем выступать под немедийским драконом, он стал теперь символом узурпатора. Пусть будет звезда. Кто помнит, кому изначально принадлежал этот знак?

Мы настороженно смотрели друг на друга поверх стола. Ольтен, точно предлагая перемирие, задумчиво изрек:

– Другую сторону флага тоже надо переделать. Где у тебя нож?

Я протянула ему короткий дорожный ножичек, и его милость принялся с тщательно скрываемой яростью срезать со знамени второго дракона.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Записки волшебника – I

«Лицом к Вечности»

Область Соленых озер, Немедия.

3 день Второй весенней луны.

– Как думаешь, это еще Пограничье или уже Немедия?

– Не знаю. Мы вроде не подписывали с Бельверусом никаких договоров по обозначению границ. Считается, что земли Немедии начинаются от самого полуночного из Соленых озер, а на закате граница упирается в Синюю скалу, возле которой стоит городишко Кюртен, одновременно принадлежащий нам, немедийцам и аквилонцам. Помнишь, лет пять-шесть назад в Вольфгард приезжал Евсевий Цимисхий, ученый муж из Тарантии?

– Помню. Такой высоченный зануда с черной бородой.

– Он не зануда, а хранитель Путевых архивов Аквилонии. Евсевий составил довольно точную карту Пограничья – оригинал валяется в канцелярии Эрхарда, мне все недосуг снять копию. Так вот, на плане Евсевия пограничная линия между нами и Немедией проходит точно с заката на восход от Синеи скалы в Немедийских горах до Бритунии. Совершенно прямая линия, а мы до сих пор не удосужились выставить порубежные столбы, даже на самых крупных трактах...

– Намекаешь, что я бездельничаю? Ничего себе! Бедный Веллан потеет, вертится, что твой ошалевший бурундук в колесе, носится с высунутым языком, отлавливая разбойников и торговцев незаконными товарами, моя порубежная стража трудится, не покладая рук... А какой-то стигийский колдунишка предлагает вместо того, чтобы заниматься делом, срочно идти вбивать столбы на болотах! Вот бы здорово увидеть на Ронинской трясине подорожный знак с гордым обозначением: «Вы стоите на священной земле Пограничья!». Тьфу!

– Ты, между прочим, не плюйся. Первые Озера мы миновали, значит, Пограничье, где можно позволять себе плевать и браниться сколько влезет, осталось позади. Мы в цивилизованной стране – отучайся. Хороши будут господа посланники!

– Верно, верно, – поддержал меня высокий седой старик, ехавший по правую руку. – Веллан, запомни раз и навсегда: впервые за всю историю Пограничья мы едем с государственным визитом в соседнюю великую державу! Так что изволь выглядеть благородным дворянином. Сиречь (старик на память процитировал строки «Чистого Зерцала», известного куртуазного наставления) «пальцами в тарелку не лазать, громко не хлюпать, перстов об одежду и скатерти не вытирать, с соседями из-за куска не препираться».

– Скучные вы, – пренебрежительно ответил поучаемый. – Хорошо, молчу. Не буду хлюпать. Не буду персты вытирать вообще ни обо что. Стану волком и буду тихонько грызть кости в углу. Идет?

Вот такой разговор.

Я еду посередине, справа на длинноногой полукровке немедийской и тауранской пород лошадей гарцует Веллан, сын Арта, глава нашей многострадальной Порубежной управы. Слева подталкивает шпорами гнедого коня Эрхард, король Пограничья и прилегающих земель. Эртель едет далеко позади – король предусмотрительно поставил племянника-

наследника присматривать за обозом, чтобы они постоянно не цапались с Велланом и не оглушали благочинный строй монаршего посольства громкими переругиваниями и непотребными воплями. Посему Эртель отделен от нас четырьмя крытыми фургонами, в которых мы возем продовольствие и обширный набор подарков для Тараска Эльсдорфа и его придворных: меха, изделия подгорных мастеров Граскаальского королевства гномов и несколько бочек настоящего высокогорного меда, исключительно ценящегося в полуденных землях. Насколько я подозреваю, Веллан и Эртель с самого выезда из Вольфгарда строят коварные планы по похищению одной из бочек. Обжоры.

Да, действительно, король Пограничья создает, так сказать, исторический прецедент – едет в гости к немедийскому государю. Его ближайшее окружение состоит из меня, как придворного мага, наследника престола Эртеля, Веллана, командующего нашей немногочисленной охраной (полтора десятка людей и полтора десятка оборотней) и, как это ни странно звучит, посланника короля Граскааля Дьюрина VIII. Сначала предполагалось, что вместе с нами отправится старый Фрам по прозвищу Мрачный, однако Фрам ехать категорически отказался, сославшись на занятость. Он теперь руководит строительством королевского замка в Вольфгарде, каковое строительство поручено нашим союзникам-гномам, не имеющим себе равных в искусстве сооружения каменных крепостей. Фрам, посоветовавшись с гномьими старейшинами, отослал в Немедию дальнего родственника – Дарта, сына Торира, из тех, что именуются «молодыми, да ранними». Этот рыжебородый гном совсем недавно отпраздновал совершеннолетие (по меркам подгорного народа, гном становится взрослым в сорок четыре года – известно, что карликам отмерян длинный срок жизни и взрослеют они позже людей), но поскольку Дарт являлся сыном старейшины одного из уважаемых кланов, было решено, что представлять гномов на коронации будет именно он.

Пожалуйста – позади наших скакунов гордо месит снег низенький лохматый пони, в изобилии обвешанный серебряными побрякушками, а в седле громоздится достойный посол государя Дьюрина. Борода веером, нос кверху, щеки для важности надуты. Я достаточно близко знаком с народом гномов, чтобы утверждать – до истинной гномьей основательности и суровости Дарту еще расти и расти. Но в Немедии он произведет впечатление, ибо во владениях Трона Дракона нет поселений гномов. Только, кажется, в Шадизаре существует небольшая община карликов из Кезанкийских гор.

С той поры, как почтовые птицы доставили в Вольфгард невероятное сообщение о внезапной смене власти, никаких новых депеш из Бельверуса не приходило, если не считать доставленного гонцами в форме немедийской гвардии торжественного приглашения на праздник коронации. Я немедля напросился в посольскую свиту ради того, чтобы лично убедиться в нерушимости магического равновесия на соседских землях. Все-таки я не зря отношу себя к немногочисленной негласной гильдии волшебников-равновесников, не отрицающих, но и не поддерживающих как Тьму, так и Свет. Я полагаю, что в мире должно хватать поровну и того, и другого, ибо только во Тьме узришь ты зарождение Света, и лишь в сравнении с черным познается белое. Равно как и наоборот.

Прозаичные оборотни, выслушивая мои разглагольствования о природе двух Великих Красок, угольной и снежной, не упускают случая поддеть: мол, твоя замечательная теория Равновесия вполне применима к иным сферам бытия. Не напившись, не познаешь похмелья, не впад в плотский грех, не родишь ребенка... И так далее. Веллан с Эртелем, конечно, ребята добрые и симпатичные, но ужасно невоспитанные. И необразованные. Воображаю, как на нас будут смотреть при немедийском дворе – как на странствующий зверинец с

медведями и волками.

Меня могут спросить: как связаны между собой путешествие в Бельверус и мои подспудные тревоги о нарушении Равновесия?

В своих предыдущих записках я упоминал, что человек, сведущий в искусстве волшебства, гораздо острее чувствует напряжение, возникающее в сети магической силы, опутывающей наш мир. Не говоря лишних слов, замечу только одно – Полдень начинает угрожать явившейся из Ниоткуда чужой магией. С каждым шагом, с каждой пройденной лигой, приближающим меня к Немедии, я вижу, как горизонт затягивает багровым туманом, не рожденным человеком, гномом, оборотнем или любым другим разумным существом Хайборийского мира.

Впервые о таинственной напасти сообщил герцог Морадин в паническом письме, прибывшим с ястребом-перепелятником. Но сейчас у Морадина уже ничего не спросишь – герцог Эрде, как утверждают, погиб во время народных волнений в Бельверусе. Может быть, он пытался как-то противостоять новоявленной угрозе и вступил в битву с противником, несоизмеримо превосходящим его силы? Не знаю. Я просто вижу, как где-то в сердце нашего материка налилась прохладной багровостью гнойная язва.

Что-то, Нечто, вернулось из прошлого. Прошлого, в котором еще не появились следы человека. Прошлого, принадлежащего другим, чуждым для нас народам.

И Нечто действует. А, возможно, его заставляет действовать чья-то недобрая или бездумная воля.

* * *

Наша весьма скромная компания выехала из Вольфгарда по Немедийскому тракту, идущему вдоль границы Бритунии, обогнула Соленые озера, оставила позади поворот дороги на Менору – один из крупных городов в Полуночной Немедии – и постепенно приближалась к Эвербаху. Почему я именую компанию «скромной»? Ха! Представьте, как будем смотреться мы, обитатели Пограничья, лесовики и простецы, рядом с посольствами иных государств! Коронация – дело серьезное, потому в Бельверус съедутся монархи большинства дружественных Немедии стран Заката: Альбиорикс Бритунийский, Балардус из Кофа, наверняка явится представитель короля Офира – вот интересно, кто стал королем в Ианте после недавней войны с Аквилонией? У Амальрика не было прямого наследника, значит, золотым венцом Ианты вполне мог завладеть один из великих герцогов. О том в Пограничье ничего не известно... Приедут аргосцы, шемиты, зингарцы, возможно, прибудет даже знаменитая Тарамис – королева Хаурана. Одним словом, на эту изумительную ярмарку тщеславия пожалует большинство самых богатых, самых уважаемых и самых, прошу простить за неудачную метафору, «полновесных» государей и государынь, владеющих землями к Закату от Кезанкии и Турана. На этом ослепительном фоне бедные представители Пограничья покажутся совершенно незаметными.

Конечно, Эрхард после прибывшего в Вольфгард приглашения немедленно выделил деньги из казны для пошива парадных одежд свите и самому себе. Наши безыскусные швецы не придумали ничего лучше, как взять темно-зеленую парчу цвета малахита, украсить

костюмы драгоценными мехами Полуночи (мантию Эрхарда, к примеру, сшили из шкуры дрохо, гигантской снежной ящерицы, отличающейся изумительным серебристо-белым мехом), обляпали парадные колеты ограненными гномами камнями и золотым шитьем, а в итоге посольство выглядело примерно также, как свита небогатого барона, решившего не ударить в грязь лицом перед соседями-герцогами. Немного безвкусия, немного дорогих украшений, самую чуточку вышивки и много-много гордости. Гордость – единственное, чем Пограничье обладает в избытке.

Мне хорошо, я волшебник. И должен носить соответствующее статутам гильдии одеяние. Обычно я таскаю черную хламиду с золотым кругом на груди и заплатками – следами неудачных магических опытов. Однако на сей раз я заказал просторный балахон из тончайшей алой шерсти с черными плащом на белой подкладке и вышитым капюшоном. Пускай одежда символизирует то, что я маг-Равновесник. Вдоволь белого, вдоволь черного, а основной цвет – пронзительно-красный.

Эртель немедленно заявил, что черное и белое, смешиваясь, образуют вовсе не серое, а красное. За что был нещадно бит посохом, который я ношу больше как полезную в дороге вещь, нежели как символ волшебства.

– Глухомань, – Веллан хмуро поглядывал на снежную холмистую равнину. – Заметили, мы доселе не встретили ни одного всадника? На дорогах пусто, хотя соляные копи работают круглый год и обозы с солью постоянно уходят на Полдень.

– В Эвербахе, наверное, открылась весенняя ярмарка, – поразмыслив, ответил Эрхард. – Все уехали в город. Видишь замок на холме?

Мы дружно посмотрели влево. Действительно, замок. Небольшой, с двумя боковым башнями и квадратным донжоном. Я, чтобы рассмотреть постройку во всех подробностях, шепнул резко обостряющее зрение заклинание «Орлиный глаз», крепость приблизилась, а я охнул и натянул поводья лошади.

– Что за ерунда! – громко сказал я. Король и Веллан обернулись – привыкли, что я никогда не пугаю их просто так, если не считать мелких магических шалостей и шуток. – Над главной башней выпел!

– Чего здесь удивительного? – фыркнул Веллан. – Знамя местного барона, ничего больше.

– Три оранжевые, три черные и снова три оранжевые полосы ткани, – я вытянул руку, показывая. Обратни, конечно, не рассмотрели – слишком далеко. – Знаете, что это значит?

Эрхард кивнул. Веллан вопросительно воззрился на меня. Я объяснил:

– Девять подобных полос означают, что в округе действует большая разбойная шайка, сами разбойники объявлены злодеями короны, а владелец замка, как верный подданный короля, участвует в их поимке. Когда над укреплением поднимают такой символ, любому немедийцу становится ясно: на принадлежащих сеньору землях неспокойно, дружина собрана и вооружена, мирным путникам же лучше остеречься...

– Серые демоны Нижней Сферы! – выругался Эрхард. – Только этого нам не хватало! Эртель! Эртель, быстро сюда, дубина!

Наследничек, заслышав истошный вопль дядюшки, появился незамедлительно. Человеку постороннему будет довольно сложно отличить Эртеля от Веллана – оба беловолосые, голубоглазые, с весьма похожими лицами. Веллан разве что повыше да посухощавее.

– Ну? Зачем звал?

– Не перечь королю! – рывкнул Эрхард, хотя племянник ему вовсе не перечил. Пока, по крайней мере. – Передай по цепочке – смотреть в оба! На баронской крепостишке болтается знак тревоги. Видать, пошаливают на дорогах. Оружие держать под рукой.

– Ох, пасть Нергала! – выдохнул Веллан. – Гляньте-ка на дорогу! Тотлант, однажды я тебя собственноручно зарежу! Накликал!

Тракт примерно в лиге от нас уходил за высокий холм с черным скальным выходом на вершине. И как раз из-за этого холма на дорогу вывернул довольно большой отряд, числом не менее тридцати всадников. Искрящееся облако снежной пыли за лошадьми, звяканье уздечек, глухие удары подков о наст. Знамен никаких, что скверно. Дворяне всегда разворачивают фамильные штандарты.

– Как поступать, знаете, – процедил король. – Первыми не нападать. Попробуем отбрехаться. Тотлант, держи ухо востро.

– Понял, – я снял теплые перчатки из собачьей шерсти и начал разминать пальцы. Любого неприятеля можно испугать волшебством – создать жутковатую иллюзию, применить боевую магию. В последней я не являюсь особым знатоком, но кое-что предпринять могу. Огненные шарики, ледяной дождь, когда нападающих побивают появившиеся из воздуха острейшие ледяные стрелы, заклинание «Рыболовная сеть», сковывающее движения врагов... Старинные, давно опробованные и самое главное – действенные фокусы.

Всегда удивлялся, насколько слаженно действуют люди и оборотни, ходящие под водительством Эрхарда. Несколько безмолвных приказов-распоряжений, отдаваемых при помощи жестов, и вот на дороге выстроился полукруг повозок, своего рода маленькая походная крепость, арбалетчики укрываются за фургонами, всадники с мечами расположились возле оконечий полукруга. В крайнем случае можно будет бросить подарки и на галопе уйти в сторону границы – я прикрою отступление магией и собью с толку преследователей. Доберемся до владений Пограничья, а там не страшны ни демоны, ни люди. Во-первых, леса нашей страны чужаков не терпят, во-вторых же возле ближайшего к рубежам поселка-бурга рыщет наша дорожная стража – большой и отлично обученный отряд.

– Кто такие? – странные всадники остановили лошадей, не доезжая пятнадцати шагов до повозок. Предводительствовал возможными супостатами высокий молодой человек с выбивающимися из-под меховой шапки русыми волосами. Судя по одежде, дворянин. Все в кольчугах – блестящие рукава кольчатой брони выглядывают из-под накидок. – Назовитесь!

Эрхард, Веллан и Эртель переглянулись. На грабителей непохоже – разбойников обычно не волнуют имена тех, кого они намерены обчистить.

Эрхард положил руку на клинок, дабы извлечь его при первой же опасности, и медленно выехал вперед. Я тем временем пересчитал чужаков по головам – тридцать два человека.

– Мое имя – Эрхард, сын Этельвульфа! – громко заявил оборотень. – Король Пограничья и союзного королевства людей, оборотней и гномов!

В рядах немедийцев возникло некоторое замешательство. Русоволосый вожак словно позабыл человеческую речь, однако потом встрепенулся, сделал знак кому-то из своих и сошел с седла. Точно, нападать не будут. Может быть, это дорожная стража? Нет, непохоже.

Едва мягкие сапоги предводителя коснулись снега, над отрядом взвился штандарт, какого я прежде никогда не встречал. В основе лежало немедийское знамя – черная, белая и красная полосы. Однако привычный дракон трона Бельверуса на стяге отсутствовал. Вместо золотого крылатого змея квадратное полотнище украшала неизвестная никаким

геральдическим уложениям Заката и Полночи крупная восьмилучевая звезда. Вырезана из куска белого шелка, обведена по контуру красным окомом, а с обеих сторон – расправленные крылышки. Скорее всего, орлиные.

Вожак подошел к коню Эрхарда, левой рукой снял круглую шапку, правую ладонь, сжатую в кулак, положил на грудь – немедийский жест приветствия – и преклонил колени.

– Счастлив приветствовать ваше королевское величество, – сказал человек, поднимаясь по жесту Эрхарда и с любопытством глядя на наш вымпел, поднятый кем-то из дружинных: бело-зеленое продолговатое полотнище с черным силуэтом волчьей головы. – Если будет позволено королем, я представлюсь.

Эрхард милостиво кивнул, позволяя.

– Эдмар, граф Крейн, владетель графства Крейн, что на Соленых озерах. Могу ли я осведомиться о цели вашего путешествия?

– Э-э... Вообще-то мы едем в Бельверус, – слегка обескуражено ответил король. – Я сам, наследник трона и посол королевства гномов Граскааля Дарт, сын Торира из клана Ниди Топора. К вашим услугам, граф. Вы – дорожная стража?

– Не сказал бы... – хитро улыбнулся Крейн. – Государь, моя просьба может тебя удивить, но... Я, как владелец этих земель, именем короля Нимеда просил бы вас повернуть обратно. Нет, это не нарушение куртуазии и законов гостеприимства...

– Можно говорить понятнее? – буркнул Веллан. – Мы люди простые и всех ваших куртуазий не понимаем.

Граф Эдмар развел руками, улыбнулся еще шире и сказал:

– Проще? Извольте, благородные месьюры. В Немедии мятеж. Мятеж против узурпатора Тараска Кофийского, принца короны, незаконно захватившего власть. Заметьте, принца короны, а не принца крови!

Ясно. По старинным традициям «принцем крови» именуется только прямой родственник монарха – брат, сын или родной дядя. Остальные родственники, составляющие династию, именуется «принцами короны». Будь проклят этот напыщенный этикет, в хитросплетениях которого не сумеет разобраться никто кроме специально обученных герольдмейстеров!

Граф тем временем продолжал:

– Вы представляете нашего полуночного соседа, славное Пограничное королевство, живущее по своим законам, каковые уважаются немедийцами. Так будьте же добры уважать законы Немедии. Нельзя оказывать почтение захватившему трон самозванцу.

Эрхард метнул в мою сторону взгляд, в котором огромными буквами читалось: «Он, наверное, сумасшедший!».

Я подумал, что настало время вмешаться.

– Моя имя Тотлант, сын Менхотепа из Луксура. Волшебник при дворе государя Эрхарда, – я медленно выехал вперед. – Сударь, мне странно слышать речи, которые произносятся от имени короля Нимеда, недавно почившего и погребенного. Мы, знаешь ли, получаем известия от соседей и уверены, что в результате бунта, своевременно подавленного принцем Тараском, семья короля Нимеда погибла... Как ты, граф, можешь объяснить эти слова?

– И все же я настоятельно просил бы... – упрямо сказал человек, назвавшийся графом Крейном, но вдруг наши кони чуть присели, прядая ушами. Никогда не подумал бы, что можно издавать столь пронзительный свист, лишь сложив пальцы и сжав их между губами.

Свистел один из соратников Крейна.

– Прошу извинить, – быстро сказал Эдмар. – Нас прерывают. Послушайтесь совета, поезжайте домой. Когда будет объявлено о возведении на престол истинного короля, я лично встречу посланников Пограничья на рубежах Немедии и предоставлю самый почетный эскорт, который позволят создать мой титул и мое состояние. Уезжайте, в стране очень неспокойно!

Граф бросился к лошади, не касаясь стремян, взлетел в седло, отряд с места взял галоп и вскоре исчез в белесом вихре поднятой копытами лошадей ледяной пыли.

– Ничего не понимаю... – сказал я. Веллан отозвался:

– Зато я понимаю. Глянь!

Со стороны той самой крепости, которую мы видели на холме, крупной рысью подходили очередные гости. Вымпел местного барона – белый лосось в синем поле – и знамя Немедии, только теперь не с загадочной звездой, а с давно знакомым драконом. Интересно...

Часть большого, не менее сотни бойцов, отряда поскакала догонять графа Эдмара, а еще два десятка приблизились к нам.

– Именем короля Тараска, назовитесь!

Пришедшие из замка люди носили темно-серую форму приграничной охранной гвардии королевства.

Дальнейшую сцену можно не описывать: она служила точным повторением предыдущей, с вежливыми расшаркиваниями, коленопреклонением и долгим выяснением, кто именно теперь в Немедии король. Офицер со знаками различия полусотника, выслушав наши удивленные речи, лишь поклонился и сообщил следующее:

– Уважаемым гостям не стоит беспокоиться. Да, возле Соленых озер действительно появились разрозненные шайки мятежников, не признающих власть Тараска Эльсдорфа, однако впредь государя Эрхарда и его почтенных сопровождающих не побеспокоят. Я доложу капитану, и вам непременно выделят полусотню охраны вплоть до Нумалии, а возможно, и до Бельверуса. Нижайше прошу заночевать в замке Лахт...

– Заночевать? – скривился Эрхард. – Благодарю, сударь. Нам это не требуется. Середина дня, мы успеем проехать много лиг, а опаздывать к коронации я не желаю. Мы направляемся в ближайший город, в Эвербах.

– Это небезопасно, – возразил пятидесятник. – Вы вновь можете столкнуться с бунтовщиками.

– Как столкнемся, так и разойдемся, – рявкнул Эртель, которому надоело слушать, как дядюшка и немедиец переливают из пустого в порожнее одни и те же слова. – Сами разберемся! У короля достаточно охраны, чтобы дать отпор любым недоброжелателям! Желаю счастливого пути и удачной охоты на мятежников!

Эртель, не спросив короля, подал остальным несколько сигналов ладонью правой руки, фургоны вновь построились в ряд и мы отправились дальше, на Полдень.

– Как прикажете такое понимать? – после долгого молчания спросил у меня Эрхард. – Какой-то бунт... Нимед... Конечно, я понимаю, Тараск сел на престол при не совсем ясных обстоятельствах, но ведь он является королем по всем законам?

– Возможно, – ответил я. – Но только в случае, если наследники Нимеда действительно погибли. Любопытное знамя у графа Крейна... Красно-белая восьмилучевая звезда. Да еще с крыльями...

– И что в этом любопытного? – осведомился Веллан.

– Да почти ничего. Если не считать, что данный символ не используется уже восемь с лишним тысяч лет. Узнать о нем можно только из древнейших исторических трактатов.

– Тотлант, тебе повсюду мерещатся призраки прошлого, – рассудительно сказал король. – Какие восемь тысяч лет? До Атлантиды, до Валузии! При чем тут звезда о восьми концах? Немедийские мятежники могли сами придумать такую эмблему!

– Не верю в подобные совпадения, – тихо, но упрямо ответил я. – Этот знак считался запретным на протяжении восьмисот столетий. Звезда Роты-Всадника.

– Чушь! – рассмеялся Эрхард, а Веллан громко изобразил на губах пускание ветра. – Ничего себе, Роту-Всадника приплел! Да еще неизвестно, существовал ли он на самом деле! Оставь эти глупые мысли! Прошлое не возвращается!

Эрхард был не прав. Однако его неправоту мы осознали лишь со временем.

4 день Второй весенней луны.

Эвербах по меркам Пограничья – очень большой город. Он даже крупнее нашей столицы – Вольфгарда. Грамотно выстроенная крепость о восьми бастионах, огромный рынок, целых двадцать кварталов, обороняемых помянутой крепостной стеной, все дома каменные и только в предместьях, находящихся за громоздкими оборонительными сооружениями, можно найти деревянные строения. По сравнению с Вольфгардом – невероятно большое поселение. И не просто поселение, а главный город графства Крейн. Бесспорно, Эвербах подчиняется лишь короне, а вовсе не графу, на чьих землях стоит, посему над ратушей болтается трехцветное знамя Немедии, а вовсе не вымпел землевладельца, здесь квартируют пять кавалерийских сотен гвардии короны, есть свое отделение Вертрауэна и назначенный королем управляющий, который одновременно выполняет обязанности протектора, командира войска и главы налоговой управы.

Вообще-то, как говорят, должность губернатора провинции Соленых озер должен был занимать принц крови и наследник Нимед-младший, но в связи с печальными обстоятельствами, повлекшими гибель принца, на маленьком троне большой провинции Немедии остался прежний управитель – барон Остарт. Человек преклонных лет, блюдуший старые привычки и традиции.

Именно благодаря барону Остарту наше великое посольство въехало в Эвербах с наиболее возможной помпой. Конечно, Пограничье – не самое почитаемое государство на Полуночном закате Материка, однако за последние годы Эрхард заставил соседей проникнуться уважением к нашим отдаленным пределам, осененным тенью Граскааля. Пограничье доставляет в Немедию весьма ценные товары – мех, золото, драгоценные камни, металлы, дерево (в Немедии очень много лесов вырублено), а если уж помянуть о чудесных поделках гномов... Словом, немедийцы решили, что с Пограничьем лучше дружить, чем не замечать вовсе, и стали нашими лучшими торговыми компаньонами.

Между прочим, мы (я, Эрхард, Эртель и Веллан) оставили на управление страной не какого-нибудь герцога (а герцогов-то у нас в Пограничье всего двое – Эртель как наследник трона, и Веллан – чтобы смешнее было... Оба титула пожалованы королем, но их никто не воспринимает всерьез, в том числе и сами носители благородных званий)... Так вот, право регентства над союзным королевством Пограничья, Граскааля и Вольных Земель на время отъезда Эрхарда передали купцу. Торговцу. Лавочнику. А именно – почтенному Стеварту из

рода Сольскель. А что? Стеварт – мужик умный, и своего не упустит, и короне послужит от всего сердца. Может быть, наши традиции можно считать варварскими, но Пограничье трудится лишь к выгоде, ибо выгода и торговля – наиглавнейшая задача. Без торговли между Полуночью и Полуднем Пограничье не смогло бы существовать.

Вернемся к Эвербаху. Умный Эрхард заранее послал одного из своих оборотней к городу, дабы тот донес весть о прибытии короля, почтеннейший месьор Остарт решил не ударить в грязь лицом и организовал встречу. Возле городских ворот нас ждали выстроенные почти в ровный ряд конные сотни, господин губернатор лично поддержал стремя королю, а затем произнес прочувствованную речь о любезной дружбе и душевном согласии меж великой немедийской монархией и «расцветающим как бутон розы королевством Полуночи», нас устроили в лучшем доме Эвербаха, а именно в резиденции его милости Остарта и...

И все бы было хорошо, если бы не внезапная смена власти, происшедшая прямоком в тот же день.

Едва мы успели расположиться в удобнейшем и богатом доме губернатора, едва лошади были поставлены в конюшни, а усталый Эрхард решил отойти ко сну; едва молодежь из оборотней и людей собралась покутить в близлежащем трактире, едва я сам задумал улечься в теплую постель и почитать один из старинных трактатов, захваченных в дорогу...

– Тревога! Тревога!

Этот вопль пронесся до дому месьора Остарта, будто гром небесный. В коридорах начали грохотать подкованные сапоги стражи, слышались неясные, но очень взбудораженные возгласы... Я поднялся с ложа, натянул длинную нижнюю рубаху, свой привычный черный балахон с капюшоном и приоткрыл дверь. Хотелось узнать, что за новая напасть повалилась на наши разнесчастные головы. Вроде бы укрепленный город с крепостью, здесь стоят отряды гвардии и кавалерийские кирасиры, добавим городскую стражу, набранную из обитателей Эвербаха...

Голоса, резкие крики, вопли, рычание командиров. Странно. В доме губернатора сумятица, вполне подошедшая бы к осадному положению. Сожри меня самый злой демон Нижней Сферы! Бунт? Мятеж? Переворот? Грабители? Набег дикарей с Карпашских гор? Невероятно!

Едва я выбрался в коридор, как меня едва не затоптал Веллан. Его пограничная светлость, шутовской герцог, был взъерошен и возбужден.

– Тотлант, ты?

– Благодаря Сету, я. А кого ты ждал, Тот-Амона?

– Дурак! В городе заваруха! Видишь, как стража носится? А ну, быстро к королю!

– Куда?

– Окончательно спятил? Местные мне объяснили, будто около ворот появился громадный отряд мятежников. Под тем самым знаменем, со звездочкой. Собираются штурмовать!

– Как интересно... – пробормотал я. – Город, принадлежащий короне Немедии! Город, в котором достаточно боеспособных отрядов! Тебе рассказывали сказки, Веллан!

– Сказки? – взвился оборотень. – Вот походи на стену и посмотри на эти сказки! Точно тебе говорю, на полуночи Немедии мятеж! Да такой, что наш Бешеный Вожак и рядом не лежал! Я уж не беру «переворот Четырех» в Аквилонии! Помнишь, шесть лет назад, в Тарантии?

– Помню, – кивнул я. Еще бы не помнить. Как-никак, сам принимал живейшее участие в

Мятеже Четырех на стороне заговорщиков. Правда, дело вышло несколько забавно – это был заговор Конана против самого себя. И в выигрыше, само собой, остался только Конан.

– Идем, – Веллан схватил меня за рукав и увлек за собой. – Слышишь, трубы орут? Похоже, в Эвербахе объявили осадное положение! Во, а еще и колокола! Бесплатное развлечение, честное слово! Люблю! Вовремя мы сюда приехали!

– Веллан! Тотлант! – нас окликнули с другого конца коридора. Понятно, король Эрхард вместе с племянничком. – Что происходит? Наводнение, пожар, нашествие мантикор?

– И то, и другое, и третье! – счастливо проорал Веллан.

– Месьор губернатор просил бы всех представителей посольства оставаться в доме, – к нам подлетел десятник личной стражи управителя Эвербаха. – Дабы не вызывать возможных... трудностей.

– Пош-шел ты! – скривился Веллан, отстранив десятника. – Кто куда, а я побегу на стену. Интересно посмотреть.

– Меня возьмешь? – из своей комнаты вынырнул Эртель, вслед которому спешил король. – Тоже хочу глянуть.

– Бунт в Немедии, – хмыкнул Эрхард. – Тоже самое, что снег в Стигии. Тотлант, у вас в Стигии бывает снег?

– Не бывает, – деревянно ответил я. – Кликните охрану и пошли посмотрим.

– Мы сами себе охрана, – гордо заявил Веллан.

С тем мы и отправились из уютного дома губернатора к главным городским воротам, выводящим на Закат.

* * *

И вот мы вчетвером (точнее, впятером. Вслед за Велланом увязался один из личных телохранителей короля: гигантский оборотень со светло-каштановыми волосами и взглядом законченного убийцы) стоим на крытой галерее стены Эвербаха справа от башни-барбикена и любуемся. Любуемся на большой, не менее четырех сотен, вооруженный отряд под немедийским знаменем с красно-белой звездой и полутора десятками дворянских шпандартов.

Господ посланников и возглавляющего их короля пропустили на стену беспрепятственно – посмотрите, мол, какое отребье завелось в нашей благословенной Немедии. Ишь, огольцы, даже вензель на знаменах не заменили – «НЭ», Нимед Эльсдорф. Не хотят нынешнего государя признавать!

За Эрхардом и компанией приглядывали два десятника в годах – вислоусые суровые немедийцы, которые, по словам месьора губернатора, были обязаны нас «оборонять» от всех возможных опасностей.

Вообще-то ничего исключительного пока не происходило. Большая часть отряда мятежников стояла вдалеке, так, чтобы не достали лучные и арбалетные стрелы, а к воротам подъехали двое – уже знакомый мне по вчерашнему приключению граф Крейн и...

Я замер и раскрыл рот. По роду службы и по должности придворного волшебника я частенько разъезжаю по близлежащим государствам в поисках магических трактатов,

особенных артефактов, интересующих меня как волшебника, частенько заезжаю в гости к друзьям. Всего два с половиной года назад я останавливался в Бельверусе, в гостеприимном доме герцогов Эрде. Встречался с его светлостью герцогом, с веселой и непринужденной госпожой Рингой (пускай в царстве Нергала они обретут успокоение...), видывал сына Морадина Вестри, их домашнюю прислугу. У меня, как и всякого волшебника, отличная память на лица.

Рядом с графом Крейном на игреневои масти кобылке гарцевала юная женщина, умопомрачительно похожая на госпожу Рингу. Либо я имею дело с творением рук безвестного некроманта, либо... Либо Ринга жива! В противовес всем полученным из Бельверуса сообщениям.

Я всмотрелся, применив заклятие «орлиного ока», и понял, что девушка действительно очень похожа на мою старую приятельницу, но таковой, скорее всего, не является. Мы, волшебники (не маги, не колдуны, не чернокнижники, а *волшебники*), умеем различать. Девушка была полукровкой. В ней смешались крови самых разных человеческих и нечеловеческих рас, пускай и выглядела она как человек – темноволосая, невысокая, с неплохой фигуркой, которая с годами станет очаровательной... Я чувствую кровь гулей – не тех иранистанских гулей, являющихся лишь демоническими воплощениями, а вполне живых, теплокровных существ, обитающих в Рабирийских горах. И еще от странной девицы исходит жестковатое, колючее тепло, как от ежика. Обычно таким образом в магическом видении выглядят подгорные карлики – гномы. И человеческого в этой молодой даме предостаточно. Добавим сюда же тусклое сияние крови изначальных альбов, просматривающееся для меня настолько ясно, что сомнений не остается, и получится...

Вас когда-нибудь били кувалдой по голове? Или чем-нибудь тяжелым? Меня били – табуреткой в кабацкой драке, затеянной Велланом и Конаном. Впечатление изумительное. Сначала искры из глаз, потом забытье, потом долгая, не поддающаяся никаким целебным заклинаниям головная боль. И вот сейчас я ощутил столь же мощный удар, только нанесенный не рукой и не каким-либо предметом, а волшебством.

Стоило мне поближе присмотреться к странной девушке, вышедшей на переговоры с властями города, находившегося в смехотворной осаде, как вдруг на мой разум, обостренный многолетней магической практикой, обрушилась непосильная тяжесть. Как удар сапогом в лицо. Что-то красное, страшное, сияющее, злое и кусающееся. Хотя нет, не злое. Как бы я не был ошеломлен, я чувствовал – волшебство, исходящее от молодой женщины, как раз принадлежит не к великим силам Тьмы и Света. Магия Равновесия. Однако настолько мощная и необоримая, что я пошатнулся и начал заваливаться.

– Ты чего? – слегка дрожащим голосом спросил Веллан, подхватив меня на руки.

– Девочку внизу видишь?

– Ну, вижу... Неуютно как-то... Дрожь пробирает. Посмотри на Эрхарда!

Я посмотрел. Его величество стоял бледен и отягощен, сутулые плечи и потерявшийся взгляд.

– Веллан, – прохрипел я, – рядом с нами находится невероятно сильный источник магии. Как узнал? Чувствую, уж поверь. Я настоящий волшебник, а не недоучка... А вот недоучка торчит внизу, но настолько могущественная, что от города камня на камне не останется! Никакого штурма и боя не будет. Бунтовщики возьмут Эвербах с одного налета. Боги, все красное, красное! Кругом красный цвет!

– С ума спятил? – выдавил оборотень, которому тоже было нехорошо. Племя Карающей

Длани очень остро чувствует чужое волшебство.

– Забирай Эрхарда, Эртеля и быстро катитесь домой...

– В смысле, в Пограничье? – изумился Веллан.

– Болван! В ратушу! В дом губернатора! – я попутно крутил пальцами, налагая на друзей охранные заклятья, долженствующие не подпустить к ним чужое волшебство. – Быстрее! Там встретимся!

– М-мать! – выразительно рявкнул Веллан, наблюдая за Эрхардом. Король Пограничья – оборотень, получеловек, полуволок. Представитель самой уникальной расы мира Хайбории. И вот сейчас Эрхард начал изменяться. Изменяться на глазах. Вытягивались челюсти, кожа покрылась серовато-белым волосом... Неизвестно, до чего бы дошло превращение (любая сильная магия заставляет оборотня возвращаться в его исконный облик), но более молодые, а значит, более сильные Веллан и Эртель, а с ними и телохранитель подхватили Эрхарда под руки и повлекли к лестнице, уводящей на городскую улицу.

Очень вовремя!

Граф Крейн, молодой русоволосый красавец, воздел руку и прокричал людям, находившимся на барбикене:

– Где губернатор?

– Именем короля и трона Дракона ты, мятежник, говоришь с владельцем города Эвербах! – сипло проорал в ответ месьор Остарт, находившийся здесь же. – Чего надо?

– Раскрыть ворота и принести присягу истинному королю! – запросто отвечал граф Эдмар Крейн. – Принцу Ольтену Эльсдорфу, принявшему в память о скончавшемся отце и убитом брате имя Нимед!

– Весело, весело, – прошептал я под нос, отлично понимая, что бунтовщики столь малыми силами никогда не возьмут большой укрепленный город. – Что-то у нас слишком много живых покойников...

– Именем короля Тараска, – торжественно провешал губернатор Остарт, – объявляю, что вы признаетесь бунтовщиками, злодеями короны и прихвостнями самозванца! Смута допущена не будет! Если вы сложите оружие и сдадитесь властям, наделенным полномочиями от имени законного короля...

Договорить месьору Остарту не дали, хотя губернатор собирался произнести речь об отпущении грехов дворянам и простецам, введенным в заблуждение – послабление на суде, никаких смертных казней, а лишь каторга самое большее лет на десять и прощение кающимся.

Голос подала девочка, умопомрачительно похожая на герцогиню Эрде:

– Сударь, можно покороче? Вы сдаете город или нет?

Остарт надулся, как гусак, брызнул слюной и проорал в ответ такие речи, насыщенные удивительными сравнениями означенной девицы с миром животных и пристрастий оной к непотребной любви, что всем сразу стало ясно: Эвербах был и остается твердыней короны Немедии.

– Ты сказал, – тонкий голос донесся из-под стены. – Это было первое, оно же последнее предложение. Страже, находящейся на барбикене, я могу посоветовать спуститься вниз и отойти подальше.

– Отойдите!! – неожиданно сам для себя заорал я. – Она волшебница! Она снесет ворота за краткий миг!

К сожалению, меня не послушались и приняли за паникера. Но давайте согласимся, что

Тотлант всегда был умным человеком. А ум – это прежде всего осторожность.

Поэтому мне и досталось меньше всех.

Я кубарем скатился по лестнице вниз, неудачно стукнулся плечом о доски мостовой, однако поднялся и, подбирая балахон, рванул к стене ближайшего дома. Мое магическое сознание было полностью залито истекавшей из тьмы древности красноватой жижей – силой, которую я не мог постичь. Нынешняя магия ничего подобного не знает. Сет Великий, ответь, что это?

Судя по всему, Сет, бог, которого я чту с детства как одну из великих Сил мира, но не особо уважаю, решил обойти стороной удивительные события на полуночи Немедии. У Сета и без того дел невпроворот.

Знаете ли вы, что такое кхитайский взрывной порошок, с помощью которого обычно делают фейерверки? Если не знаете – ваше счастье! Кхитайцы додумались использовать смесь серы, селитры и угольной пыли не только для развлечений, но и для целей военных. Когда я ездил в Кхитай, видывал, как «мастера огня» при помощи маленького бочонка этой жуткой крупы уничтожали огромные деревянные и каменные башни.

Судя по всему, надвратный барбикен Эвербаха пал именно под действием похожей смеси.

Башня начала распадаться на каменные обломки с самого верха – вначале зубцы, третий этаж, второй, первый... Вылетели ворота, распавшись на великое множество острых щепок. Неповрежденной осталась лишь дорога. Буквально рядом со мной, всего в двух шагах, оземь грянулось тело месьюра губернатора. У Остарта была оторвана рука, снесена половина черепа, а в груди и животе застряли тяжелые, окрашенные кровью каменные осколки. Гвардию смело, будто ветром. Магическим ветром. Некое изумительное дуновение лишило пеших и конных мечей, вырвало из рук копья и алебарды, лошади взбесились и понесли, возле Полуночных ворот образовалась невероятная сумятица...

А я полулежал-полусидел возле крепкой кирпичной стены какого-то купеческого амбара и наблюдал за буйством Красного Волшебства. И ничего не пытался предпринять, зная, что в случае сопротивления красное волшебство меня раздавит также, как кованый каблук раздавливает в всмятку лягушонка, попавшегося на дороге.

Все-таки не зря я читал книги о древнем волшебстве эпохи Роты-Всадника. Ныне я столкнулся с тем, что описано в книге «Кэннэн Гэллэр» – победа, взятая из некоего магического существа, ибо таковым существом можно именовать любую вещь, несущую в себе изощренный и непонятный людям разум древних.

Внезапно красный поток схлынул и я почувствовал облегчение. Огляделся. Ворота как не бывало, равно как и надвратной башни. Ровненький проезд, вокруг валяются камни и кирпичи, четверо-пятеро мертвых стражей, но не более. Выжившие медленно шевелятся, словно приходя в себя после неожиданно налетевшей бури.

Я покряхтел, поддержал левой рукой ушибленное плечо и поднялся на ноги. Любопытство вело меня вперед.

Всадники входили в столь неожиданно павший город с видом истинных хозяев. И только Тотлант, сын Менхотепа, был у них на пути.

– Эдмар, граф Крейн? – осведомился я у вождя. По рукаву текла кровь из обширной ссадины. – Не ждал тебя увидеть настолько быстро.

Девочка, носительница Красного волшебства, переглянулась с графом. Крейн ожег меня взглядом и неожиданно ласково улыбнулся:

– Маг из Пограничья? Мы познакомились вчера, правда? На дороге?

– Тотлант, сын Менхотепа, к вашим услугам, граф.

Девушка, восседавшая в высоком седле игреневой лошади, вздернула удивленно брови и громко сказала:

– Тотлант? Ты был знаком с моим отцом и считался другом семьи?

Я опешил.

– Госпожа Ринга? – заплетающимся языком спросил я.

– Госпожа Ринга – моя мать, – ответила девушка. – Позволю себе назвать имя. Долиана, баронесса, а ныне и герцогиня Эрде. Единственная наследница титула нашего рода.

Я вздохнул и не нашел ничего умнее, как сказать:

– Добро пожаловать в Эвербах. Похоже, теперь вы управляете этим городом?

Долиана подумала и вдруг спросила:

– Если ты Тотлант, сын Менхотепа из Луксура, знаменитый оборитель Небесной Горы и придворный волшебник Эрхарда, находишься в Немедии, то значит... Король или его родственники тоже здесь?

– Неподалеку, – выдавил я, отсматривая, как из кармана широкой кожаной куртки госпожи Долианы выбивается странное красное сияние. – Госпожа, я прошу ответить, какой магией ты владеешь?

– Магией? – рассмеялась дочь Мораддина, герцога Эрде. – Магией владею не я. Я вовсе не магичка, не волшебница и не колдунья. Тотлант, ты же старый друг нашей семьи! Ты должен разобраться! Смотри!

Она потянула руку к карману и извлекла большой красный камень, обрамленный в ажурное кольцо. Золотая цепочка. Оправа имела вид золотого дракона, свившегося в кольцо.

Я, едва увидев сокровище госпожи Долианы, долго не думал. Я просто упал в обморок.

И так будет с каждым волшебником, кто посмотрит на источник Алого Сияния.

Если он не окажется подготовлен к столь неожиданной встрече.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дневник Халька Юсдаля – I «По дороге в Бельверус»

**Рамсбекк, крепость на границе Немедии, Аквилонии и Офира.
5 день Второй весенней луны.**

Всем известно, что знаменитая Дорога Королей, начинаясь возле стен Мессантии Аргосской, вначале направляет путешественника на полночь, к столице Аквилонии, затем поворачивает на полуденный восход и выводит к одному из самых удивительных городу Заката – Рамсбекку.

Рамсбекк уникален тем, что за последние столетия не менее двух десятков раз переходил из одного подданства в другое, попеременно бывая владением Аквилонии, Немедии, Офира и снова Аквилонии... Два десятилетия назад, в соответствии с Шамарским уложением о проведении и обозначении рубежей стран Заката город передали в вечное владение Трона Дракона. Но самое смешное в том, что Рамсбекк изначально был построен четвертой стороной, а именно Кофом, когда кофийский король Альданус Великолепный распространил свое влияние на половину материка. Так и вышло, что внутри стен Рамсбекка диковинно сплелись приметы четырех культур – немедийская строгость, офирская пышность, кофийская воинственность и авкилонская беспорядочность.

Герб у Рамсбекка четверочастный: щит разделен на равные четверти, в каждой из которых расположен символ одной из стран, некогда владевшей городком. Лев, дракон, корона и рыцарь с обнаженным мечом вполне мирно соседствуют на эмблеме, равно как и обитатели Рамсбекка, говорящие на своем собственном, непохожим ни на какой другой диалекте, созданном из четырех языков.

Но так или иначе, абсолютной властью здесь обладает корона Немедии, на улицах виднеются многочисленные черно-бело-багровые знамена Трона Дракона, стража облачена в темно-синие одеяния (в отличие от Аквилонии, где Конан ввел зеленовато-болотную форму для городских стражников), а вывески лавок расписаны угловатым немедийским алфавитом.

Спрашивается, что я здесь делаю? Я, Хальк, барон Юсдаль Гандерландский, личный библиотекарь и летописец Его величества Конана Канах, моя светлость – ибо так положено именовать тайного советника короля – моя честь, моя милость и моя высокородность? Ответ: моя высочайшая персона сопровождает персону еще более высочайшую, а именно – светлейшего герцога Пуантенского Просперо, совсем недавно унаследовавшего от скончавшегося прошлой осенью дядюшки все титулы, гербы и почести, «первейшего дворянина после короля», как в настоящее время именуется его положение. Не спорю, старик Троцero был верным другом и помощником короля Конана, но увы, его жизненный путь столь безвременно оборвался, позволив наконец блистательному племяннику стать вторым человеком в государстве.

Вот он едет. Черный бархат колета, такой же черный плащ, расшитый золотой нитью, взгляд ну настолько величественный, что тошно становится, над головой ихней светлости весело хлопает на ветру темно-синее знамя с пуантенскими леопардами, длань утверждена на посеребренной рукояти меча... Словом, иной король позавидует. Рамсбекку

Кстати, о королях. Кто это там тащится в последних рядах торжественного кортежа, как всегда вываливаясь из общего ряда и сварливо препираясь с каким-то гвардейцем из Черных Драконов? Прелюбопытная картина – теперь в свите его светлости герцога Пуантенского (равно как и в свите самого короля Конана) ради лишней экзотики и пущей красоты наличествуют – о ужас! – самые настоящие горцы. Так называемая «Дикая сотня», хотя на мой просвещенный взгляд, слово «дикая» здесь можно запросто переменить на «одичавшая». Конан около года назад решил создать еще один отряд личной гвардии, набрав туда – вы не поверите!.. – горских варваров из провинции Темра и даже десяток киммерийцев, по каким-то причинам покинувших свою полуночную родину. Таким образом, Конан выделил в сопровождение Просперо два десятка живописных варваров, облаченных в чудовищные одеяния, именуемые ими «фейл-брекенами» – неприличествующая для мужчины клетчатая юбка и длиннющий, соответственно клетчатый, плед намотанный по талии и переброшенный через левое плечо. Добавим к общей картине заплетенные косички, огромные мечи за спинами, отталкивающие рожи в шрамах и синяках (кулачные забавы – любимое развлечение нашей «Дикой сотни») и непринужденные манеры. Когда эти лохматые монстры проезжают по улицам, дети начинают плакать, женщины прячут лица, мужчины хватаются за ножи, а хозяева питейных заведений немедля закрывают двери, опасаясь погромов.

Конан посчитал, что столь диковинное (во всех смыслах данного слова) дополнение к гвардии вызовет зависть у соседних монархов и был абсолютно прав – королева Чабела Зингарская, близкая подруга Конана, уже завела в Кордаве схожий отряд головорезов.

Так вот, о королях и их охране. Командует двумя десятками темрийцев и киммерийцев некий Бриан Майлдаф из той самой Темры, а в десятниках у него ходит высоченный черноволосый тип по имени Коннахар Гленнлах – настоящий киммерийский дикарь в багрово-черном пледе. Месьор Коннахар являет собой большую ходячую неприятность: десятник грубит командиру, посмеивается над герцогом Просперо, которого именует не иначе как «гусаком» и утверждает, что Пуантену давно пора сменить гербовое животное с леопарда на означенного гусака, таскает у меня вино, на привалах играет в кости и, разумеется, жульничает, а уж про его поведение в крупных городах, где человеку доступны любые развлечения и удовольствия, лучше не говорить. Мы выехали из Тарантии четыре дня назад и за это время его светлости герцогу приходилось трижды заступаться перед местными властями за буйного Коннахара, учинявшего безобразия в кабаках, и один раз даже выкупать из тюрьмы (это случилось в Шамаре, который мы проезжали позавчера) за попытку убийства. Десятника в кои-то веки обжулили при игре в зернь, а он, разумеется, возмутился.

Вроде не мальчик уже, человек в годах. Совсем недавно отпраздновал сорокапятилетие, а ведет себя как последний болван.

Раскрою великий секрет: под именем Коннахара из Гленнлаха скрывается ни кто иной, как его королевское величество, государь и владетель Аквилонии, великий герцог Пуантенский, Танасульский и Боссонский, владетель Таурана, Гандерланда и Атрены, также и господин всех земель Заката и Полуночи Конан I Канах, коему наконец-то позволено хоть немного отдохнуть от скучных обязанностей, налагаемых на него титулом и положением. Вот он и резвится, поражая мирных поселян варварскими манерами и легкостью поведения.

Приглашение на коронацию принца Тараска, ставшего законным королем Немедии,

пришло в Тарантию на имя Конана, его звали на торжественную церемонию именно как короля, но варвар решил отправить в Бельверус своего личного представителя, герцога Просперо, и учинил дурацкий спектакль с переодеваниями. Разумеется, вся свита Просперо (замечу, состоящая из самых проверенных и верных людей) знает, что десятник Коннахар отнюдь таковым десятником не является. Однако Конан строго-настрого запретил даже думать о том, что он король. Коннахар – только Коннахар и никто больше! Просперо немедленно воспользовался таким положением дел и после вызволения «десятника» из шамарской тюрьмы устроил ему громкую выволочку. Конан стоял, слушал, весьма натурально краснел и клялся всеми богами, что больше такого не повторится.

Комедианты!

Короче говоря, Просперо со свитой общим количеством шестьдесят дворян и военных (исключая лошадей, повозки с подарками Тараску и слуг) направляется в столицу Немедийского королевства, дабы выразить от имени Трона Льва всемерное почтение любезным соседям и зачлятым друзьям. Только что мы миновали аквилонскую границу, предъявили монаршие подорожные стражам рубежей Немедии и въехали в Рамсбекк.

Судя по всему, ночевать предстояло в аквилонском квартале городка, а именно – в пышном здании торговой ратуши, выстроенном на средства наших купцов. Управителя гильдии заблаговременно оповестили о прибытии важных государственных персон (Просперо, два его помощника, капитан гвардии Черных Драконов Вилькон) и посему апартаменты наверняка подготовлены. Вместе с Просперо останутся его телохранители и несколько офицеров, остальных же предполагается расселить в ближайших домах. Из этого следует, что Конан-Коннахар сегодня опять устроит дружескую вечеринку в каком-нибудь постоялом дворе и снова огребет полную меру неприятностей и простецких приключений, столь милых его сердцу.

Как персона, приближенная к трону и вообще почти что великая, я ехал во втором ряду кортежа вслед за его пуантенской светлостью – положение обязывает. Все-таки тайный советник! Тяжелая шапка из меха черно-бурой лисы давила на голову, шею отягощали цепь с орденом-гербом Большого Льва (драгоценную побрякушку мне высочайше пожаловали после событий Полуночной Грозы) и собственно баронская цепь с эмблемой семьи Юсдаль. Добавьте к этому церемониальный плащ, одежду и оружие. Удивительно, почему лошадь до сих пор не сломала спину, таская на себе эдакую тяжесть? Просперо заставил всех свитских облачиться в эти чудовищные ризы, дабы придать высочайшему посольству надлежащий блеск. Тут невольно позавидуешь Конану и его приятелям – две рубахи, нижняя и теплая поверх, да шерстяной плед, которым обтягиваются бедра, а оконечье набрасывается на левое плечо. Тепло и просто. Все-таки в горской одежде есть свое удобство.

Замечу, что Конан направляется в Бельверус отнюдь не ради собственного удовольствия. В Аквилонии хватает своих трудностей, но сейчас, в отсутствие Конана и Просперо, государством управляет великий канцлер, герцог Публио Форсеца – он, несмотря на преклонный возраст, отлично справляется с делами. Конан же решил поехать в Немедию, дабы лично и негласно разобраться с крайне неприятной историей, окончившейся гибелью герцога Мораддина и его семьи.

Мораддина и Рингу Эрде я отлично помню по истории шестилетней давности, связанной с Зеленым Огнем, да и после подступившей со склонов Граскааля грозы его светлость приезжал в Тарантию. Во время войны со Страбонусом Кофийским Мораддин во многом помогал нашей армии и лично королю. Его внезапная смерть привела Конана в

необузданную ярость и по получении спешного письма из Бельверуса варвар едва не объявил войну Трону Дракона, ибо подозревал, что дело нечисто – не могут так просто уничтожить второго после короля человека! Сами подумайте, что случилось бы, если у нас в Тарантии разгромили дворец герцога Просперо и перебили его семью!

Когда мы (я, Просперо, Публио и еще некоторые близкие друзья) отговорили Конана от столь безумной затеи, он немедленно придумал новый план. Поехать в Бельверус и во всем разобраться самостоятельно. Конан понимал, что король, при визите в чужое государство, обременен множеством обязанностей и всегда находится на виду, и поэтому отправился вместе с нами инкогнито. Среди жителей Тарантии пустили слух, будто Его величество отбыл в Зингару, на Полуденное Побережье – отдыхать.

Так родился на свет «десятник Коннахар».

* * *

Вот и ратуша аквилонского квартала Рамсбекка. Приятно увидеть знакомые алые знамена с поднявшимся на дыбы львом. Тут же паслась целая компания встречающих его светлость герцога и посла – самые уважаемые купцы, отдельной кучкой собрались наши дворяне, живущие в Немедии или проезжающие через городок на родину, немедийский бургомистр с помощниками... Городская стража в почти новых мундирах выбросила мечи в положение «подвысь», а я подумал, что здешние блюстители должны понять – настало время очередной ежегодной чистки оружия. Слишком уж заметны пятна ржавчины.

На церемонии встречи я играл вторую роль. Торжество осталось на долю Просперо – герцогу преподнесли подарки, городской наместник поприветствовал его от имени Трона Дракона, немедийцы сыграли на флейтах и барабанах громкий и немелодичный марш. Засим началась привычная суэта. Лошадей – в конюшню, повозки – во двор, гостей – по комнатам... Мне отвели малюсенькую каморку с лежанкой и столом, которую в обычное время наверняка занимал скромный купеческий приказчик. Слуга принес вещи, я наконец-то переоделся в простое платье и совсем уж думал завалиться спать до ужина, как дверь распахнулась от пинка.

– Конан? – вскинулся я.

Их величество громоздились на пороге, сверкая белыми зубами и черно-красной клеткой фейл-брекена. Сейчас Конан выглядит как самый настоящий варвар, не отличишь! Волосы схвачены сзади в хвост, с висков спускаются четыре тонкие косички, по две с каждой стороны. Еще одна косичка заплетена на макушке – киммерийская традиция, так называемая «обетная косичка», которую можно расплести только при выполнении назначенного гайса. Гайс – тоже исконный варварский обычай. Обет, клятва, зарок, непременно дело, которое обязательно нужно выполнить. Конан дал себе гайс, ибо гайс назначается не другому человеку, а только самому себе: отыскать убийц герцога Мораддина и расправиться с ними. Именно поэтому в косичку вплетен маленький серебряный меч, не более пальца размером. Одним словом, живописная картина.

– Пойдем, пива попьем, что ли? – произнес Конан слова, которые я подсознательно ожидал услышать. – Тут совсем рядом есть роскошная таверна, зовется «Свинья на вертеле».

Это наши разведали – сам знаешь, киммерийцы всегда первым делом узнают, где можно хлебнуть доброго эля.

Добавлю, что кроме Конана, в двух «диких» десятках, водимых Брианом Майлдафом, числилось еще семеро киммерийцев, один из которых (кажется, его зовут Крускрайд из Бойне? Никогда не мог запомнить языколомные киммерийские имена!) даже приходился Конану отдаленным родственником по линии его матери.

– Ну, пошли, – внезапно я ощутил голод. Конечно, с самого утра ничего не кушали. – Только платишь ты.

Конан, всегда отлично ориентирующийся в незнакомых местах, провел меня по лабиринтам коридоров ратуши, попутно болтая о какой-то ерунде, мы вышли на боковую лестницу здания, я рассеянно слушал излияния варвара о его лошади, потерявшей подкову...

– Господин... А господин! Подай на еду! Не для себя прошу, а для нее!

Кто-то ухватил меня за рукав и, когда я обернулся, пришлось отшатнуться. На нижней ступеньке восхода торчал здоровеннейший, не меньше Конана, а может и больше, детина. Черная борода, ужасающе разбойная рожа и в то же время... Такой взгляд может именоваться только словом «благостный». Громадный разбойник едва не плакал, в его маленьких глазках я не заметил никакой угрозы.

– Для нее! – чернобородый ткнул пальцем в невысокую худенькую нищенку, которая, скорчившись, полулежала на ступенях поодаль. – Помирает она, господин... Надо хотя бы курочку купить. Живую.

– Пош-шел ты! – рявкнул Конан, отталкивая ногой попрошайку. Я, однако, дернул за ремешки кошелька, не глядя, нащупал пальцами монетку, подал и только потом сообразил, что одарил нищего «двойным львом», самой драгоценной аквилонской монетой из сплава платины и золота. Не отбирать же теперь?

– Спасибо, господин! – запричитал здоровяк. – Госпожа совсем больна! На такую денежку не то, что курочку, поросенка можно купить! Добрый господин! Спасибо!

Конан взял меня за шиворот и повел дальше, говоря:

– Эх, благодетель, средства казны расходуешь! Проще пропить было! Да одного Двойного льва хватит, чтобы купить кувшин отличного пуантенского вина. Видел бабу, которая была с бородачом? Страшна, как зеленый демон, но с лица вроде благородная... Наверное, из разорившихся дворян. Громила, небось, верный раб семейства. Сохранил преданность... Ненавижу все это!

– Что – «это»? – уточнил я.

– Рабскую преданность, – буркнул Конан. – Преданность, на мой взгляд, самое лучшее качество человека. Чувство рабства – самое худшее.

– Что же получится, если их смешать?

– Попрошайка-нищий с черной бородой, – невесело усмехнулся король. – И его хозяйка, которая умрет не сегодня, так завтра. Смотри!

Я посмотрел. На улочке, отмеченной по немедийским традициям не табличкой, а кованым силуэтом покровителя улицы – лара, которым в данном случае являлась охотничья собака, светилась масляными фонарями вывеска «Свинья на вертеле». Тут же прилагалось изображение свиной тушки, висящей над очагом, выполненное умелым художником. Судя по всему, богатая и уважаемая таверна.

Когда мы раскрыли дверь, перед нами воздвиглись два грандиозных человека. Иных слов и не подберешь. Каждый выше Конана на полголовы (а варвар отнюдь не является

коротышкой, скорее, наоборот).

– А-а, аквилонцы! Слуги господина посланника, – разочарованно произнес самый высокий вышибала. – Прощения просим, благородные господа, что заступили дорогу. В городе неспокойно, вот и бдим.

– Непокойно? – поинтересовался я. – В каком роде?

– В самом что ни на есть прямом, сударь, – охотно ответил вышибала. – Нежить у нас завелась. Какая-то тварь людей убивает, на части разрывая и кровь высасывая. Ни дать, ни взять, настоящий вампир или вурдалак! Вы проходите, достойные месьоры. Вот на эти стульчики присаживайтесь. Сейчас девку позову, пива принесет. Или, если хотите, к своим аквилонцам идите. Они в соседней зале.

Я машинально вытащил из кошелька серебряный сестерций и подал громиле. Тот, повинувшись жесту Конана, сгинул с глаз, попутно кликнув трактирную служанку. Мы заказали жбанчик черного эля, горячую телятину со специями и стали ждать.

– Не выходит у меня из головы эта нищенка, – вдруг поморщился Конан. – Хальк, ты же знаешь, память у меня неплохая... У женщины половина лица была прикрыта тряпьем, но... Такое чувство, что она мне знакома!

– Мало ли у тебя знакомых, – я безразлично пожал плечами. – Привет из прошлого? Может быть, ты встречал ее лет пятнадцать назад, когда она выглядела получше?

– Нет, позже, гораздо позже, – сказал Конан, морща лоб. – Совсем недавно. Год, два назад... Но где? Ладно, плевать! Глянь, какой замечательный эль! Только что сварен! А плотный какой! В таком эле даже Бриан Майлдаф не утонет, хоть и скуден разумом! Ну что, выпьем за удачное посольство герцога Просперо?

И мы выпили. Однако, если бы я знал, какая веселая ночь нам предстоит, ни за что бы не стал пить хмельного.

* * *

Я уже похвастался всеми своими титулами и чинами – тайный советник, библиотекарь, кавалер ордена Большого Льва и так далее... Но при внешнем великолепии мое жалование «государственного человека» составляет лишь полтора кесария в день. Соответственно, за один лунный месяц (то бишь за двадцать девять дней, включая праздники) казна выделяет моей персоне сорок три кесария. Вычтем налог и получим ровно четыре десятка золотых монет с вензелем «КК» – «Конан Канах» – которые нужно добывать с боем, скандалом и угрозами немедленной отставки. Полагаю, всем известно скупердяйство канцлера Публио: на свое ведомство он денег не жалеет, но, когда видит умирающего с голода библиотекаря, немедленно становится неимоверно прижимистым. Конечно, меня во дворце кормят, поят, одевают и бесплатно развлекают за счет казны, но это отнюдь не возмещает угнетающего чувства постоянного безденежья. Именно поэтому сегодняшним вечером я пил за счет короля: с Конана не убудет, это во-первых, а во-вторых, я и так чересчур разорился, бросив нищему целого Двойного льва!

– Х-хальк, п-пойдем гулять?

Это сказал Конан, поглотивший два с половиной жбанчика темного эля. Короля слегка

развезло, взгляд стал мутным, а речь невнятной. Старее он, что ли? Или просто устал?

– Нет-нет, никаких гулянок, – поспешно отказался я. Ночные прогулки с Конаном, знаете ли, чреваты. Потасовка с уличной стражей и громкая попойка в дешевом борделе – лишь самое меньшее из предполагаемых приключений.

На колокольне ратуши совсем недавно отбили полночь. Мы отлично поужинали и даже умудрились напиться, хотя для последнего действия много ума не нужно. Конан дошел до той легкомысленной стадии опьянения, когда его начинает тянуть на авантюры, причем на авантюры откровенно дурацкие. Например, сейчас ему взбрело в голову всенепременно забраться на ратушную башню и громко позвонить в колокол. Пускай горожане удивятся: этой ночью полночь случилась два раза!

В «Свинью на вертеле» заходили последние, запоздавшие гости – немедийская стража и ночные работники вроде пекарских подмастерьев: к рассвету каждый житель Рамсбекка должен купить свежий хлеб. Они проходили к стойке хозяина, заказывали пиво, вино или горячую настойку на травах, с любопытством посматривали на облаченного в фейл-брекен Конана (даже в столь пестром городке, как Рамсбекк, горские дикари остаются живой редкостью), мирно усаживались за столы и беседовали о делах. Обычная таверна, обычные посетители. Толстая кошка светло-рыжей масти бродит между столами. Благолепие.

Кошка вдруг выгнула спину и зашипела. Причина для такого поведения у неразумного животного имелась – дверь распахнули пинком, на пороге «Свиньи на вертеле» образовался человеческий силуэт, а мое обостренное обоняние ощутило явственный запах свежей крови.

Силуэт по внимательном рассмотрении обернулся довольно-таки рослым немедийцем в белой форме таможенной управы Трона Дракона. Белоснежный, с иголки, колет щедро испятнали мокрые багровые разводы. Действительно, настоящая кровь! Драка на ножах, что ли, случилась? Не может быть! Сейчас, когда в городе остановилось посольство аквилонского короля, Рамсбекк охраняется с двойной тщательностью. На улицах не протолкнуться от стражи.

– Чудовище! – взвыл окровавленный. – Помогите! Быстрее же!

Конан всегда являлся человеком практическим и потому, подавшись чуть вперед, громко спросил:

– Где?

– Не вмешивайся, – поморщился я. – Откуда здесь взяться чудовищу? Мы ведь не в горах Иранистана и не в стигийском склепе! Сиди и пей!

Немедиец продолжал орать – мол, в соседнем доме случилось жуткое убийство. Там засел настоящий вампир! Да что вампир, хуже! Каттакан, не иначе!

Конан отстранил мою руку, поднялся и направился к выходу. Оставалось лишь поспешать за ним. Не бросать же короля в опасности? Две офицеров стражи, сидевшие в таверне, с ворчанием отправились вслед, какой-то молодой черноволосый парень, весь вечер молчаливо потягивавший красное вино, тоже внял паническим призывам и поднялся из-за стола. Когда мы вышли на улицу, выяснилось, что компания охотников на монстра теперь составляется из шестерых вооруженных и полупьяных мужчин. Служащий таможенной управы, не громко переставая паниковать, бегом направился к соседнему строению – двухэтажному кирпичному домику с вывеской «Шорная торговля. Седла и упряжь». В окнах первого этажа мелькал свет, оттуда доносились встревоженные голоса и чей-то низкий, угрожающий рев, смахивающий на медвежий.

Ворвавшись в дом, мы застали прелюбопытную картину. Конан аж рот раскрыл. Тот

самый нищий, которого я совсем недавно одарил Двойным львом, стоял перед лестницей, ведущей на второй этаж, и неразборчиво голосил, вертя над головой тяжеленный кузнечный молот. Патруль стражи, явившийся на зов хозяев, теснился у нижних ступенек, даже не пытаясь приблизиться к высоченному громиле в лохмотьях. Он выглядел не просто опасным, а буквально звероподобным – щерил зубы, выкрикивая проклятия, топтал ножищами и вообще представлял из себя живое воплощение аллегории Ярости.

– Это и есть ваше чудовище? – осведомился Конан, преспокойно разглядывая бородачу. – Да, страшен и преужасен.

Таможенник молча ткнул пальцем в дальний угол комнаты. Мы посмотрели.

Давненько я не видел ничего подобного. Буквально с тех самых времен, когда два года назад путешествовал в Халогу Гиперборейскую и любопытства ради отправился на арену, где дрались гладиаторы-смертники. Тогда на моих глазах горный барс разорвал в клочья троих бойцов. Выглядели они примерно также.

Тело валявшегося на полу человека расплосовали длинными глубокими ранами, какие можно нанести только когтями дикого животного, шея разодрана до такой степени, что голова кажется оторванной... А кровищи! Даже не лужа, целое небольшое море темно-багрового цвета.

– Это не он! – выдавил один из стражников, почему-то указывая на бородатого нищего. – Это сделала... женщина!

– Женщина? – поразился Конан. – Как же ее, беднягу, надо было довести! Кстати, куда она делась?

– Прячется на верхнем этаже! – проорал десятник стражи. – Сумасшедшая тварь! И этот мерзавец такой же спятивший! Он нас не пускает!

– Ах, значит, не пускает? – кивнул варвар. – Ну-ка, пропустите... Посторонись!

Конан легким хищным шагом подошел к лестнице, ловко увернулся от удара молота, расщепившего деревянные перила, и, даже не используя клинок, сбил бородатого с ног – потребовался всего один точный удар кулаком в кадык.

– За мной! – скомандовал варвар в ответ на уважительные взгляды немедийцев. – Этого типа свяжите покрепче!

Конан победоносно глянул на меня, ярко выражая взглядом следующую мысль: «Вот тебе и приключение! Ура!»

Мы всей толпой ринулись наверх. Двое стражей в темно-синей одежде остались связывать бородатого здоровяка.

За дверью обнаружился длиннющий коридор, проходивший через весь второй этаж. Две осторожно обследованные нами спальни оказались пустыми, если не считать свежих кровавых следов и перевернутой мебели, а вот за третьей дверью...

Это существо сидело над трупом хозяина шорной лавки и лакало кровь, вытекающую из жилы на шее. Да, именно лакало. Причмокивало, урчало и вообще выглядело донельзя счастливым. Услышав наши шаги, подняло голову и громко зашипело, оскалив изогнутые клыки.

– Нищенка, – ошеломленно протянул Конан, застыв на пороге. – Та самая!

– Убить мерзавку! – решительно взревел десятник, не собираясь, однако, являть пример доблести и первым соваться в пропитанную запахом смерти комнату. Чудовищное создание потеряло к нам интерес и вернулось к прерванной трапезе. Кто-то из стражников забормотал молитву, взывая к Митре и убедительно Солнцезарного прося испепелить это порождение

Сета.

Немедийца внезапно отстранили. Тот самый парнишка, пришедший вместе с нами из таверны, и выглядевший от силы лет на двадцать-двадцать пять, с легкостью отодвинул стража, оттолкнул Конана, вгляделся в женщину, не обращающую на нас никакого внимания, после чего обернулся и невозмутимо потребовал:

– Уходите. Она слишком опасна.

– Куда «уходите»? – взъярился десятник. – Она умом тронутая! Клыки видишь? Это же вампир! Ее надо прикончить, пока не сбежала!

– Уходите обратно в трактир, – ласково повторил темноволосый, произнося слова с заметным раскатыванием согласных звуков, как говорят на Полудне, и изучающе покосился на Конана. – Ты, киммериец, можешь остаться. Прочие – уходите. Вы ничего не видели.

Он быстро отмахнул рукой, вычертив в воздухе какой-то знак. Стражники, к моему вящему удивлению, слаженно развернулись, приобретя спокойно-безразличный вид и, не говоря ни слова, удалились, едва ли не печатая шаг.

Немыслимо! Мысленное внушение! Кто такой этот парнишка?

А мы с Конаном остались. В обществе поврежденной разумом нищенки и странноватого юноши в черно-зеленой одежде жителя Полуденного Побережья.

– Как это понимать? – осведомился Конан, озадаченно глядя то на взъерошенную женщину, старательно облизывавшую окровавленные пальцы, то на чрезвычайно расстроенного зингарца. – Только не говори, что это твоя подружка! И вообще, почему ты решил, что я киммериец?

– Наряд, – темноволосый парень ткнул пальцем в фейл-брекен Конана. – Люблю варваров – они такие незамысловатые... И почти ничего не боятся. Поэтому я тебя и не отослал. Твой друг похож на лекаря (зингарец кивнул в мою сторону). Производит впечатление человека умного и не подверженного глупой панике.

– Впечатление совершенно ошибочное, – пробормотал я, зачарованно глядя в черные с золотистыми искрами глаза зингарца. С какой стати я решил, что этот человек юн? Он наверняка моего возраста, то есть лет тридцати, а обманчивое впечатление молодости возникает из-за хрупкого сложения и невысокого роста! – Что ты собираешься делать с этой... этой дамой?

– Усыплю, – кратко отозвался новый знакомец. – До этого времени даже не думайте подойти к ней – убьет.

– Да что здесь происходит?! – возмущенно рявкнул Конан. – Кто она такая? И что ты здесь делаешь? Ничего не пойму!

– Она – моя сестра.

– А ты в таком случае кто?

– Ее брат, – вполне справедливо ответил зингарец и улыбнулся. Я онемел, когда увидел мимолетно сверкнувшие зубы молодого человека – четыре тонких острых клыка. Гуль! Рабирийский гуль! Вот влипли!

– Митра Всевидящий! – Конан схватился за голову. – Хальк, я ее узнал! Ринга! Провалиться мне на этом месте! Ринга, герцогиня Эрде, жена Мораддина! Невероятно! Этого просто не может быть! Хальк, держи меня крепче, упаду!

– Не надо никуда падать, – преспокойно ответил зингарец. – Если судить по твоим восклицаниям, ты знаком с моей сестрой? Отлично, это намного упрощает дело. Возьмите веревку, ее придется связать. Да, странствие по дорогам прошлого порой заводит в

неожиданные дебри... Варвар, очнись! Я, кажется, велел принести веревку!

* * *

Отнюдь не следует считать рабирийских гулей чудовищами и исчадиями Нижней Сферы. Гуль очень схож с человеком, единственным исключением являются клыки, украшающие верхнюю и нижнюю челюсти, да острейшие когти, втягивающиеся в ногтевое ложе наподобие коготков кошки. Гули, называющие себя «Детьми Ночи» или «Бегущими в ночи» – «Гвиллион», являются одной из древнейших разумных рас, обитающих на нашем материке. Они старше людей, старше оборотней и даже гномов, но, увы, к вящему сожалению ученых мужей, никто в точности не знает (кроме самих гулей, разумеется) откуда они взялись и почему стали такими, какие они есть. Обитают гули в Рабирийских горах, своеобразном маленьком государстве, занимающим часть территории Зингары на полуночном восходе этой прибрежной страны.

Как человек начитанный и любознательный, я в течение нескольких лет пытался выяснить хоть какие-нибудь подробности о таинственной жизни на правобережье Хорота, однако не преуспел – гули надежно хранят свои тайны. Единственным же представителем этого странного племени, с которым я познакомился, до последнего времени была и оставалась Ринга, герцогиня Эрде.

Не знаю, когда она покинула Рабиры и по какой причине избрала жизнь среди людей. Представления не имею, сколько ей лет, хотя догадываюсь, что госпожа Ринга давным-давно отметила свое столетие – гули живут в пять или шесть раз дольше людей. Могу только догадываться, каким образом дитя чужой расы смогло достичь высочайшего положения и встать рядом с тронем одной из блистательных стран Заката. Говоря по правде, я не знаю о ней почти ничего.

Но уверен, что никогда не встречал и не встречу более умной, красивой, своеобразной и более трезвомыслящей женщины, чем она.

Во многом благодаря госпоже Ринге мы выдержали испытания Полуночной Грозы шесть лет назад. В коротких дневниковых записях невозможно перечислить ее заслуги, ибо для того потребовалось бы написание десятка томов. Она удостоилась всех известных орденов Немедии (а орден Чести почитает своим личным проклятием, ибо Ринга получила не менее четырех таких наград в виде огромного рубина, обрамленного платиной), а Конан одарил госпожу Эрде «Большим Львом», кавалерами которого по статуту ордена числятся всего две дюжины людей. Кстати, ныне орденом Большого Льва награждены только я сам, Ринга и ее муж, Мораддин, герцог Просперо, великий канцлер и Конан. Варвар, как человек непринужденный, наградил сам себя после недавно отгремевшей Кофийской войны.

И вот теперь блистательная герцогиня, лучший работник тайной службы Немедии, неоднократно спасавшая трон, мир и покой своей страны, Ринга, некогда одна из самых влиятельных персон двора короля Нимеда, валяется связанная в моей комнатухе, а над ней сидят четверо мужчин и раздумывают, как поступать дальше с ее светлостью. Ринга, изо рта которой торчит кляп из свернутой столовой скатерти, косит на нас злобными желто-кариими глазами, явно не узнавая, и изо всех сил пытается освободиться.

– И кто мне ответит, каким образом моя дражайшая, хотя на редкость взбалмошная сестрица превратилась в животное? – мрачно вопрошал не то у нас, не то у себя самого молодой человек, представившийся братом Ринги. – Ума не приложу, как теперь выковыривать из ее головы это невероятное безумие?

Парень с некоторой высокомерностью именовал себя Рейениром Морадо да Кадена. Имя звучало на зингарский лад, а я припомнил, что да Кадена – одно из старинных семейств Полуденного Побережья. Однако Конан нахмурился и попросил представиться покороче.

Покороче вышло так – Рейе, сын Драго. Сын того самого Драго, легендарного вождя рабирийских гулей... В какие интересные времена мы живем и какие невероятные встречи приготавливает нам злодейка-судьба!

– Давайте разберемся по порядку, – рассудительно сказал Конан, хмуро поглядывая на Рингу, старавшуюся вытолкнуть кляп изо рта. – Откуда она здесь появилась? В Тарантию пришло сообщение, что герцог и герцогиня Эрде погибли! И вдруг я встречаю свою старую подругу в немедийской глуши, на границе трех государств, да еще узнаю, что в городе несколько дней орудует безжалостный убийца, каковой, бесспорно, и есть Ринга. В довершение появляешься ты, Рейе... По-моему, в маленьком Рамсбекке скопилось чересчур много гулей, вам не кажется?

– Кажется, – согласился я. – Давайте для начала лучше выслушаем месьора Клейна.

Означенный месьор Клейн и был тем самым громилой с рожей каторжника и узловатыми ручищами кузнеца, что размахивал молотом на лестнице дома шорника. Мне и Конану вкуче с братом Ринги пришлось его вытаскивать из неприятностей, которые, само собой, не замедлили воспоследовать после убийства семьи шорника повредившейся умом госпожой Эрде. Во многом нам помог гуль – у рабирийского племени есть врожденная способность к мысленному внушению. Рейе отвлекал стражу, пока Конан выносил из дома завернутое в покрывало тело Ринги, а я тащил за собой бородача – последний был не то телохранителем, не то слугой спятившей герцогини.

– Клейн? – я потеребил бородастого за рукав грязной рубахи. – Рассказывай! Как вы оказались на границе? Почему пришли в Рамсбекк? Говори!

– Чего говорить, господин? – угрюмо прогудел разбойник. – Их светлость герцог, когда жена умом повредила, приставил меня за госпожой присматривать. Она, конечно, опасная, но не вредная. Не капризничает, ест, что дают. Меня никогда и пальцем не тронула. Только ей каждый день свежая кровушка нужна. Теперь совсем плохо стало, раньше-то я госпоже Ринге поросят да курей покупал...

– Сумеречное безумие, – неохотно проговорил Рейе, отвечая на наши настойчиво вопрошающие взгляды. – Такое бывает у нашего народа. Переизбыток эмоций и чувств, слишком много тревог и страхов... Болезнь сумерек крайне опасна и почти неизлечима. В гуле просыпается древняя Тьма, частица которой заключена в каждом из нас – великое проклятие, наложенное на наших предков, служивших Роте-Всаднику, величайшему и несчастливейшему среди божеств Полуночи.

– Очень познавательно, – фыркнул Конан. – Рота-Всадник, крепость Трех Вулканов... Ты говоришь о невообразимой древности! Как можно увязать безумие Ринги и какого-то Роту, сгинувшего десять тысяч лет назад?!

– Не десять, а восемь с половиной, – дотошно поправил Рейе. – Крепость же у трех вулканов звалась Астахэнна... Вы, люди, никогда не даете себе труда разобраться в истинности минувшего. Ладно, это неважно. Мы говорим о Ринге, – гуль осторожно

поправил голову сестры, немедля попытавшейся укусить его за палец, чему помешала затычка во рту, и обратился к Клейну: – Значит, ты утверждаешь, что госпожа начала сходить с ума этой зимой?

– Истинно так, господин, – ответил бородатый. – Ее долго искали, ловили. Госпожа бегала по непотребным заведениям, любила, простите за выражение, со всяким встречным-поперечным, потом убивала... Почти тридцатью жизнями совесть отяготила, и это не считая бедолаг, которые попались ей на глаза по дороге от Бельверуса. Едва мы из столицы ушли...

– Как ушли, когда, при каких обстоятельствах? – напряженно перебил Конан. – Куда вы направлялись?

– Госпожа твердила – в Аквилонию, в Аквилонию, – простецки ответил Клейн. – Я что, человек маленький. Ихняя светлость приказал оберегать хозяйку – я и оберегаю. Дом сгорел, мы по подземному ходу ушли. Вовремя в подвал кинулись, потому и не погибли. Едва выбрались наружу, госпожа указала пальцем на закат и начала твердить: «В Аквилонию!». Я госпожу послушался, повел самой безопасной дорогой. А как путешествовать без денег? Воровал, само собой, попрошайничал. Стыд один. Хорошо хоть госпожа сама себя прокармливает...

Рейе скривился:

– Какой позор... Отцу рассказать – не поверит! Гуль никогда не убивает человека ради пищи, мы предполагаем, что употребление крови смертных – божественный ритуал...

– Счас дам кулаком в лоб – будет тебе ритуал! – пригрозил Конан. – Кровопийцы! Еще раз упомянешь о подобном – своими руками прирежу!

Гуль оскорбился и высокомерно промолчал.

– Все умерли! – тоскливо вещал Клейн. – Господин Эрде, дочка с сыном... Госпожа чувствует, что родная кровь пролилась и безумствует все больше. Словно мстит человеческому роду. Только меня не трогает. Да я бы на ее месте взял меч и зарубил каждого, кто на пути встанет! Еще бы – всю семью потерять!

Из этого долгого сбивчивого рассказа мы извлекли слишком мало полезных сведений, проливающих свет на недавние события в Бельверусе. Туповатый Клейн не смог ответить на вопрос, кто напал на дом хозяина, сумел ли выжить еще кто-нибудь, кроме Ринги, и что вообще происходит в Немедии – в конце концов, никакие мятежи и бунты не вспыхивают без причин. Самое смешное, что Клейн даже не знал о гибели королевской семьи, ему это было просто неинтересно. Задача Клейна – охранять госпожу, чем он старательно и занимался вплоть до нынешнего вечера.

– Может быть, поспрашивать саму Рингу? – неуверенно предположил Конан, посмотрев на Рейе. – Смотрите, она вроде бы успокоилась...

– Кляп будешь вынимать ты, варвар, – ответил гуль. – И попрошу не жаловаться, если останешься без пальцев.

– Почему ты называешь меня варваром? – осведомился Конан. – Мы же совсем не знакомы! Вдруг я переодетый аквилонский дворянин?

– Посмотри на свое отражение в зеркале, – Рейе ухмыльнулся, не разжимая губ. – Ты-то, может быть, и переодетый дворянин, но длинная череда твоих предков оставляет за спиной столетия беспросветного варварства. Одна одежда чего стоит! Не понимаю, как можно таскать эти жуткие неудобные тряпки! А какой мужчина заплетает косички во исполнение обетов? Одного не могу понять – ты из Темры или свалился прямиком со скал Эйглофиата?

А может быть, из Нордейхма?

– Но-но! – Конан пригрозил гулю кулаком. – Еще раз назовешь меня нордлингом – лишишься клыков и всю оставшуюся жизнь будешь тянуть кровушку через тростниковую трубочку. Надо же, не уметь отличить киммерийца чистейших благородных кровей от какого-то провонявшего сыром скудоумного асира или тугодумного ванира!

– На наш взгляд вы все одинаковы, – вздохнул Рейе и нагнулся над Рингой. – Кстати, в суматохе мы толком и не представились, а этикет обязывает. Ты знаешь слово «этикет»?

– Я еще много других полезных слов знаю, – хохотнул Конан. – Ладно, вот тебе этикет: Конан Аквилонский из Канахов, король Трона Льва. Доволен?

– М-да... Однако... – вот теперь гуля проняло и он воззрился на Конана с безмерным удивлением. Правда, мысли пораженного обитателя Рабиров немедленно направились в противоположную от почтительного чувства сторону: – До чего докатилась цивилизация Заката, подумать страшно. Аквилонией правят варвары! Конечно, до нас, рабирийцев, доходили слухи о новом правителе Тарантии, но я никак не мог предложить, что это будет выглядеть так... экзотично.

– Я всегда подозревал, что любого гуля кровью не пои, дай только гадость сказать! – огорченно проворчал Конан. – Ринга всегда была такой же. Узнаю манеры. Чего сидишь, вытаскивай кляп, нелюдь! Попробуем поговорить с ее светлостью герцогиней. А ты, Клейн, спустись вниз и поставь на огонь большой чан с водой. Госпожу надо хоть немножко отмыть, а то от нее разит, будто от сотни варваров... кхм.

Рейе одной рукой, надавив на лоб Ринге, прижал ее голову к полу, а второй выхватил свернутую в тугой комок льняную ткань. И едва не поплатился – Ринга все-таки успела дернуться и щелкнуть своими острейшими клычками в полудюйме от ладони брата.

– Совсем одичала в людском обществе, – бросил Рейе, пожав плечами. – Ну-с, возлюбленная сестрица, посмотри-ка на меня внимательнее! Кого ты видишь? Ринга, не вертись! Можешь хоть несколько мгновений полежать спокойно?

Рейе доверительно посмотрел на меня и на Конана, и громко прошептал:

– Это разбойница всегда была настоящим проклятием нашей семьи! Ринга, ты меня узнаешь?

– Отец? – наконец проворковала герцогиня, по-птичьи искоса Рейе. – Драго, Драго, Драго – дитя лесных тропинок и поющих звезд над соснами... Здравствуй, Драго. А-а, здесь еще и аквилонец? Какой ты, однако, клетчатый сегодня...

Конан гордо поправил длинный отрез пледа, закрепленный на плече фибулой, и вопрошающе воззрился на Рейе. Тот лишь руками развел. Видимо, сам ничего не понимал.

– Я не Драго, сестричка. Я Рейенир. Помнишь такого?

– Рейенир, Драго – какая, в сущности, разница? Вы все утонете в красном омуте. Я уже утонула. Лежу себе на дне... Я давно умерла, только никто не догадывается положить меня на погребальный костер, чтобы ветер разнес пепел по залитым красным огнем землям... Здравствуй, Драго, здравствуй. Как поживает Рейенир?

– Что она несет? – прямо спросил Конан, а гуль лишь возвел очи горе.

– Она решила, что я – наш отец. Конечно, определенное семейное сходство имеется... Похоже, ничего толкового мы от Ринги не услышим. Придется снова рот затыкать.

– Так затыкай! – воскликнул Конан. – Между прочим, благородные месьоры, никто не думал о том, что нам следует делать дальше с ее кусачей светлостью? Вы же сами должны понять, отпускать Рингу на свободу категорически не стоит! Она опять начнет убивать, а

рано или поздно погибнет сама. А уж о том, сколько чужих жизней положит, я и думать не хочу. Рейе, какие будут соображения?

– Соображения просты, – немедля ответил гуль. – Эту сумасшедшую нужно немедленно вывезти куда-нибудь подальше от людей.

– Как – подальше? – не понял Конан. – Спрятать в лесу, в горах?

– Именно в горах. В Рабирийских, – сказал Рейе. – Я, дорогие друзья, как раз и ехал в Немедию, чтобы вытащить сестренку из неприятностей. Впрочем, это только мое дело. Но если уж вы знакомы с Рингой и хотите ей помочь – помогите мне. Нужен фургон, беспрепятственный проезд по землям Аквилонии до Зингары... Охрана не требуется, я в силах постоять и сам за себя, и за сестру. Вдобавок я возьму с собой этого бородатого дуболома, Клейна.

– Устроить подорожную и фургон я смогу, – ответил Конан. – Все бумаги Просперо подпишет завтра утром. Кроме того, герцогу будет неприятно узнать о том, что Ринга... заболела. Просперо и Ринга знакомы со времен войны в Пиктской Пуще. Если ты доставишь Рингу в Рабиры, это будет полезно и для нее, и для остальных. С тобой можно будет как-нибудь связаться?

– Можно, – кивнул Рейе. – Отсылай депеши в Ильян – это зингарская крепость на границе. Дом торговца Пратта, меха и изделия из кожи. А дальше письмо мне передадут со всей возможной быстротой... Что-то я проголодался. Как насчет ужина?

– Моих гвардейцев не трогать! – вскинулся Конан. – Немедийцев жри сколько хочешь, а наших...

– Да я вовсе не это имел в виду! – возмущенно перебил гуль. – Фу! Люди – это омерзительно! Даже на вкус! Оставим Рингу здесь, а сами пойдем на кухню. Немного вина, немного крольчатины... И давайте наконец познакомимся хоть чуточку ближе. Все-таки вы называете себя друзьями моей сестры!

ЗАМЕТКИ МЕЖДУ СТРОК

«Родственные узы – II»

Рабирийские горы, Зингара, побережье Хорота.

13 день Второй весенней луны.

Стражники и жители маленькой аргосской крепости Лерато, что стоит у начала Рабирийского тракта, еще долго строили предположения, гадая, какие сокровища могли таиться в недрах странного фургона, прибывшего со стороны аквилонской границы. Фургон, больше напомилавший вместительный ящик на колесах, тщательно обшитый жестью, сопровождали двое: разбойной внешности возница, до глаз заросший клочковатой черной бородой, и надменный молчаливый зингарец. Парочка заночевала на постоялом дворе «Речной берег», а утром отправилась дальше, к границе с Зингарой. Служащие таможенной управы, само собой, потребовали открыть повозку для подробного осмотра, но, получив щедрую мзду, намного превышающую размер пошлин, подмахнули бумаги, разрешающие владельцу повозки, некоему Рейенирсу Морадо да Кадена, продолжить путь. Кое-кто шептался, будто в фургоне перевозились средства известного торгового дома «Золотая Башня» из Кордавы, но сплетня звучала совсем уж неправдоподобно. Владельцы «Башни» вполне могли бы нанять охрану получше.

Фургон, запряженный двумя выносливыми лошадьми тауранской породы, быстро преодолел три с небольшим лиги, после чего свернул за указывавшим путь всадником на неприметный проселок и углубился в лес. Там возница произвел еще более удивительный маневр, загнав повозку в ложе мелкой, быстрой реки и таким образом проехав еще с поллиги. Достигнув галечной отмели, всадник и восседавший на передке фургона чернобородый разбойник посоветовались, сочли, что приняли все меры для заметания следов, вывели повозку на берег и покатали через холмы – где по едва различимым тропам, где напрямую.

Рейе имел основания гордиться собой – он благополучно добрался до дома, нигде не вызывая подозрений и предотвратив ровно четыре попытки сестры удрасть. Ринга всегда отличалась упрямством, и даже сейчас, когда ее везли к возможному спасению, настойчиво старалась улизнуть. Рейе и Клейн каждый вечер запускали к ней в фургон пяток куриц или поросенка, но Ринга желала иного. Ей хотелось охотиться и настигать добычу, вновь и вновь ощущая вкус солонатовой человеческой крови. Сумеречное безумие глубоко запустило свои корни в ее без того измученную душу, сплетя там густую, непроницаемую паутину. Ринга не узнавала брата и больше не разговаривала. Чаще всего она сидела в дальнем углу фургона, завернувшись в отрез шерстяной материи, отвечая на любые обращенные к ней слова жутковатым протяжным шипением.

Не могло быть и речи о том, чтобы показать отцу и близким *такую* Рингилиан. Сначала нужно попробовать вернуть ей хоть малую каплю разума. Рейе знал, кто может сделать подобное, однако ему очень не хотелось обращаться к этому человеку – единственному, внушавшему Рейе Морадо да Кадена необъяснимое чувство тревоги.

Обдумав за время пути все возможные способы помочь сестре, Рейе с тоской понял: иного выхода нет. Отец в лучшем случае ненадолго остановит развитие безумия, отодвинув

неминуемую гибель личности Ринги и ее полное превращение в животное на год или на десятилетие. К тому же ее придется держать под постоянным надзором, чтобы она не бежала из Рабиров и снова не начала охотиться на людей.

Кроме сестры, Рейе привез из поездки множество иных поводов для беспокойства и вопросов, для решения которых ему не хватало знаний. Рейе чрезвычайно понравились друзья Ринги и он надеялся в скором времени отправиться на розыски племянницы, которая явно пошла в матушку и вознамерилась принести изрядную часть мира в жертву своей (отчасти вполне оправданной...) мести. Для этого предприятия, хочешь – не хочешь, Рейе придется обратиться за помощью и, если удастся, взять с собой попутчика...

Лошади дружно везли подпрыгивающий и скрипевший на выбоинах фургон через светлый буковый лес. Хрустела под колесами молодая трава, выросшая за последнюю луну. Рейе, встав на стремянах, прислушивался и принюхивался, догадываясь, что многим уже известно о его возвращении. Дозорные на границах холмов наверняка заметили повозку и узнали ее сопровождающего. Йестиг, Меланталь и прочие друзья Рейе умирают от любопытства и предвкушения долгого, захватывающего рассказа о путешествии, но им придется обождать. Всем придется потерпеть, даже отцу. Сначала необходимо повидать того, кто живет возле уединенного лесного озера, хотя Рейе совершенно не хотелось туда ехать.

* * *

Озеро лежало в глубокой низине между поросшими соснами и ельником холмами. Его полуночный край медленно затягивался сплавиной из водорослей, осоки и болотных трав, а полуденный пока оставался чистым. Над спокойным водным зеркалом приютился двухэтажный дом из золотистых сосновых бревен, обложенный по основанию гранитными валунами.

Рейе махнул Клейну рукой, чтобы тот остановил фургон, и нахмурился, озираясь. Неужели ему не повезло, и хозяин ушел навестить приятелей или, что гораздо хуже, отправился в новое путешествие? Скажем, куда-нибудь на Побережье? В кузнице, расположенной над навесом на открытом воздухе, очаг погашен, дыма над желтоватой драночной крышей тоже незаметно... Хотя на краю поляны бродит, лениво пощипывая весеннюю траву, крупный жеребец редкого дымчато-пепельного окраса.

Заметив гостей, конь вскинул голову и приветственно заржал. Рейе надеялся, что ржание привлечет внимание обитателя дома, но линиялая зеленая ткань, занавешивавшая дверной проем, не шелохнулась.

– Никого нету? – понимающе спросил Клейн. В фургоне завозились и чихнули.

– Надо проверить, – Рейе неохотно слез с седла и пошел к тихому дому. Медленно поднялся по трем ступенькам, отполированным ногами многочисленных посетителей. Отодвинул занавеску, заглянул, осмотрелся. Просторная светлая комната, вытертая оленья шкура на полу, потушенный камин, высокие узкие шкафы с книгами, широченный стол, заляпанный восковыми потеками от свечей, и качающийся над ним резной кораблик, подвешенный к балкам потолка – узконосая черная сазта с парусами из золотистого шелка. Пахло сушеными травами и самую чуточку вылежавшимися пергаментами. В целом комната

напоминала обиталище многоученого философа, исповедующего мирную созерцательную жизнь на лоне природы в узком обществе любимых книг и друзей.

Рейе вслушался. Из-за расположенной в дальнем конце комнаты двери доносилось легкое шуршание и позвякивание. Гость вздохнул, откашлялся и постучал ладонью по ободверине, громко крикнув:

– Эллар! Эллар, ты дома?

Ответом послужил звон чего-то разбившегося вдребезги, треск вспыхнувшего огня и вопль досады, сменившийся настойчивым пожеланием всем любителям говорить под руку немедленно провалиться сквозь землю и обещанием незамедлительно разобраться, кто тут шастает. Рейе опасливо попятился, зная: когда хозяин дома на озере пребывает в дурном настроении, от него лучше держаться подальше. Прирожденный вспыльчивый нрав обитателя маленького дома, несмотря на прилагаемые старания и размеренное тихое существование последних лет, порой давал о себе знать.

Часто заскрипели ступени лестницы, ведущей на второй этаж. Рейе мысленно встряхнулся и сосредоточился, как перед поединком или началом опасной авантюры. Еще не поздно направить события по другой колее – выйти из дома, развернуть фургон, отправиться к отцу...

Астэллар, он же Эллар, он же Рассказчик или Учитель, обладатель множества иных имен и прозвищ (некоторые из коих звучали весьма громко, а другие давно позабылись), с приглушенным рыком ворвался в комнату, выискивая незваного гостя. Рейе невольно попятился, ткнувшись спиной в дверной косяк, и подумал, что любой, впервые столкнувшийся с Элларом, надолго запомнит эту личность и щекочущее чувство растерянного удивления, которое он вызывает. Рейе до сих пор не мог решить, как к нему относиться и посему старался избегать встреч. Если уж Драго, правитель Рабилов, и Совет разрешили Эллару поселиться здесь – пусть живет. Сие дозволение не означает, что Рейенир да Кадена, отлично знающий, кем является – или являлся когда-то – этот человек, полностью согласен с мнением своего отца или тех, кто именуется «учениками Эллара».

Владелец дома на лесном озере по повадкам частенько смахивал на отставного вояку: не то аквилонский легат на покое, не то зингарский капитан, решивший после долгих и опасных скитаний осесть на берегу. Он возвышался над невысокими жителями Рабилов на добрых три или четыре ладони – широкоплечий, костлявый, некогда черноволосый, а теперь почти седой, неугомонный и живо интересовавшийся всем на свете.

Однако имелось в облике Эллара нечто, заставлявшее вздрагивать даже его лучших друзей. Предсказательница Меланталь всякий раз поневоле отворачивалась и многословно извинялась.

Когда-то очень давно, при обстоятельствах, о которых сам Эллар предпочитал не распространяться, его лицо превратилось в противоестественное соединение двух равных и совершенно несхожих половин. Левая принадлежала мужчине средних лет: грубовато-красивая, с резко выступающей скулой, упрямым подбородком, иронично сложенными губами и ярко-серым, внимательно поблескивающим глазом в длинных ресницах. То, что находилось справа, больше смахивало на видение из ночного кошмара или маску божества смерти, сработанную в Черных Королевствах: буро-сизоватое месиво заживших шрамов, оставленных прикосновением огня, сросшиеся веки, за которыми прятался незрячий правый глаз, и паутина красноватых язв, тянущаяся вниз и распространившихся на правое плечо. Граница между живой и умершей частями тянулась ровно посередине лица, создавая

жутковатый контраст и требуя от собеседников немалого присутствия духа, ибо трудновато разговаривать с человеком, который сохранил только часть некогда красивой физиономии.

Разглядев, кто к нему пришел, Эллар, похоже, слегка опешил – Рейе никогда не был здесь частым гостем. Говоря по правде, он еще ни разу не приходил в дом над озером.

– Рейенир? – Эллар остановился в дверях, вопросительно косясь на посетителя. – Я не ошибся, ты Рейенир, сын Драго? Мне говорили, ты уехал на Полночь.

– Уезжал и сегодня приехал обратно, – Рейе нахмурился, старательно подбирая нужные слова. – Я хотел бы кое-что тебе показать... и еще попросить совета. Это связано с моей младшей сестрой.

– Хорошо, – Эллар медленно кивнул. – Нужно куда-то идти?

– Нет. Мой фургон стоит возле твоего дома.

Клейн, терпеливо ожидавший возвращения Рейе, которого он, похоже, считал теперь новым господином, изумленно вытаращился, увидев его спутника, но промолчал. Бывший каторжник здраво предпочитал оставлять принятие решений на долю тех, кто поумнее.

Когда с дверец фургона сняли засов и распахнули их настежь, открывая дорогу солнечным лучам, Ринга недовольно заворчала и спряталась в глубине повозки. Рейе опасался, что сестра, почуяв близкий лес и свободу, рванется бежать, но вышло совсем наоборот – пришлось долго выманивать ее из фургона. Наконец Ринга крайне неохотно вылезла из своего укрытия и, как пугливое животное, забралась под днище повозки, угрожающе шипя на приближающихся к ней людей.

– Вот, – безнадежно сказал Рейе, едва успев спасти руку от очередного укуса дражайшей сестрицы. – Ее зовут Рингилиан или Ринга, у нее Сумеречное Безумие в таком виде, какого доселе ни разу не встречалось, однако это не самое худшее...

Эллар присвистнул и деловито осведомился:

– А что, разве может быть еще что-то худшее?

* * *

Рассказ о поездке, знакомствах, догадках и предположениях вышел долгим, почти до наступления ночи. Хозяин и гость сначала сидели на крыльце, потом вернулись в дом и устроились за столом. Загорелись свечи в шандале из оленьего рога, на столешнице распластался огромный чертеж земель Немедийского королевства, нашедшийся в книжном собрании Эллара. Клейн распряг лошадей и завалился спать на сеновале над конюшней. Удивительно спокойная Ринга долго бродила по берегу озера. В сумерках она осторожно, по-кошачьи, пробралась в дом, свернулась на шкуре возле разведенного в камине огня и задремала – без ставших уже привычными криков, неразборчивого бормотания и всхлипываний.

– Чрезвычайное удачное стечение обстоятельств, – подвел итог своей повести Рейе. – Мне посчастливилось встретить людей, которые близко знали Рингу последние двадцать лет, и человека, удостоверившего, что ее дочь Долиана осталась в живых. Сейчас эти люди должны находиться в Бельверусе – церемония возведения на трон нового короля и последующие праздники наверняка растянутся дней на десять. Если выехать сейчас, я еще

смогу перехватить их на обратном пути где-нибудь в Шамаре и узнать последние новости. Но меня волнует не судьба немедийской короны – это, в конце концов, людские хлопоты! – а загадочная вещь, угодившая по воле случая к моей предприимчивой племяннице. Поэтому, – Рейе в задумчивости побарабанил ногтями по столу, – поэтому я и решил обратиться к тебе. У меня есть основания доверять словам этого молодого человека, Маэля из рода Монбронов. Его ремесло – видеть, слышать и запоминать. Он в точности описал предмет, отобранный Долианой у весьма подозрительного колдуна – ксальтоуна. Девушка объявила взятое «ценой крови» и унесла с собой.

– Каримэнон, – почти по слогам произнес Эллар диковинно прозвучавшее название и внезапно едко рассмеялся. – Этого не может быть. Прошлое умерло. Цепь давно распалась. Мертвецы не воскресают!

– Камень, похожий на красный алмаз или рубин, – монотонно проговорил Рейе, повторяя недавно сказанные слова. – Очень большой, размером с яблоко или плод апельсина. Плоская огранка, золотая оправа в виде свившегося кольцом дракона. Маэль полагает, что оправа изготовлена лет сто или сто пятьдесят назад где-то в Кофе. Камень обладает способностью менять окраску от багровой до светло-розовой, цвета сильно разведенного вина. Если подольше всматриваться в него, приходят странные видения. Сам Маэль видел осаждаемую цитадель на морском побережье, его старший родственник, Райан – нечто вроде тронного зала, принц Ольтен – сражение, Долиана – пылающий город, сжигаемый стаей драконов... Они предположили, что созерцали картины далекого прошлого. Райан Монброн, неплохо разбирающийся в колдовстве, назвал камень источником невероятной магической силы. Предыдущий владелец сокровища именно так его и использовал. Долиана, судя по паническим донесениям с Полуночи, расходует Силу направо и налево. Она спалила с помощью Камня две или три крепости, и всю привлекает сторонников... – Рейе помолчал и мрачно добавил: – Ольтен и Долиана подняли над войском мятежников крайне странное знамя: поверх традиционных цветов Немедии нашита восьмиконечная крылатая звезда.

Эллар издал приглушенный стон и с размаху ткнулся головой в ладони.

– Они понимают, что творят?!

– Думаю, что нет, – жестко бросил Рейе. – Зато отлично понимаешь ты. Даже если к ним в руки угодил не подлинный Каримэнон, а один из первоначальных кристаллов, изготовленных на пробу, его могущества, соединенного с желанием Долианы отомстить за гибель своей семьи, хватит, чтобы залить кровью половину Материка, а вторая половина развалится сама... Когда восстановление справедливости становится единственной целью и для его достижения в ход пускаются любые средства...

– Я знаю! – раздраженно перебил Эллар. – Века идут, человечество повторяет одни и те же ошибки! А потом люди непременно начинают искать виноватых!

Громкие голоса разбудили Рингу, она пошевелилась и зевнула. Спорщики заговорили шепотом:

– Придется оставить ее здесь, в доме. Я позабочусь, чтобы в течение следующей луны она не могла покинуть окрестности озера. Ее слуга будет по-прежнему присматривать за ней, а в лесу водится достаточно мелких зверьков, которые послужат ей добычей.

– Она поправится? – напряженно поинтересовался Рейе.

– Не скоро, – с искренним сожалением отозвался Эллар. – Пройдет не меньше года, прежде чем к ней начнет возвращаться рассудок.

– Если привезти сюда ее дочь, это поможет?

– Наверняка. Но сперва нужно разыскать эту девушку.

– Значит, ты едешь со мной в Немедию?

– Куда я денусь? – Эллар не то в притворном, не то в подлинном отчаянье развел руками. – Рейе, ты интриган и злоумышленник! Ты знал, что мне придется согласиться. Знал с самого начала, когда явился и принялся колотить в дверь!

– Ты вполне можешь отказаться, – заметил Рейе.

– После всего, что ты наговорил? – единственный глаз Эллара нехорошо прищурился. – За кого ты меня принимаешь?

– За воинствующего философа на покое, – хмыкнул Рейе. Глянул на снова задремавшую сестру и склонился над картой: – И за обломок древности, который должен нести ответственность за творения своих рук. У нас мало времени. Через пять дней мы должны быть в Шамаре, пусть даже придется загнать с десяток лошадей. Оттуда, в зависимости от последних известий, мы либо навестим Бельверус, либо отправимся на поиски мятежников...

– Политика, – с отвращением произнес Эллар и скривился, став похожим в неровных свечных бликах на диковинного каменного уродца, каких порой находят в Пиктских Пущах. – Почему людям так нравится усложнять себе жизнь?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дневник Халька Юсдаля – II

«Бриллианты ожерелья Заката»

Бельверус, Немедия.

13 день Второй весенней луны.

– ...Соизволением Солнцезарного Митры и повелением государя Аквилонского Конана Первого Канах – его достославнейшая светлость Просперо, великий и наследный герцог Пуантенский, герцог Брассак, граф Люксэ, граф Валландро, владетель Гайярда и Монсегию а также прочих земель, кавалер коронного ордена Большого Льва, регент, вице-король и вице-канцлер королевства Аквилонского, поворачивает свое благородное почтение к стопам короля Немедии и имеет честь передать заверения в совершеннейшей дружбе и братской любви от имени своего могучего сюзерена и всех дворян Аквилонской монархии!

Наш свитский герольд выдал этот куртуазный шедевр на одном дыхании, ни разу не запнувшись – вот что значит опыт! Мастерство не пропьешь, хотя герольд, месьюр Ламбо, в обычное время имел вид красноносый и вечно пошатывающийся.

В соответствии с дворцовым этикетом Бельверуса и по указаниям невероятно напыщенного церемониймейстера его светлость герцог остановился в пяти шагах от знаменитого Драконьего Трона повелителя Нумы (золото, распахнутые крылышки, ощеренные клыки поблескивают алмазами...), на миг преклонил колени и снова поднялся, ясно давая понять Его величеству королю Тараску, что у аквилонцев собственная гордость и мы имеем честь ходить под знаменами иного государя.

Редкий случай: сопровождающие герцога в кои-то веки стояли прямо, шуток не отпускали, преданно пожирали глазами его светлость и пытались не ударить в грязь лицом перед иноземным монархом. Сие относилось даже к дикарям под командованием Бриана Майлдафа и десятника Коннахара Гленнлаха. Эти двое вообще старались больше всех, пыжились и надували щеки, производя вид огромных жеребцов, собирающихся пускать ветры.

Церемония представления посольства была в самом разгаре. Просперо вручил церемониймейстеру чудовищный пергаментный свиток с золочением по обрезах и надписями красной тушью – пресловутые «верительные грамоты», новый король равнодушно скользнул взглядом по пергаментам, кивнул и протянул государственный перстень для поцелуя. Герцог недовольно поджал губы, но надо – значит, надо. Этикет-с. У нас в Аквилонии перстнецелование для дворян давно отменили.

– Счастлив приветствовать великого герцога Пуантенского, – чуть прохладнее, чем следовало, обронил Тараск. – Я искренне сожалею, что государь Конан не смог лично принять участие в грядущем торжестве.

– Государю нездоровится, – с похожей ленцой процедил Просперо. – лекари посоветовали Его величеству, не тратя и дня, поправить крепость тела на водах. На Зингарском побережье.

Какой-то мерзавец, спрятавшийся в плотных рядах нашего посольства, все-таки хрюкнул. Понятия «Конан» и «болезнь» совместимы лишь в одном случае: когда король

терзается похмельем. Меня всегда забавляли шуточки Конана, отпускаемые в каких-нибудь тавернах, когда на требование принести попить ему доставляли воду: «Я просил что-нибудь выпить, а не чем-нибудь помыться!»

Впрочем, это неважно. Пока Просперо разливался соловьем, убажывая слух Тараска Эльсдфора пышными разглагольствованиями о нежной и вечной дружбе между двумя душевными соседями, славными королевствами Немедия и Аквилония, о благородстве, славе, чести, союзничестве и добросотрудничестве их достойных монархов, чьи короны осенены тысячелетними традициями, а благородная кровь обоих династий является светочем всего Заката, я исподтишка разглядывал живописных персонажей, собравшихся в гигантской церемониальной зале дворца Бельверуса. Как-никак, сегодня день общих представлений – гости Немедии явились изъяснить Тараску свое почтение. Аквилонцы, как ближайšie и самые крупные соседи, возглавляли сей парад тщеславия: расфуфыренная гвардия, начисто отмытые и причесанные дикари Бриана Майлдафа, сундуки с дарами (масса золота и украшений выделки лучших аквилонских ремесленников). Самым необычным подарком полагался настоящий живой дракон, точнее, дракончик.

(После событий шестилетней давности у аквилонцев остались некоторые связи с боссонским Ямурлаком, король Конан и я продолжали дружить с грифоном Энундом из клана Стигов. Так вот, Энунд и устроил нам поимку маленького, размером с медвежонка, дракона-виверна. Существо полумрачное, внешне красивое, переливающаяся оранжево-золотая чешуя с черными полосами, опасности для человека не представляет. Символично получилось – доставили к Трону Дракона настоящего дракона. Проявили, так сказать, безупречный вкус).

Тараск снисходительно осмотрел подарки, остался вроде бы доволен, погонщики увлекли упирающегося дракончика в сторону зверинца, а лакеи за долю мгновения убрали кучку помета, исторгнутую зверем от переизбытка впечатлений, и церемония вернулась к благочинному течению. Просперо, меня и наших офицеров поставили справа от трона короля, распорядитель несколько раз ударил жезлом о специальный гонг, раскрылись высокие двери, а я услышал, как Конан сдавленно охнул где-то у меня за спиной.

– Правительница земли, моря и океана, королева Зингарская, Кардальская и всех островов к Закату от побережья Материка, великая герцогиня Кордавская, Саломонийская и Бурготская, Чабела, дочь Фердруго! Принц-консорт Оливерро и свита Зингары!

– Я пропал, – одними губами шепнул Конан. – Она же меня узнает!

– Спрячься за Бриана, – шикнул я.

– Она и Бриана знает! – подавляя столь неуместное к торжественному моменту фырканье, гукнул киммериец и попытался стянуть лицо в непроницаемую маску. – Мы же все околачивались в Кордаве, когда подписывали Морской Договор!^[1]

– Тише, – я расправил плечи, пытаюсь закрыть собой Конана – попытка, заранее обреченная на неудачу из-за очевидной разницы в нашем телосложении.

Величественна государыня Зингарская, ничего не скажешь. Ей под сорок, а выглядит едва на тридцать лет, огромные черные глаза в ресницах, коим позавидует любая газель, необъятное шелестящее платье на широчайшем кринолине, как и положено, расшито кораблями, левиафанами и плещущимися рыбками, узкая золотая корона с сапфирами и синими аметистами – символ владычества над морем, в правой руке знаменитый Скипетр Морских Королей: платиновый жезл, снизу заканчивающийся якорными лапками, а наверху увенчанный каплевидным голубовато-зеленым алмазом чистой воды размером с куриное

яйцо – самый дорогой, самый красивый и самый древний бриллиант Заката!

Принц-консорт, нынешний муж Чабелы (между нами говоря, сопля и тряпка, хоть и выглядит представительно) деловито поддерживает бесконечный атласный шлейф своей королевы. Ума не приложу, почему красавица Чабела, пользовавшаяся сногшибательным успехом у всех королей Материка, прошлой зимой решила выйти замуж за эту рохлю? Почти уверен – потому, что Конан не согласился принять в очередной раз ее руку и сердце, а возмущенная Чабела отомстила несговорчивому киммерийцу на свой лад. Оливерро плотненько сидит под очаровательным каблучком Ее величества и, впрочем, не жалуется.

И все же это свершилось... Чабела, напыщенно поприветствовав Тараска и одарив нового немедийского короля множеством жемчугов и иных изысканных даров моря, обвела взглядом аквилонских послов, на мгновение остановила взгляд на Конане, но осталась верна себе, лишь едва заметно вздернула тонкую бровь. Стало ясно, что грядущим вечером кому-то придется долго объясняться, и даже не надо долго гадать – кому.

Церемониальная зала постепенно наполнялась новыми и новыми гостями.

Объявили о прибытии Его величества Балардуса Кофийского. За ним с металлическим грохотом выступили облаченные в сверкающие кольчуги гвардейцы нынешнего короля Бритунии Альбиорикса (сейчас Конан тоже прятал глаза, ибо сам возвел Альбиорикса на трон девять лет назад, разумеется, при весьма сомнительных обстоятельствах). Аргос представлял наследный принц Ариостро, сын короля Мило. Прибыли и туранцы под водительством Альгалиба, великого визиря императора Ездигера – их подарки были самыми пышными. Что поделаешь, Золотой Восход! От Офира явились великий герцог Аргилло (один из претендентов на пустующий доселе трон) и ее светлость графиня Клелия Кассиана диа Лаурин из Ианты. Узрев сию величественную белокурую и очень красивую даму, Конан отчетливо вздрогнул, дернул меня за рукав и пробормотал: «Спасайся, кто может... Да мне теперь из своей комнаты носу нельзя будет высунуть! Сколько знакомых лиц!».

– Это еще не самое худшее, – жизнерадостно прошептал я в ответ. И накликал.

Следующими гостями оказались управители немедийских протекторатов, Коринфии и Заморы. Герцога Коринфского я доселе не встречал, оказалось – так себе старичок, похож на разбогатевшего стряпчего. Зато протектор Шадизара, Арэнджуна и всех земель Заморы выглядел весьма колоритно и вполне подходяще для должности правителя страны, которую сотню лет уверенно владеющей званием самого беспокойного края Материка.

– Держите меня семеро! – Конан аж пошатнулся и протер глаза. – Не может быть!

– Заткнись! – буркнул я. – На нас смотрят! Кого ты еще углядел?

– Да как бы тебе сказать... Слушай распорядителя!

– А ты не дергайся и на ноги не наступай!

Церемониймейстер тем временем огласил зал очередным воплем:

– Его светлость протектор Заморийский, управитель земель короны, достопочтенный Аластор Кайлиени!

– Я сейчас умру... – выдавил Конан. – Славная карьера у пройдохи Альса!.. Запомни этого типа получше и обходи как можно дальше. Спиной к нему не поворачивайся и беги с его дороги.

– А в чем дело-то? – спросил я, недоуменно разглядывая довольно высокого молодого человека характерной шемитской наружности: резкие черты смуглого лица, горбатый нос и копна темных вьющихся волос. Вдобавок господин протектор обладал выразительными черными глазами и ясной лучезарной улыбкой, от вида которой в чувствах присутствующих в

зале дам и девиц наверняка возник эдакий приятный трепет пополам со сладким головокружением. Могу смело биться об заклад: к завершению коронационных торжеств по вине сего красавчика из Заморы разлетится вдребезги немало хрупких женских сердец и свершится не один десяток поединков в защиту оскорбленной фамильной чести. Еще я твердо убежден, что многие из стоящих здесь благородных месьюров покинут Бельверус с изрядно облегченными кошельками, давая нерушимую клятву – никогда впредь не садиться метать кости или играть в тарок с человеком, приехавшим из Шадизара. Проигрыш обеспечен, как ни старайся.

Конан ничего не ответил, только головой качал и раздраженно одергивал складки клетчатого черно-красного фейл-брекена.

Спустя несколько мгновений варвару нанесли следующий удар.

– Светлейшая королева Хаурана Тарамис из рода властителей Аскауров Ханирийских!

– А она хорошенькая, – тоном искушенного знатока женской красоты отметил я, стараясь не слышать зубовного скрежета Конана, искоса рассматривавшего владительницу Хаурана. Лет тридцати или чуть постарше, стройная, гибкая, в смолянисто-черных волосах ослепительно горит золотая диадема с огромным рубином. Неужели это знаменитое сокровище владычиц маленькой страны, самоцвет, известный как «Небесное Пламя»? Наряд королевы заслуживал лишь символического названия «покрова» – вокруг нее взлетали радужные прозрачные шелка да тонко звенели при каждом движении многочисленные вычурные украшения. – Тоже давняя знакомая?

– Я же рассказывал! – сморщил нос Конан. – Служил я у нее лет десять назад! Вот не думал, что встречу в этом немедийском вертепе все мои самые большие неприятности! Дома надо было сидеть! Целебные воды попить! А это кто такие?

Ответ не замедлил последовать. Герольд прогрохотал жезлом по отозвавшемуся гулким уханьем гонгу и вострубил:

– Славнейшие и блистательные соправители королевства Хорайя – принц Коссус и его высокородная сестра принцесса Ясмела!

– Это подстроено! Это все нарочно! – порывивал Конан над моим ухом, глядя вслед удаляющейся царственной паре. – Все собрались! Еще Ши Шелама не хватает! Или Белит, например. Или Карелы... Вот уж действительно семейная посиделка! Каким же я выгляжу идиотом! Надо было ехать в настоящем обличье, в королевском! О, глянь-ка! Хоть одно приятное лицо!

– Его величество Эрхард, сын Этельвульфа, государь Союзного королевства Пограничья, Граскааля и Эйглофиата, а также Закатных вольных баронств! С наследником и свитой! Посол подгорного короля Дьюрина VIII, Дарт, сын Торира из клана Ниди Топора!

По залу пролетело еле слышное заинтригованное перешептывание. Короли, королевы, графы, герцоги, принцы, протекторы, военачальники и свитские, явившиеся на церемонию представления, нетерпеливо повернулись к дверям. Варварское посольство! Да еще король не человек, а оборотень! Как интересно!

Пограничье, говоря откровенно, до сих пор не принимают в качестве серьезной державы. Делается это скорее по устоявшейся традиции, нежели из-за особой неприязни к дальнему полуночному соседу. Пограничье ничуть не хуже какой-нибудь там Бритунии, я уж не говорю о таких «нецивилизованных» странах, как Иранистан, Арим или Гиперборея.

Вот они, наши оборотни, во всей красе. Вырядились-то как! Да за одну шкуру дрохо, ушедшую на мантию Эрхарда, можно купить приличный домик с садом, и еще на пиво

останется. Корона, в отличие от венцов иных стран, в Пограничье не золотая, а серебряная – широкий обруч на горностаевой шапке, лишь перекрытый четырьмя тонкими золотыми дужками и украшенный гномьими самоцветами.

Все пошло бы по наезженной колее, благородное общество пережило бы даже явление среди посланников настоящего гнома, но я вкупе с присутствующими вскоре получил серьезный повод насторожиться. Не замечалось на лицах представителей славного Пограничья особой радости и положенного трепета перед великолепным Драконьим Троном. Эрхард благочинно произносил надлежащие слова, однако наши старые дружки, Веллан, Эртель и Тотлант, как-то чересчур хмуро переминались с ноги на ногу за спиной короля, а стигийский волшебник обводил высокое собрание мрачновато-заинтересованным взглядом, словно боялся каких-то неожиданностей. Гвардия же посланников Пограничья тоже отнюдь не светилась счастливыми физиономиями – все угрюмые, хмурые... Неужели что-то случилось в дороге?

Да, действительно, случилось. Когда Эрхард с поклоном отошел от Тараска (целовать перстень не понадобилось, ибо данная процедура не совершается при обмене любезностями меж королями), немедиец собрался было встать и поприветствовать высокое собрание, однако Эрхард внезапно поднял руку.

– Сожалею, что вынужден отягощать столь счастливый день недобрыми вестями, – медленно и внушительно проговорил король Пограничья, – но я дал слово некому благородному дворянину немедля по приезде в Бельверус огласить врученное мне послание перед лицом короля Тараска.

– Может быть, мы отложим дело на потом? – мягко сказал Тараск, поднимаясь с трона. – Нет? Что ж, если мой царственный собрат, король Эрхард, дал слово, я не могу препятствовать его выполнению. Читайте же.

Эрхард прокашлялся, несколько не королевским жестом сдвинул опущенную горностаем корону на затылок, развернул пергамент и...

– Вот это да! – возбужденно прошептал за моей спиной Конан. – Хальк, мне чудится или все – правда?

«Славнейших государей стран Заката и Восхода, – громко читал Эрхард, тщательно выговаривая каждое слово, – приветствуют дворяне Немедии через Его величество короля Пограничья, любезно согласившегося доставить сей ордонанс в столицу нашего великого королевства и огласить оный пред ликом того, кто имеет дерзость называть себя королем Немедии».

Публика окаменела. Стоявшая ближе всех к нам Чабела Зингарская слегка подалась вперед и ее блистательное декольте в облаках лазурных кружев с голубым жемчугом начало вздыматься чуть чаще. Похоже, запахло скандалом. Причем, я бы сказал, не обычным скандалом, а самым что ни на есть великосветским.

Эрхард бесстрастно читал:

– *«Мы, наследники древнейших и славным фамилий Полуночи, потомки Нумы, Эпимитримуса, королей-основателей Алькоя и Олайета...»*

Старый оборотень поднял глаза на Тараска, деловито уточнив:

– Дальше перечисляются шестьдесят два титула и имени. Читать?

– Читайте, – выдохнул король. – Конечно, читайте. Громко. Пусть все слышат!

Я слушал. Список открывался знакомым именем. Ольтен Эльсдорф, принц крови, по закону – король Немедии. После второго имени меня чувствительно ткнули кулаком в спину.

– Слышал? – шепнул Конан.

Сразу за Ольтеном депешу подписала некая Долиана, наследница герцогского титула Эрде, принявшая оный титул в соответствии с законами и уложениями о дворянском наследовании гербов и ленов после гибели всех членов семьи.

И пошло-поехало. Восемь герцогов, двадцать три графа и тридцать семь баронов Полуночной Немедии. Некоторые имена я знал – семейства Клеве, Целлиг, Крейн, Дюшрек или Майль, некоторые слышал впервые.

– *«С тем мы, люди пользующиеся в дворянстве нашего государства безусловной и безупречной репутацией верных слуг Трона Дракона, объявляем Тараска Эльсдорфа, принца короны, узурпатором и злодеем, незаконно захватившим трон, издревле принадлежащий династии Эльсдорфов, обвиняем его в оскорблении величия, покушении на королевскую кровь, убийстве членов королевской семьи, противозаконном и противогосударственном перевороте, исподволь подготовленном кофийской монархией...»*

– Ложь! – послышался среди кромешной тишины один-единственный краткий возглас. Король Балардус, покраснев, выступил вперед, но его вовремя удержали придворные. Эрхард продолжал читать, даже не без видимого удовольствия:

– *«...Исподволь подготовленном кофийской монархией, а также в подстрекательстве народа к бунту, разрушению государственных и законодательных устоев. С тем Великий дворянский совет Полуночи, областей Соленых озер, Эвербаха, Меноры, герцогства Нумалия и прочих земель, не требующих развернутых перечислений, заявляет, что с момента оглашения настоящего ордонанса Тараск Эльсдорф, сын Артезы Эльсдорф, сестры нашего почившего короля, считается злодеем короны и может быть помилован лишь в случае немедленной передачи трона и всех королевских регалий Немедии принцу Ольтену Эльсдорфу, единственному оставшемуся в живых наследнику Нимеда Первого. Далее означенный Тараск будет предан в руки Высшего дворянского суда для расследования его преступлений перед государством и дальнейшего наказания».*

В зале стало так тихо, что я отчетливо расслышал легкий топоток пробежавшего у меня под ногами таракана. Будь тараканов больше, могло бы показаться, что в церемониальном зале с грохотом и лязганьем шествует гвардейская конница.

– *«Сим же мы, дворяне Немедии, и я, Ольтен Эльсдорф, законный король, приносим нижайшие извинения чужеземным владыкам, поддавшимся на ловкий обман узурпатора и просим таковых выступить свидетелями и судьями в данном споре.*

В случае, если оный Тараск Эльсдорф откажется выполнить наши требования, в соответствии с коронным законом о Рокоде, Полночь Немедии объявляет Рокод областям, не признающим верховную власть короля Ольтена, который по коронации примет имя Нимед в честь умерших отца и брата.

Встреча высшего дворянского совета Полуночи и представителей узурпатора назначается на двадцать пятый день нынешней луны, возле замка Демсварт, что на реке Нумалии в двадцати лигах к полудню от одноименного города. В случае оказания узурпатором Тараском сопротивления законной власти, король Ольтен оставляет за собой право первым применить силу войск.

Дано в городе Эвербахе, что на Соленых озерах, пятого дня Второй весенней луны 1294 года. Руку лично приложил Ольтен, король Немедии».

– Здравствуйте, приехали! – как гром небесный, рухнул на присутствующих изумленный возглас невоспитанного темрийского горца Бриана. Остальные молчали и не шевелились.

Надо отдать должное Тараску. Выслушивая удивительные и полные дерзости сентенции, он стоял в спокойно-расслабленной позе, скучающий взгляд блуждал где-то по верхушкам колонн, поддерживающих потолок залы. Едва Эрхард закончил чтение, правитель Немедии протянул руку, взял свиток и отдельно проговорил:

– Боюсь, мой царственный брат, вы поддались крайне неуместному и злему розыгрышу. В моем королевстве ничего не известно о мятеже на Полуночи. И уж тем более ничего не известно об Ольтене Эльсдорфе. Вся погибшая королевская семья, согласно установленным традициям, погребена в усыпальнице родового замка династии. Это могут подтвердить королевские судьи, проводившие обряд жрецы и многочисленные свидетели, опознававшие тела моих почивших родственников.

– Позволю себе не согласиться с Вашим величеством, – решительно заявил Эрхард. – Несколько дней назад мое посольство стало свидетелем штурма города Эвербах, где человек, называвший себя принцем Ольтеном, и передал эту депешу.

– Я разберусь, – снисходительно ответил Тараск, и повернулся к сотнику гвардии. – Отправить на Полуночь две гвардейские тысячи тяжелых кирасир. Подкреплением – тысячу копейщиков...

И уже для всех:

– Почтенные гости, высокородные короли и королевы! Полагаю, это недоразумение будет улажено в ближайшее время. Видимо, произошла ошибка, или в моей стране появился самозванец. Церемониймейстер, объявляйте начало парадной трапезы!

– Что такое «Рокод»? – негромко спросил меня Конан, слегка обалдевший от подобных новостей.

– Давнейшая немедийская традиция, освященный законом мятеж дворян против короля, – отозвался я и пояснил: – Если таковые дворяне считают монарха недееспособным или несправедливо заполучившим власть, они имеют право собрать войско и объявить ему войну. Участников неудачных Рокодов не казнят, они отделяются вечным заключением в собственных замках.

– Вечер безнадежно испорчен, – полусшепотом заявил подошедший Просперо, выглядевший изрядно обескураженным. – Загадочная история. Коронация, торжество – и вдруг такое известие! Надо найти Эрхарда и потолковать, что они там на самом деле видели или не видели. Только обидно – в кои-то веки съехались все правители Заката, а тут...

– По-моему, веселье только начинается, – оптимистично высказался Конан. – Согласитесь, я сразу заподозрил, что дело с недавним бунтом в Бельверусе далеко не чисто! И мы с размаху вляпались в эту коровью лепешку. Бедные дамы, они испачкают платья!

– Кстати, о дамах, – на плечо Конана легла чья-то тоненькая очаровательная ручка, поблескивающая искрами тяжелых перстней, и небрежно заставила его повернуться. – Сударь, мы случайно не знакомы?

– Чаб... Э-э... Ты кто такая?

Конан мгновенно надулся, возвращаясь к своей любимой ипостаси «одичавшего киммерийца». Просперо только фыркнул и отправился здороваться с Эрхардом.

– Я-то? – дама небрежно похлопывала по ладони Скипетром Морских Королей. – Родилась принцессой, стала королевой. Чабела из Зингары, не слыхал про такую?

– Ваше величество, – я не упустил возможности чуток позубоскалить. – Этому варвару неизвестно, где располагается блистательная Зингара. Он только что приехал из Киммерии. Правда, Коннахар?

– Правда, – согласился Конан, чересчур откровенно обозрел привлекательные абрисы королевы, поразмыслил, ухмыльнулся и высказался: – Ничего девица, в моем вкусе. Раз уж веселье сегодня отменяется, пойдем хоть выпьем.

– Один мой знакомый киммериец, – как ни в чем не бывало прощбетала Чабела, – очень любил золотое либнумское вино. Уверена, тебе оно тоже понравится... Коннахар. Тьфу, язык на ваших дикарских именах сломаешь!

– Не плюйся, это неприлично, – прошептал Конан прямиком в темные локоны королевы, за которыми скрывалось ее точеное ушко. – Зато мой знакомый киммериец слышал, будто королева Зингары обожает розовое пуантенское.

– Вот и договорились.

Я понаблюдал, как странная парочка (разодетая в пух и прах королева одного из могущественнейших государств Заката и волосатый громила-варвар из свиты авкилонского герцога) направились к столам с угощениями и непреложно убедился, что эти двое привлекли не только мое внимание. На них украдкой глазели почти все гости Бельверусского замка: кто с искренним недоумением, кто озадаченно, словно силясь вспомнить, где и когда ему доводилось сталкиваться с типом, похожим на Конана. Приметил я и пару-тройку ехидно-понимающих взглядов: эти люди, вне всякого сомнения, безошибочно узнали Конана, но предпочли до срока не раскрывать его секрет. Выражение лица очаровательной принцессы Ясмелы из Хорайи, тоже смотревшей вслед удалявшимся Чабеле и Конану, я бы назвал оценивающе-хмурым. Как правило, за таким взглядом женщины следует либо истерика с битьем посуды и призывами к богам, либо тщательно отмеренная доза яда, подсыпанная в вино. Конан вроде бы знаком с Ее величеством Ясмелой... Надо будет намекнуть «десятнику Коннахару», чтобы не терял бдительности. Дела и грехи его прошлого, как всегда, не желали с ним расставаться.

Веселья же в зале совершенно не наблюдалось. Задуманного праздника торжественной коронации не получится. Зато Тараск огреб тяжеленную оплеуху на глазах у всех монархов Заката.

Что-то будет... Но вот что? Ясно, что ничего хорошего.

* * *

И почему я всегда оказываюсь прав? Торжественный вечер с роскошным балом и представлениями мимов, задуманный Тараском, оказался безжалостно скомканным, гости чувствовали себя неуютно, обидевшийся Балардус Кофийский не остался даже на ужин, покинул вместе со свитой дворец и отправился ночевать в резиденцию кофийского посла, на гостей из Пограничья поглядывали косо все и каждый, особенно немедийцы, и лишь Просперо да я немедленно подошли к старым друзьям, запросто устроились с ними за длиннющим столом и начали весьма оживленный обмен новостями.

Караваны доходят? Доходят. Как урожай в этом году? Как всегда, половина пшеницы погибла на корню, пришлось закупать в Туране. На границе с Гипербореей спокойно? Не то, чтобы очень спокойно, но мы привыкли... И так далее. Его светлость герцог первым решился задать вопрос, исподволь волновавший всех:

– Эрхард, что все-такистряслось в Эвербахе?

– Бунт, – коротко ответил Эрхард. – И магия. Тотлант утверждает, что такого волшебства ранее не встречал. Мол, это волшебство...

– Какое волшебство? – герцог стремительно повернулся к стигийцу. Тотлант аккуратно прожевал вишенку, выплюнул косточку, подумал и изрек:

– Представьте себе, что идете вы утречком по летнему саду, любуетесь природой, слушаете трели пташек, и тут из-за кустов выскакивает сумасшедший и со всей дури лупит вас обухом топора по голове. Ощущения вполне схожие. Граф Крейн и маленькая госпожа Эрде за несколько мгновений обрушили надвратный барбикен города, разогнали стражу и подняли над ратушей свою крылатую звездочку.

– Подробности! – нахмурился Просперо. – Эрхард, Тотлант, дело в другом: нам тоже стали известные некоторые вызывающие крайнее любопытство сведения. Словом, еще несколько седмиц назад, когда мы впервые ощутили исходящее из Бельверуса беспокойство, Конан послал в Немедию одного из конфиденентов Латераны, нашей тайной службы. Некого графа Монбрана из Танасула...

Шептались мы долго, однако на аквилонского герцога, короля Пограничья и их небольшую компанию никто даже не смотрел. Веллан с Эртемом отправились танцевать и явно пользовались успехом у здешних дам, Тараск вообще не присутствовал на вечере – видимо, ушел к своим военачальникам разбираться с печальными новостями Полуночи, благородное сообщество разбилось на кучки и потихоньку судачило, не желая привлечь внимания остальных.

– Пойдемте-ка в наши комнаты, – неожиданно предложил Эрхард. – К чему пялиться на унылые рожи немедийцев? Как я полагаю, разговор предстоит долгий.

– И весьма неприятный, – добавил Тотлант, поднимаясь. – Кстати, кто-нибудь видел Конана?

– Не Конана, а Коннахара, – поправил я. – Король путешествует инкогнито.

Бриана Майлдафа я увидел сразу. Наш темрийский горец тяжеловесно куртуазничал с великовозрастной дочкой какого-то провинциального графа. Конан же напрочь отсутствовал. Поблизости от Чабелы, любезничавшей с аргосским принцем, киммерийца не замечалось, а не углядеть среди гостей высокого черноволосого человека в необычном для цивилизации Заката одеянии просто невозможно. Значит, Его аквилонское величество отправился искать приключений.

Представляю, какую сложную задачу пришлось разрешить управителю замка короны для того, чтобы разместить во дворце Бельверуса семь королей и королев, двух великих герцогов, туранского визиря и принцев-соправителей Хорайи. Однако дело решилось к лучшему: кофийцы, аргосцы и офирский герцог благополучно расселились в зданиях собственных посольств, коринфский и заморийский протекторы тоже жили где-то в городе, так что оставшимся выделили бывшие покои принцев крови – герцогу Просперо достались комнаты покойного Нимеда-принца, сразу под нами, на первом этаже, свили гнездо посланцы Пограничья, и тем самым никто не остался в обиде. В этом же крыле обитали высокородные дамы – Чабела, Тарамис и Ясмела. Общество небольшое, но приятное.

Едва мы устроились в покоях Эрхарда, причем, что характерно, выдержанных в духе Пограничья – открытый очаг, ковры, шкуры, расставили прямо на полу вино и принесенные немедийскими слугами холодные закуски, я попросил отложить разговор на попозже и вышел в коридор замка в явной надежде отыскать местечко, жизненно необходимое человеку,

потребившему чересчур много вина. Спросил у лакея и, получив надлежащие разъяснения, заспешил по лестнице вниз, в один из внутренних дворишков огромного замка.

Замок Бельверуса менее древний, чем Тарантийский, но ужасно запутанный. Масса коридоров, коридорчиков, переходов, галерей, освещается первый этаж плохо – один факел или лампа на двадцать шагов. Я старательно отсчитывал повороты, твердо решив не заблудиться.

– ...Понимаешь, так было нужно! Нужно, и все! Почему я должен оправдываться? Насколько я помню, нас не связывали никакие обещания!

Так. Слышу неподалеку до боли знакомый голос – низковатый, чуть раскатистый баритон. Конан?

– Ты просто кобель!

Женщина. Говорит с выраженным полуденным акцентом:

– Ты оставил меня после полуночи, сказав, что вернешься к утру! И я ждала пятнадцать лет! Мерзавец! Не мог хотя бы сообщить, что произошло?

– Зачем сообщать-то?

Звук громкой, прямо-таки колокольного звона, оплеухи.

– За что?

– За пятнадцать лет ожидания, болван! Я все-таки не уличная девка, с которой можно переспать, а потом бросить и уйти, позабыв даже ее имя!

– Но я не...

Очередная оплеуха. Я решил, что пора спасать короля. Громко закашлялся, еще более громко застучал подковками туфель, помаршировал на одном месте, делая вид, что иду по коридору и вслух посетовал на плохое освещение. Затем рискнул проследовать дальше и обнаружил за углом удивительную пару – медведеподобного киммерийца в слегка помятом пледе и сравнительно молодую, чуть растрепанную даму в длинном прямом одеянии, расшитом опалами и ониксами.

– Коннахар! – я сдвинул брови, разыгрывая из себя гневающееся начальство. – Почему не в карауле? Прости, благородная госпожа, десятник просто недосмотрел за этим олухом!

– Хальк, остынь, – поморщился Конан. – Тут, понимаешь ли, давно ожидаемая встреча двух любящих сердец. Познакомься, это Ясмела из Хорайи, принцесса-соправительница. Это Хальк, барон Юсдаль, мой библиотекарь и тайный советник. Она раскрыла мой маскарад с первого же взгляда.

– Немудрено, – презрительно усмехнулась благородная госпожа. – Если уж собрался путешествовать не узанным, мог бы додуматься до лучшего способа изменить облик. Месьоры, меня ожидает свита, которая вот-вот начнет беспокоиться. Прощайте.

Принцесса Ясмела развернулась на каблучке, с размаху влепила Конану еще одну оплеуху и с самым независимым видом зашагала к лестнице.

– Надеюсь, нас никто больше не видел, – удрученно пробормотал король. – Дурацкая сцена получилась... Хальк, тебе не требуется напоминать, что твоему болтливому языку стоит тихонько посидеть за зубами?

– Грешки молодости, – понимающе хихикнул я. – Удивительно, как Чабела не стала при всех ревновать тебя к бывшим коронованным любовницам? И еще одного не могу взять в толк – что особенного находили в тебе утонченные красотки?

– Варварское обаяние и непосредственность, – широко улыбнулся Конан. – Ты куда вообще собирался, до ветру?

– В том числе, – тихо ответил я, ибо в темном коридоре почудился какой-то непонятный прохладный ветерок. – Заодно хотел тебя поискать. В комнатах Эрхарда затевается небольшой совет, посвященный трудностям королевства Немедия...

– А ну, помолчи, – Конан прижал палец к губам и замер. Потом шепнул: – Не нравится мне это. Быстро за мной и ступай как можно тише.

Варвар всегда мгновенно ориентировался в самых запутанных и сложных лабиринтах, а потому сжал мое плечо, мягким кошачьим шагом направил к левой стенной нише, в которой громоздилась умопомрачительных размеров ваза из черного мрамора, решительно затолкал меня в пыльную щель, а сам влез с другой стороны, извернувшись, точно куница.

– Какого демона?.. – я попытался возмутиться, но широкая ладонь варвара прикрыла мне рот. Конан явно учуял что-то необычное, может, даже опасное. Его дикарское чутье не раз выручало всю компанию из самых головокружительных и безвыходных приключений. Он чувствовал беду не хуже лесного зверя, знающего, что охотники близко.

Коридор вдалеке озарился мерцанием больших ярких факелов, послышалась резковатая и каркающая немедийская речь. Приближались, судя по голосам, трое. Впереди выступал принц Тараск (или король Тараск? Теперь уж и не разберешься!), за ним двигался человек в черном балахоне с золотым кругом на груди – такую же одежду носит Тотлант, обычная хламида мага-равновесника.

Зато третий...

Конан едва слышно засопел, что выдавало его крайнее любопытство и возбуждение. Вместе с принцем и незнакомым волшебником прямо на нас двигалась высоченная, не меньше четырех с половиной (возможно, и больше) локтей ростом фигура в переливающимся всеми цветами алого, красного, багрового и пурпурного облачении – ткань будто бы сама меняла окраску, вызывая рябь в глазах тысячами тысяч оттенков рубина. В правой руке посох, тоже темно-красный и поблескивающий лаком. Набалдашник, если я правильно рассмотрел, выполнен в виде головы дракона, сжимающей в пасти красный гранат изумительной огранки. Лица странного незнакомца не видно, оно скрыто под маской – искусно сшитой из пурпурного атласа мордой дракона.

У меня сердце екнуло, когда я увидел единственный знак, украшавший все это красное великолепие. На левом плече, над сердцем мерцала выложенная миниатюрными алмазами восьмилучевая звезда, обрамленная тонкой полоской розоватых огнистых рубинов.

– Ваше величество, – волшебник в черном усиленно пытался обратить на себя внимание Тараска, – все трудности разрешимы! За нами стоит армия, многие дворяне. Рано или поздно мы обязательно вернем драгоценность! Воры – всего-навсего неразумные дети, они ничего не понимают в том, какая чудовищная мощь попала к ним в руки!

– Помолчи, Аррас, – Тараск брезгливо поморщился. – Ты правильно сказал: «Чудовищная мощь». Дай в руки ребенку бочонок с зингарской морской смолой и факел, он без труда за один колокол спалит целый город. Если верить старому оборотню из Пограничья, эти недомерки уже подняли всю Полночь! Кто утверждал, что с Камнем может управиться только ксальтоун, носитель знаний, пришедших из мира звезд? Менхотеп, ты единственный ксальтоун среди нас и должен...

– Сейчас я тебе ничего не должен, – гулко отозвался красный. По-немедийски он говорил очень чисто, но акцент прослеживался. Менхотеп? Имя шемское или стигийское, возможно, кешанское. Странно... И кто такой или что такое «ксальтоун»?

– Ты обещал мне защиту и поддержку. Но твои болваны не смогли задержать

пятнадцатилетнюю соплячку и троих лоботрясов, которые догадались, что именно происходит в Немедии и каковы истинные причины твоего восшествия на трон. Да, я ксальтоун! Но я всего лишь человек! Зато девчонка – чудом появившийся на свет ублюдок темных альбов эпохи Роты-Всадника!

– Я посылая погоню! – возмутился Тараск. – Закрыв город, ввел осадное положение, выставил тройную стражу на дорогах!

– Напомнить, чем закончилась лихая погоня? – преспокойно ответил гигант в красном. – Все, что осталось от преследователей, можно сложить в маленький ящичек и с тем похоронить. Проклятая альбийка по своему недомыслию и желанию отомстить способна выпустить из Камня такое чудовище, что бороться с ним можно будет только путем немедленного самоубийства!

– Чудовище? – насторожился Тараск. – Ты имеешь в виду какого-нибудь демона или дракона?

– Нет, я имею в виду древнюю и неподвластную человеку Силу, которая не знает, что такое человек. Незнаемое всегда нелюбимо и опасно. Скажи лучше вот что...

Голоса постепенно затихали, непонятная тройка – полукороль, неизвестный маг и – чудовищно звучит! – «ксальтоун» по имени Менхотеп, скрылись в одном из поворотов. Слитный звук шагов наконец исчез.

Мы сидели в нише, ни живы, ни мертвы. Вроде бы и страшного ничего не произошло, всего-то лишь случайно подслушали разговор немедийского правителя с людьми, наверняка являющимися его придворными магами. Однако больно неуютно стало нам от этого разговора.

Я едва-едва не завизжал, когда по огромной вазе, за которой скрывались мы с Конаном, кто-то постучал. Звук металлический, будто били черенком меча. Голос. Спокойный и чуточку насмешливый.

– Мальщ, вылезай. Я знаю, что ты здесь. Хорошо, не отзываешься на Мальша, попробуем по-другому... Твое величество Конан Канах! Изволь выбраться на свет и поздороваться со старым другом.

– Видал я таких друзей... – пробурчал Конан, отряхивая паутину с плеч. Вышел в коридор, держа оружие наготове. И вдруг замер, как громом пораженный. – Молот Крома! Ишгар Добросердечная!

– Не поминай всеу малышку Клелию, – широко улыбнулись в ответ. – Иначе можешь ждать в гости и нашу белокурую подружку.

Мои глаза привыкли к полутьме, и различил, что перед нами стоит человек, которого на церемонии представления посольств называли Аластором Кайлиени, протектором Заморы. Он-то что здесь делает?

– Подслушивали? – запросто осведомился Аластор, весело поблескивая в сумраке шальными глазами. – Чрезвычайно увлекательное занятие. Я тоже подслушивал. Захватывающая, однако, история сплетается нынче в Немедии. Конан, представь меня своему другу и пойдем, выпьем вина. Придется о многом поговорить... Уж извини за мрачное пророчество, но опасности Зеленого Огня шестилетней давности по сравнению с нынешними делами покажутся вам невинной шалостью милого маленького существа, явившегося из чужого мира.

– Почему ты всегда все знаешь? – вздохнул Конан. – А Ши Шелам где? Я всегда привык видеть вас вместе.

– Где Ши? – поднял брови Аластор. – В Шадизаре, где ему еще быть! Дома сидит, подручных гоняет, доходы считает. Собственное дело завел, остепенился, жена, детишки...

– Какой ужас, – схватился за голову киммериец. – Хальк, с Аластором я познакомился...

– Ровнехонько тридцать лет назад, – безмятежно утончил Аластор. – Я-то хорошо сохранился, а вот ты, Конан... э-э... как бы выразиться повежливее... Повзрослел.

– Наконец хоть кто-то из компании «Уютной Норы»^[2] признал меня взрослым, – буркнул варвар. – Хальк, запомни, что я тебе сейчас скажу. Аластор – не совсем обычный человек...

– Тут вообще собралось много не совсем обычных людей, – отмахнулся замориец. – Не морочь господину Хальку голову, лучше я сам представляюсь. В Заморе, Бритунии и Туране меня называют Белом. Иногда – Обманщиком. Пишется и произносится с заглавной буквы.

– Чего?? – ахнул я и невольно попятился.

Конан с Аластором переглянулись и засмеялись, словно услышали какую-то давнюю, бытовавшую в узком дружеском кругу шутку, а киммериец сказал:

– Аватара, воплощенный дух, понимаешь? Божество, заключенное в телесную оболочку человека. Да не пугайся ты, Хальк, я тебя не обманываю! Это действительно Бел!

– Угу, а ты у нас ходячее воплощение Крома, – кивнул я и тут же слегка вздрогнул. Конан никогда меня не обманывал. Особенно в делах, касавшихся сфер божественных.

Мне стало до крайности неуютно.

Бельверус, Немедия.

Полночь 14 дня Второй весенней луны.

Я и ранее слышал предания и почти достоверные рассказы о том, что боги частенько снисходят на землю, живут среди смертных в образе людей и предаются истинно человеческим развлечениям. А поскольку Бел-Аластор есть один из самых приближенных к человечеству богов – торговля, воровство и лицедейство всегда являлись любимыми занятиями двуногих – то вряд ли можно считать предосудительным стремление Бела затеряться в многоликом людском море. В конце концов, сейчас он является уважаемым управителем своего любимого города, Шадизара (а его истинная сущность известна только ему самому и нескольким приближенным), по мере сил способствует благополучному бытию маленькой провинции и в общем-то не мешает ни великим, ни малым.

Говорят, самая великая трудность божеств – непреходящая война со скукой. Чем заняться существу, способному продлить один миг до тысячи человеческих лет и сократить тысячу лет в единственное мгновение? Разве что попытаться сыграть в вечную игру человеческого бытия.

Шествуя обратно, в комнаты Эрхарда, Конан и Аластор убедительно попросили меня делать вид, будто ничего не произошло и заморийский управитель всего лишь старинный приятель короля Конана, с чем я незамедлительно согласился. Нечего пугать наших друзей присутствием аватары. Все равно никто не поверит – разве доводилось кому встречать настоящего живого бога?

Так что я решил впредь полагать человека по имени Аластор Кайлиени тем, чем он желает казаться. Насколько я понимал, его излюбленной маской являлся эдакий ироничный прожигатель жизни, обеспеченный, привлекательный внешне и большой любитель встречать в различные авантюры. Неудивительно, что у него с Конаном нашлось так много общего.

Путем несложных подсчетов я установил, что ко времени их знакомства королю Аквилонии едва-едва исполнилось – невозможно представить подобное! – шестнадцать лет. Интересно, каким тогда был Конан?

Гораздо больше меня заинтриговала случайно виденная в дворцовом коридоре фигура в красной хламиде. Он (или «оно»?) очень напоминал мага весьма высокого полета – это вам не Аррас, недоучка средней руки, обретавшийся в последние годы при дворе Нимеда. Ксальтоун... Надо будет поподробнее расспросить Тотланта, стигиец искусен в древней волшебстве и должен что-то знать.

С нашим появлением общество ничуть не оживилось. Эрхард как раз заканчивал повесть о магическом штурме Эвербаха, Просперо, как обычно, что-то записывал на пергамент для памяти, Тотлант с горящими глазами дополнял речи короля и отзывался о чужой магии в степенях настолько превосходных, что тошно становилось. В уголке скучал Дарт, сын Торира, листая какую-то большую книгу по военному искусству. Гном предпочитал в разговор не вмешиваться, не его это дело, пусть люди сами разбираются. Молодежь, а именно Веллан, Эртель и несколько их дружков, отговорившись насущной необходимостью повеселиться, давно отправились в город – видать, решили устроить рейд по лучшим борделям и увеселительным домам Бельверуса.

– ...Вот, собственно, и все, что я могу рассказать, – развел руками старик Эрхард. – Потом, когда девочка Эрде, Ольтен и граф Крейн торжественно въехали в Эвербах, стены заняли их сторонники, а гарнизон сдался на милость победителей, мы представились по всем правилам этикета. Нас попросили переждать в городе одну ночь, утром вручили это печально знаменитое письмо и отправили восвояси со всеми возможными почестями. Как-никак, чужестранный король со свитой, ближайший союзник могучей Аквилонии. Какие будут соображения, благородные месьоры?

– Да никаких, – я услышал женский голос, обернулся и вдруг понял, что скучную мужскую вечеринку, насыщенную деловыми беседами, скрашивает молодая и очень красивая дама, хотя наверняка не относящаяся к благородному сословию. Высокая, крепкого сложения, темноволосая, в зеленом с золотом платье, неуловимо смахивающая на варварку с Полуночи. Наверное, такой могла быть родительница Конана в молодые годы. – Я следила за Тараском несколько лун, вынюхивала и подсматривала все, что можно было подсмотреть, но меня даже близко не подпускали к тайнам принца. Особенно этот жуткий ксальтоун...

– Кто-о? – я, Конан и Тотлант одновременно подались вперед, а Аластор от возбуждения аж пальцами прищелкнул.

– *Ксальтоун*, – едва не по слогам отчеканила девица. – Очень странный человек. Друг, а может быть, хозяин Тараска. Если Тараск и принимал решения, то после совета с ксальтоуном.

– Ксальтоун – это имя? – быстро спросил Тотлант. – Или прозвище?

– Затрудняюсь сказать, – покачала головой девушка. – Лично я считаю это словечко названием его ремесла. Слышала пару раз фразочки вроде: «Ксальтоун Менхотеп сказал» или «ксальтоун приказал»...

– Менхотеп? – Тотлант сдвинул брови. – Опиши, как он выглядит?

– Проще описать слепому золотой кубок, – грубовато огрызнулась незнакомая красотка. – Никак он не выглядит, хотя бы потому, что я его ни разу не видела близко! Только когда несколько дней назад во дворце случился переполох и у Тараска украли одну из драгоценностей, я заметила входившего к принцу человека... – черноволосая смерила

взглядом Конана, прищурила глаза и кивнула: – Наверное, на поллоктя повыше этого киммерийца будет. Долговязый такой.

Тут нас наконец заметили. Эрхард, указав на девушку, сообщил, что ее зовут Дженна Сольскель, ежели по благородному, то Зенобия, и является она дочерью главы торговой управы Пограничья Стеварта из рода Сольскель. Для Эрхарда Дженна почти как родная племянница, и, как скромно выразился король, несколько лет назад «Дженна и Эртель дружили». Ясненько. Знаем мы, что такое «дружить» в Пограничном королевстве, отлично знаем.

Разговор и далее вертелся бы вокруг да около непонятной магии, оказавшейся в руках выжившей Долианы Эрде, дочери Мораддина, как на главной башне замка отбили полночь. В тот же самый момент раздался аккуратный стук в дверь.

– Настало время нечисти, – неудачно сострил Конан. – Вот и первое привидение. Хальк, открой!

Я отбросил легкий бронзовый засовчик и...

– Доброй ночи, ваше королевское величество, – я изобразил самый куртуазный поклон, на который хватило умения и вежливости, а все остальные (даже Конан!) торопливо повскакивали с мест. На пороге отведенной Эрхарду большой комнаты блистала и сияла Чабела Зингарская, королева Полуденного Побережья. За ее спиной белело постное, но умненькое личико фрейлины.

– Я могу войти? – с царственной небрежностью осведомилась Чабела. – Или здесь вечеринка только для мужчин? О, как погляжу, среди вас находится благородная девица! Так что я тоже не буду лишней.

– Вина? – деловито осведомился Конан, хватаясь за кувшин. – Настойки на ягодах?

– Вина, – кивнула королева Зингары, вошла, оставив фрейлину у дверей, отыскала свободное кресло и непринужденно уселась. Чабела успела переодеться в более простое платье, то есть бриллиантов, жемчужин и золота на ней имелось всего лишь в пять раз меньше, чем на приеме у Тараска, но раза в три больше, чем на всех присутствующих гостях Эрхарда, вместе взятых. Дженна, глянув на украшения зингарки, украдкой вздохнула, явно страдая от тщательно подавляемой зависти. Как все-таки здорово быть самой настоящей королевой, способной позволить себе любые роскошества!

– Просперо, друг любезный, будь столь добр, передай мне персик, – Чабела кивнула в сторону блюда с фруктами. Обуявшийся всесокрушающим приступом галантности Конан поднес королеве серебряный стаканчик с вином, Аластор же не нашел ничего лучшего, как положить под ноги Чабелы снятую с кресла бархатную подушку и остался сидеть поблизости, на ковре. Так сказать, у подножия импровизированного трона Ее величества. Королева не возражала, мало того, взирала на обаятельного протектора Заморы с явной милостью.

– Конан, – довольно резко сказала Чабела, когда общество, донельзя удивленное ее появлением, вновь расселось по креслам и скамьям, – я полагаю, здесь собрались только доверенные люди?

– У меня нет оснований не доверять моим друзьям, – также быстро ответил варвар, посмотрел на встревоженное лицо зингарки, нахмурился, помолчал и наконец осведомился: – Что-то случилось?

– Случилось, – медленно протянула Чабела, отпивая вина. – После сегодняшнего вечера я начала жалеть, что отправилась с визитом в Бельверус. Чересчур много непонятных

событий. Событий, изрядно меня тревожащих. Вот хотя бы... Почему ты явился в гости к Тараску не в королевской мантии, а в наряде варваров Киммерии? Чувствовал, что в соседней державе нарушен главнейший закон всех монархий: закон престолонаследия и правопреемствования трона?

– Это личное дело, – набычился Конан. – Во время недавнего мятежа погибли близкие мне люди. И я хочу разобраться.

– А хочу уберечь Закат от великой смуты, – ответила Чабела. – Конан, ты правишь шесть лет, должен научиться разбираться в сплетении политических узелков. Нельзя же оставлять всю политику на откуп, – королева признательно улыбнулась пуантенскому герцогу, – человеку безусловно одаренному и изощренно-умному, но все-таки не-королю. Закон царствования – это самостоятельное принятие решений и самостоятельная за них ответственность.

Да, не поспоришь, Чабела умна и прозорлива. Она много лет следила, как правит Зингарой ее папочка, хитромудрый Фердруго, и многому от него научилась. Но зачем великолепная зингарская правительница пришла к нам ночью, без соблюдения всяких правил приличия? Этот вопрос читался в глазах у каждого.

– Конан, – обратилась к киммерийцу Чабела, – ты сможешь сбросить киммерийский маскарад хотя бы на эту ночь и побыть настоящим королем?

– Да в чем дело-то? – взвился варвар. – Заговор, покушение, война? Объясни толком!

– Объясняю, – преспокойно кивнула зингарка. – Все собравшиеся в Бельверус монархи находятся в крайне двойственном положении. Если на коронации мы признаем Тараска королем великой державы и в то же время выяснится, что жив настоящий наследник, мы нарушим не только законы этой страны, но и наши собственные древние уложения. Помнишь, что я говорила о преемственности власти? Признав Тараска, мы создадим прецедент. А каждый монарх, венценосец обязан стоять на страже тысячелетних традиций, то есть порядка, которым славятся Закатные королевства.

В разговор вступил Эрхард:

– Да, государыня, причина серьезная, но прошу учесть, что я, как король Пограничья, Конан и бритуниец Альбиорикс в сущности достигли трона путем государственного переворота. Мы не имели никаких прав на корону, кроме одного – права меча.

– Знаю, – согласилась Чабела. – Но у вас в Пограничье не сложилось династической традиции передачи правления наследнику. В Бритунии король не оставил детей и сошел с ума. Про Нумедидеса я даже вспоминать не буду. Безумец на троне хуже десятка войн. Немедия – страна, славящаяся порядком и соблюдением законов, которые нам дали боги. Если верны предположения о том, что принц Тараск с помощью магии, заговора или недоброй помощи извне занял трон, то почему бы аквилонцам, зингарцам или обитателям Пограничья однажды не сделать то же самое? Если мы, короли, не пресечем любые, самые минимальные попытки изменников нарушить старинные законы и сами не подадим пример народам, как следует соблюдать закон, то цена нам – медный сикль в базарный день! Подумайте сами, благородные месьоры! В Немедии убит наследник трона, его жена и двое детей! Убиты еще два или три принца с женами – и снова погибли дети! Со смертью старого Нимеда дело тоже не совсем ясно... То, что произошло, являлось целенаправленным истреблением целой династии! Немудрено, что полуночные области государства подняли Рокод. У нас нет никаких доказательств причастности Тараска к смерти наследников Нимеда, но, видимо, этими доказательствами обладают якобы живой принц Ольтен и его

сподвижники.

– Если только это действительно Ольтен, – задумчиво сказал Просперо. – Чабела, я отлично понимаю твое беспокойство, да и сам тревожусь. Все в один голос твердят о появившейся в центре Материка чужой человеку магической силе, великая Немедия на грани гражданской войны, а, вероятно, уже и перешла эту грань, мы... вы, – немедля поправился герцог, – вы, монархи Заката, можете по ошибке или недомыслию признать узурпатора, покрытого от пят до ушей кровью королевской семьи...

– Но в равной степени Тараска могли и оклеветать, – рассудительно подал голос Аластор. – Нужны доказательства. Самые настоящие, неоспоримые доказательства того, что человек, называющий себя Ольтеном Эльсдорфом, действительно Ольтен, а не сообразительный проходимец, решивший под шумок захватить корону. Кто-нибудь, помимо меня, знает Ольтена в лицо? Принц два года пробыл вице-королем Заморы, я на его свадьбе такую речь произнес...

– Я знаю, – заявил Конан. – Мы с ним встречались несколько лет назад, когда молодой принц решил слегка повоевать с Аквилонией без разрешения папочки.

– Я тоже с ним знакома, – осторожно вмешалась Зенобия. – Видела много раз во дворце, на приемах и на турнирах.

– Зато я видел человека, называющего себя Ольтеном, – заключил король Эрхард. – Там, в Эвербахе. Только к чему мы ведем? Коронация-то через два дня!

– Слушайте меня, – непререкаемым тоном проговорила Чабела. – Сейчас здесь, в этой комнате я соберу всех коронованных особ... Кроме Тараска, разумеется. Ответственность я беру на себя. Если мы, люди, носящие благословение и проклятие богов в виде корон и венцов, наплюем на законы, боги наплюют на нас. Вы меня поддержите?

– Боги, говоришь?.. – прищурился Аластор, заставив меня вздрогнуть. – Я согласен.

– Я тебя поддерживаю, что бы ты не затевала, – решительно сказал Конан. – Если мы расследуем всю немедийскую заваруху до конца, многое скрытое выплывет на свет и, надеюсь, виновные будут наказаны. Видишь мою обетную косичку? Я не срежу ее до той поры, пока не будут найдены истинные убийцы герцога Морадина и его сына!

– Я тоже согласен, – Эрхард ударил кулаком по колену.

– В случае отказа Тараска от расследования я, как протектор Заморы, объявлю о временном выходе протектората из-под власти Трона Дракона, – резко молвил Аластор, потряхнув непокорной челкой. – Тогда они у меня попрыгают! Вы еще не знаете, что такое подлинная Замора!

– К сожалению, знаем, – вздохнул герцог Просперо. – Вопрос в одном – чего вы хотите добиться?

– Установления истины, – отрубил королева Зингары. – Я не могу позволить выставить себя или вас на посмешище перед всем Материком. Принесли подарки и оказали почтение узурпатору и убийце! Ничего себе история!

– Еще ничего не доказано, – вяло пробормотал Просперо. – Однако Ваше величество вольны действовать, как подсказывает голос крови и чести...

– Отлично! – Чабела громко хлопнула в ладоши, подзывая фрейлину. – Флана! Немедленно пригласи всех тех, о ком я говорила! Стражу перед этими покоями усилить гвардией кордавских грандов... Тарамис и Ясмелу с Коссусом я приведу лично.

– Я своих киммерийцев кликну, – загорелись глаза у Конана и обе коронованные особы быстро покинули комнату. Я, Эрхард и Тотлант сидели, раскрыв рты. Кажется, на наших

глазах вновь вершилась история.

Бельверус, Немедия.

Раннее утро 14 дня Второй весенней луны.

– Ну что, пора идти к Тараску?

Королева Хаурана Тарамис, сидевшая, к неудовольствию Чабелы и Ясмелы Хорайской, в обнимку с Конаном, зевнула, отодвинулась, взяла со столика серебряное зеркальце, щелкнула золотой коробочкой с пудрой и начала прихорашиваться.

Я в это время дописывал последние строки документа, вошедшего в историю как «Решение семи королей». Как имена, какие титулы, какие гербы! Пергамент освящен не только древними изображениями драконов, ящеров, львов, кораблей, зубцами зингарской Башни и ятаганом Турана, но и собственноручными росписями всех владык Заката. Кажется, такое случилось первый раз в истории, если не считать общей войны хайборийцев против Кхарийской империи тысячу триста лет назад.

В дверь стукнули и в полутемном проеме воздвигся гвардеец личной сотни немедийского короля с охраной в пять ликторов. За ними бдительно следили гранды короны Зингары и варвары Конана, заполонившие коридор.

– Счастлив пожелать вашим величествам доброго утра, – устало буркнул гвардеец. – Государь Немедии Тараск Первый Эльсдорф ожидает вас в малой тронной зале.

У меня сжался под грудиной сладенький тугой комочек: мы блефуем, причем блефуем настолько по-крупному, что дух захватывает. В кои-то веки властители Материка объединились, согласились с одной мыслью и подумали не только о самих себе, своих государствах и своей выгоде, а о самом величайшем божестве, властвующим над миром с самого мига сотворения – о Законе и воздаянии за беззаконность. Полагаю, Тараск никак не мог предположить, что радостная церемония коронации, планируемая на ближайшие дни, обернется для него эдаким... эдаким грандиозным провалом! Позор, о котором будут помнить столетия спустя, даже если его право на трон будет неоспоримо доказано.

Говорить поручили герцогу Просперо, как аквилонскому вице-канцлеру и первому человеку после короля, наделенному Конаном Канах всеми полномочиями. Я был обязан поддерживать лист перед лицом его светлости. Сам Конан затесался в ряды своего «дикого десятка» и в соответствии со сценарием, разработанным Чабелой Зингарской, ждал своего выхода.

Удивительное зрелище. Такого, пожалуй, никто и никогда впредь не увидит. Никаких свит, блестящих гвардейцев, церемониймейстеров... Просто по парадной лестнице Бельверусского замка парами поднимаются короли и королевы, великие герцоги и визири – уставшие, полусонные, но донельзя довольные долгой ночной работой. Никто не спорит, кому идти первым. Чабела вообще плетется в самом хвосте, поддерживая тяжелые юбки кринолина и о чем-то споря с Эртелем – наследник трона Пограничья заявился к самому утру и мигом завоевал всеобщую симпатию (насколько я понял, за то, что не спорил, как остальные, а тотчас согласился со всеобщим решением). Похоже, сорокалетней Чабеле, за которой уныло тащился бледный принц-консорт Оливерро, разбитной принц Пограничья приглянулся с первого взгляда.

Малая тронная зала оформлена со всем старанием. Торжественный золотистый мрамор, героические скульптуры, знамена, захваченные в прежних боях немедийцами (я с

неудовольствием заметил несколько аквилонских штандартов, ставших трофеями Трона Дракона), полукругом вокруг трона, в точности копирующего главный символ Немедии из Большой церемониальной залы, расставлены кресла.

Расселись так, как было удобнее. Чабела с Эртелем, потом ее грустный невыспавшийся муж; свежая, как утренняя заря, Тарамис, толстый визирь императора Ездигерда...

Отсутствовал только Балардус Кофийский. За ним посылали, однако посланец Чабелы вернулся с категорическим отказом кофийского правителя принимать какое-либо участие в развернувшейся вокруг Трона Дракона драме и подтверждавшим его неколебимое решение считать Тараска Эльсдорфа законным правителем Немедии.

Итак, мы ждали выхода Тараска.

Гвардейцы бросили мечи «подвысь», три раза ударил барабан, горны вострубили нечто неопределенно-торжественное, и вот из бокового прохода показался Тараск Эльсдорф в сопровождении двух капитанов войска и худощавого человека в черном балахоне – один из волшебников, которых я видел сегодня ночью в коридоре. Аррас.

Тараск кивнул всем и никому одновременно, легко взбежал по ступеням трона, устроился на сиденье, положил руку на скипетр, помолчал и наконец глухо проговорил:

– Чем я обязан столь внезапной просьбе о встрече со стороны досточтимейших гостей моего государства?

Как я завидую Просперо! Этот холеный темноволосый красавчик, не будь Конана, наверняка стал бы выдающимся королем Аквилонии! Сдержан, подтянут, свеж, невозмутим, одежда безупречна, оружие начищено. Знает себе цену и цена эта неизмеримо высока.

Просперо встал с кресла (хотя прочие при выходе Тараска остались сидеть, что было проявление крайней невежливости по отношению к королю), я подбежал сзади и развернул перед герцогом огромный пергамент, увешанный печатями, словно Зимнее дерево праздника Йуле – разноцветными деревянными игрушками.

– Почтеннейше прошу, – отлично поставленный голос герцога разнесся под сводами Малой тронной, – выслушать решение совета королей Заката, принятое нынешней ночью.

– К кому ты обращаешься, герцог? – вроде бы спокойно, но не без дрожи перебил Просперо Тараск. – Кого именно ты просишь выслушать данное обращение? Короля Немедии или, например, во-он того гвардейца?

– Я прошу выслушать это обращение человека, называющего себя Тараском Эльсдорфом, – Просперо даже выражения лица не изменил, хотя в голосе возможного узурпатора явственно прозвучала угроза. – Итак: *«Мы, волею богов и народов наших стран, монархи государств Заката и представители иных венценосцев, требуем от Тараска Эльсдорфа, принца короны Немедии, ответов на следующие вопросы.»*

Первое. Действительно ли обвинения, предъявленные тебе от имени Ольтена Эльсдорфа, являются ложными?

Второе. Если мы усомнимся в твоём ответе, мы требуем предъявления доказательств права на трон как с той, так и с другой стороны.

Третье. Именем королевств Заката и Большого совета королей в случае сомнений мы назначаем Великий суд, который и решит дело о престолонаследии в Немедии.

Четвертое. Мы требуем созыва высшего дворянского собрания королевства Немедия, ибо только оно может одобрить или не одобрить наше решение, ибо таковое решение не окончательное и может быть обжаловано только у Высшего совета дворянства и богов...»

– Герцог, ты в своем уме? – Тараск аж поднялся с трона, но Просперо и бровью не повел,

продолжая размеренно читать:

– «Если данные предложения не будут приняты и на вопросы не будут даны развернутые и истинные ответы, короли Заката вправе покинуть Бельверус нынешним же днем, что будет означать непризнание коронации принца короны Тараска действительной с точки зрения межгосударственных уложений, освященных традициями. Если принц короны Тараск осмелится задержать кого-либо из подписавших сей ордонанс, то по взаимному соглашению все государи, подписавшие данный пергамент, объявляют войну королевству Немедия, а протектораты Коринфия и Замора выходят из-под сени скипетра Драконьего Трона на правах независимых королевств».

Просперо сделал коротенькую паузу, чтобы перевести дух, а я взглянул на Тараска, увидев, что кожа на его лице приобрела неопределенный беловато-синий оттенок. Ничего себе, война со всем Закатом! Да еще и с Тураном! Это самоубийство!

Просперо снова набрал в грудь воздуха и выдал последние строки:

– «Совет королей Заката, дабы соблюсти древние законы, настоятельно рекомендует Тараску Эльсдорфу встретиться с людьми, называющими себя приверженцами принца Ольтена и назначить независимых от государства свидетелей, которые установят подлинность личности человека, называющего себя принцем Ольтеном, тем самым решив судьбу государства.

Совет королей предлагает в качестве таковых свидетелей близкого друга Ольтена Эльсдорфа киммерийца Коннахара Гленнаха, протектора Заморы Аластора Кайлиени и двух волшебников – придворного мага Немедии Арраса и Тотланта из Пограничья, каковые с помощью дарованного свыше искусства волшебства смогут выяснить происхождение человека, называющего себя Ольтеном. Таковым свидетелям предписывается незамедлительно выехать в полуночные области Немедии, а затем ждать на обусловленном Ольтеном месте встречи возле замка Демсварт в двадцать пятый день нынешней луны.

Подписано собственноручно:

*От имени короля Аквилонии – герцог и вице-король **Просперо Пуантенский,***

*Королева **Чабела I Зингарская,***

*Принц-консорт Зингары и вице-король **Оливерро,***

*Король Пограничья **Эрхард I Оборотень** и наследник трона принц **Эртель,***

*Королева Хаурана **Тарамис II Аскаур,***

*Король Бритунии **Альбиорикс I,***

*Наследный принц Аргоса **Ариостро,***

*Соправители Хорайи **Коссус** и **Ясмела,***

*Великий визирь императора туранского Ездигерда **Альгалиб Сайбениль,***

*Великий протектор Заморы Аластор **Кайлиени,***

*Великий протектор Коринфии герцог **Сальвикс**».*

Гробовое молчание. То, что сейчас происходило в малой тронной зале дворца короны, можно со всей ясностью и точностью поименовать «немой сценой». Один лишь Просперо сохранял демонстративное самообладание. Он деловито отстранил меня вправо, и, пока я скручивал пергамент, грозивший войной всему Материку, провозгласил:

– Прошу выйти сюда назначенных Советом королей посланников!

Первым на середину выбрался Конан и с самым независимым видом встал, поблескивая аметистами на рукояти своего великолепного клинка. Мелкими шажками к нему подошел Тотлант. Затем, повинувшись безвольному жесту Тараска, к ним присоединился волшебник Аррас, постоянно косившийся на Конана с опаской. Аластор, нарочито громко стуча подошвами по каменным плитам пола, оказался четвертым и последним.

– Я... Я могу верить лишь своему придворному магу, – набравшись сил, заявил Тараск. – Остальных я не знаю.

– Зато «остальных» знают все короли Заката, – отрезал Просперо. – Положение тяжелое, месьор Тараск, и в твоих интересах разрешить его как можно скорее. Если дело обернется – а я в этом не сомневаюсь! – в твою пользу, все государи и государыни принесут тебе самые почтительные извинения. И еще. Ради нашей безопасности (Просперо обвел широким жестом всех собравшихся в зале королей) я с гонцом, отосланным вскоре после полуночи, приказал шести кавалерийским тысячам Аквилонии подойти к границам Немедии и занять перевалы на Немедийских горах.

– А я, – внезапно встала Чабела, – отправила голубиной почтой сообщение, чтобы боевой флот Зингары с пятнадцатью тысячами щитников поднялся к истокам рек Тайбора и Красной. Месьор Тараск, я думаю, можно понять – это только лишь предосторожность.

– Я тоже отдал приказ, – тяжело поднялся Эрхард, а рядом с ним встал могучий Альбиорикс, король Бритунии, – рубежи Немедии и Пограничья будут закрыты, как только почтовые соколы доберутся до места назначения. То же самое сделал мой царственный брат Альбиорикс.

Бритунийский богатырь молча кивнул.

Просперо осмелился на наглость, которую никогда не допустил бы во дворце Конана: запросто поднялся по ступеням трона, нагнулся к уху бледного Тараска и прошептал настолько громко, чтобы расслышали все:

– Господин, это не война. Всего лишь неприятный казус. Какая разница, станешь ты королем сейчас или через десять дней? Зато будет установлена истина.

Тараск молча встал, оттолкнул герцога, быстро пошел к выходу, но перед самой дверью остановился, повернулся к нам и срывающимся голосом произнес:

– Так или иначе, вы – мои гости. Никому не будет принесено никаких убытков или поношений. Я подчиняюсь вашему решению. Однако помните – вы в Немедии. И Немедия – чужое для вас государство.

Мой взгляд случайно скользнул по Конану, и я заметил, как киммериец мне подмигнул.

«Вот так Чабела!»

Но яростные молнии, которые Тараск метнул глазами на Конана, дали мне ясно понять – маскарад с «тупым киммерийцем» окончательно провален. Тараск либо догадался, либо его осведомили...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Записки волшебника – II

«Тонкое искусство клеветы»

Бельверус, Немедия.

14 день Второй весенней луны.

Редкостная удивительность нынешнего положения кроется в том, что в Немедии сложилось невероятное, невиданное прежде троевластие. С одной стороны, государственные управы подчиняются вроде бы законному (а вроде бы и нет...) монарху, Тараску Эльсдорфу, с другой – на Соленых озерах установилась вроде бы незаконная (а вроде бы и законная?) власть Ольтена, младшего сына Нимеда, а с третьей – Немедией ныне управляет (причем совершенно незаконно!) Совет королей, отдающий распоряжения Тараску. Всем понятно, что долго поддерживать устойчивость эдакой шаткой пирамиды невозможно, и дело закончится либо к взаимному удовлетворению сторон и наказанию виновных, либо к большой беде наподобие всеобъемлющей войны. Война же означает полное нарушение торговых связей, мое любезное Пограничье окажется в изоляции от Полудня, караваны смогут приходить лишь по бритунским и аквилонским трактам, купцы разумно отложат поездки на Полночь до лучших времен, все перегрызутся между собой, в возникшем хаосе кто-нибудь непременно затеет варить собственное зелье и добиваться частных целей, не имеющих ничего общего с установлением справедливости, ради которого и затевалась эта авантюра.

А тут еще и ксальтоун какой-то...

Понятия не имею, что означает это странное слово. В языке Изначальных альбов, который я выучил в Пограничье посредством старательного штудирования книги «Кэннэн Гэллэр», существует корень «кхал» или «ксал», который затем переняли и кхарийцы. «Ксал» – очень сложное понятие, обозначающее и течение времени, и направление, и повеление, и еще один Нергал знает что. Теоретически, наполняя водой клепсидру и заводя ее механизм, я совершаю «ксал», то есть моя деятельность связана со временем, направлением стрелок и желанием узнать, какое сейчас время суток.

Может быть, «ксальтоун» – это часовщик? Мастер-изготовитель клепсидр-курантов? Сет Змееликий, бред какой...

Кого бы спросить? Какую бы книжку почитать? Как бы во всем этом разобраться? И замечу: загадочный ксальтоун обитает где-то в Бельверусском замке и Конан его даже видел! Пойти самому поискать, что ли? Обнаглевших послов (фактически узурпировавших у Тараска верховную власть), по приказу Чабелы, принявшей командование над дворцовой стражей на время до выяснения всех обстоятельств дела о престолонаследии, пускают куда угодно, кроме личной сокровищницы немедийских королей, хранилища тайных документов и покоев самого Тараска.

Утро миновало, наступил день. В главной церемониальной зале возле Трона Дракона на нижней ступеньке возвышения поставили большое и удобное кресло для королевы Чабелы Зингарской – эта изумительная энергичная женщина мигом взяла управление дворцовыми делами в свои руки. Если быть предельно честным, то в настоящий момент Чабела является и королевой Зингары, и чем-то вроде правящей регентши Немедии. Разобиженный и

оскорбленный до глубины души вероломством «царственных братьев» Тараск заперся в полуночном крыле замка, а на вопросы придворных и канцлера отвечал: «Спрашивайте у Чабелы и Просперо!»

Я покинул тронный зал как раз тогда, когда немедийский канцлер Эрдрик Грей явился к Чабеле с докладом о налоговых сборах. Чабела быстро просмотрела документы, продиктовала что-то канцлеру и приказала отнести на подпись Тараску.

– Это не дворец, это сумасшедший дом! – пожаловался Эрхард, встретившийся мне на главном дворе. – Зингарская стерва всеми командует, забрала нашу охрану и поставила Веллана с компанией оборотней охранять библиотеку, распоряжается, как у себя дома... А вокруг бродит дюжина королей и великих герцогов, не понимающих, в какой стране они оказались! Кстати, слышал, Чабела первым делом составила от лица Тараска указ о переносе коронации. И что ты думаешь, Тараск подписал! Во дела!

– А остальные где? – спросил я.

– Конан с Аластором собираются к отъезду на Соленые озера, Эртель пошел по бабам...

– Каких именно баб имеет в виду Ваше величество?

– Тарамис с фрейлинами. Наследничек решил поближе раззнакомиться со знаменитой королевой Хаурана. Вероятно, надеется, как и Конан некогда, урвать кусочек сладкого пирога. Аргосский принц развлекается в городе, Балардус Кофиец безвылазно торчит в посольстве. Видимо, чует, что запахло жареным. Если Балардус и его приближенные действительно замешаны в последних событиях, то решения Совета Королей для него будут похуже, чем удар серпа по известному месту. Когда – и если – мы докажем влияние Кофа на Тараска и стремление правителей Хоршемиша подмять под себя такую огромную империю как Немедия... С Балардусом никто не станет иметь дел, а беднягу Тараска вздернут вниз головой при большом стечении зевак и любопытных. Как тебе такая картина?

– Какие мы все-таки мерзавцы, – я сокрушенно покачал головой. – Приехали, испортили человеку праздник, устроили что-то вроде переворота, грозимся войной...

– Ага, и при этом нахально живем за его счет, – хохотнул Эрхард. – Пойду-ка я с визитом. Король я или кто? Королям положено ходить с визитами.

– И кого ты намереваешься осчастливить своим присутствием?

– Да есть тут одна... Офирская графиня. Приглашала на завтрак. Очень красивая женщина.

Я нахмурился, припоминая. Ну да, Клелия Кассиана дия Лаурин из Ианты. Чем-то похожа на Чабелу, только формы попышнее и волосы светлые.

– Желаю успеха, – кивнул я Эрхарду. – Нож держат в левой руке, вилку в правой, в салфетки не сморкаются, запомнил?

Увернувшись от королевского подзатыльника, я отправился гулять дальше.

«Все делом заняты, к девочкам ходят, политику крутят, – огорченно думал я. – Один Тотлант неприкаянный. Ксальтоунов тут, понимаешь, ловлю. Может, плюнуть на все и пойти полюбезничать с Зенобией? Маг – он тоже человек! Веллан, небось, давно... Стоп! Веллан же распределен в стражу библиотеки! Ох, сейчас поживлюсь!»

Я аж заурчал от предвкушения. Мне выпал изумительный шанс сунуть нос в королевскую библиотеку Немедии. Ведь именно в Бельверусе ведутся знаменитые «Немедийские Анналы» – исключительно древняя и очень подробная летопись! А книги по волшебству? А по истории? А по лекарскому искусству? А военные трактаты? Да будь моя воля, я бы в этой библиотеке поселился на всю оставшуюся жизнь!

– Здравствуй, милый Веллан! – я со змеиной улыбкой подкрался к дверям книгохранилища, располагавшегося в отдельном флигеле замка. – Тебе тут не скучно?

Веллану сотоварищи скучно не было. Он сам и десяток оборотней из охраны Эрхарда громогласно играли в кости под присмотром унылого немедийского офицера. Бедняга выглядел примерно так, как должен выглядеть всякий цивилизованный человек, дом которого захватили варвары.

– О, питон стигийский приполз! – радостно заорал Веллан, одновременно кидая кости. – Садись, сыграем с нами!

– Веллан, ты меня знаешь, я в кости не играю, – я вызывающе покосился на тяжелые бронзовые двери библиотеки. – Мне бы книжечку почитать...

– А что дашь? – ухмыльнулся оборотень. – Бесплатно не пущу!

– Хочешь, с королевой Тарамис познакомлю? – предложил я. – Она тебе понравится. Или нет, вот, хочешь монетку?

Я всунул в ладонь Веллана дешевенький серебряный талер с профилем старого Нимеда и бочком-бочком направился к библиотеке.

– Посещать книгохранилище дозволено только по личному разрешению короля или его светлости Арраса! – вздыбился немедиец, пытаясь загородить мне дорогу, но мигом сник, заслышав звериный рев Веллана:

– Именем Чабелы Зингарской и Совета королей! Пропустить!

Немедиец поперхнулся воздухом и отошел. В глазах у него стояли слезы. Он явно полагал, что великая Немедия рухнула навсегда. А оборотни наши – молодцы, быстро усекли, кто теперь хозяин во дворце.

Вот и библиотека. М-да. Халька сюда лучше не пускать, немедленно удавится от зависти, прямо на дверном косяке. Видимо, старый Нимед выделял на нужды книгохранилища столько же денег, сколько и на армию. Три этажа! Бесконечные стеллажи книгами и свитками! Путевые карты! Планы неизвестных и неисследованных земель! Бытоописания народов Материка! Труды географов, астрологов, риториков! Порядок идеальный, нигде не пылинки. Книги расставлены по буквам и по тематике – вот пожалуйста, гигантский шкаф, набитый исключительно рукописями, посвященными схоластическим учениям, возникавшим в разные времена вокруг митрианской религии.

Истинная сокровищница человеческого духа! Только, как и человеческий дух, крайне запутанная. Заблудиться в библиотеке можно запросто. Ну-ка, давайте посмотрим возлежащий на отдельной стойке каталог книг. Может быть, найдем что интересное. В свете последних событий меня весьма интересуется наидревнейшая магия до-человеческой эпохи. Пожалуйста, пресловутый «Кэннэн Гэллэр». У них тоже есть список! Вот «Демонология и наука колдовства», вот книга «О способах проникать сквозь время и пространство». А это что такое?

У меня сердце захолонуло. В разделе каталога, посвященного магии, обнаружилась такая строка: «Ксальтоун. Сочинения о некромантических опытах валузийских магов». Рядом указывалось местонахождение – восьмой проход, двенадцатый шкаф, вторая полка сверху. Ура! Я нашел Ксальтоуна! Но вот вопрос – я нашел Ксальтоуна или ксальтоуна? То есть человека, носящего такое имя и сочинившего книгу, или сочинение, повествующее о сути ксальтоунов, о том кто они такие, откуда берутся, куда деваются, как можно стать ксальтоуном и можно ли вообще?

Идем искать восьмой проход и двенадцатый шкаф.

Я горько разочаровался. Не менее полуоборота клепсидры блуждал по пустой библиотеке, копался в означенном шкафу, но книги на месте не обнаружил. Кто-то аккуратно изъясил ее задолго до моего появления. Я огорченно вздохнул, отряхнул руки от пыли и вдруг вздрогнул, ощутив на себе чей-то взгляд. Точнее, не взгляд. Моего лба словно бы коснулись мягкие перышки цыпленка или кисточка с беличьего хвоста. Мысли внезапно начали путаться.

Ясно – действует заклятие Ключа, причем очень мощное. Кто-то желает узнать, что за гость явился в королевскую библиотеку и с какими целями.

Отлично, сейчас он у меня получит!

Стараясь не подавать виду, что обнаружил постороннее воздействие, я прошептал положенные слова и отослал чужое заклинание назад, к создателю, так, чтобы оно ударило его посильнее, заодно раскрыв сущность противостоящего мне колдуна. Придворный маг Аррас, что ли, балуется?

И тут меня будто ослепило. Волшебная мысль, спроецированная на неизвестного супостата, наткнулась на ярко-багровый, неодолимый барьер, настолько мощный и непроницаемый, что я похолодел. Рядом со мной находился маг, многократно превосходящий меня по уровню знаний и волшебной силе.

Неосязаемый удар в грудь, и вот я пыльной вороной лечу между книжных шкафов, больно стучаюсь спиной об обшитую черным деревом стену, пытаюсь встать, но меня все сильнее и сильнее давит к земле. Будто мешок с мукой сверху бросили. С трудом подняв взгляд, я осмотрелся, ойкнул и от неожиданности даже дышать забыл. Всего в нескольких шагах от поверженного Тотланта стоял... Стояло... Оно! То самое существо, которое Конан, Хальк и Аластор мельком видели вчера вечером. Изумительный красный наряд, переливающийся при каждом движении, темно-красная маска дракона, длинный посох... А при чем тут, простите, звезда Роты-Всадника, нашитая на хламиде?

Что же за времена такие наступают? Почему этот проклятый символ попадается мне на глаза все чаще и чаще? Неужели Рота, великое божество Полуночи, Поверженный Всадник, возвращается в наш мир из небытия, из-за Грани?

Существо в красном по своей природе наверняка относилось к людям – две руки, две ноги, голова. Но уж больно высок. Или мне так кажется потому, что я валяюсь на полу, а он громоздится надо мной?

– Тебе неверно кажется, – громко сказали мне по-стигийски. Боги, он копается в моих мыслях! Вон из моей головы!

– Изволь, – прохрипело из-под маски, и я почувствовал, как спутывающие мой разум заклинания тают. – Хочешь, малыш, я дам тебе всего один полезный совет? Если хочешь прожить долгую и счастливую жизнь, уезжай в обратно Пограничье, если уж ты выбрал полуночную страну своим домом. Не суйся в дела, в которые даже я побаиваюсь соваться.

– Ты кто такой? – хрипло выдавил я. – Ксальтоун?

Фигура медленно кивнула.

– Ксальтоун – это твое имя?

– Скорее, сущность. Или, если тебе будет проще понять – род занятий. Тотлант, уезжай. Уезжай скорее.

– Мы разве были прежде знакомы?

– Возможно. Поднимайся и уходи.

– Постой, постой, еще один вопрос! – взмолился я. – Почему ты и многие другие носите

белую звезду в красном окоеме? Знак Роты?

– Потому что Алое Сияние, залившее Немедию, принадлежит Роте-Всаднику.

Он развернулся и, тихо ступая по половицам, ушел в глубину библиотеки, скрывшись за стеллажами. Заклятья наконец перестали действовать, я, кряхтя, поднялся и заспешил к выходу. Вывалился, тяжело дыша, в караулку, где хохотали Веллан с дружками, вызвав у них веселое недоумение.

– Посмотрите, до чего доводят книги, – соболезнующе сказал Веллан, озирая мой бледный вид. – Как вы, волшебники, вообще на свете-то живете? Тотлант, ты что, в библиотеке привидение увидел?

– Отвяжись, – я поморщился и, прихрамывая, направился к лестнице во двор.

Привидение? Нет, хуже! Поздравляю, охотник за ксальтоунами! Своего ты добился. Зато теперь можно смело утверждать: то, что называет себя «ксальтоуном» – очень сильный и знающий маг, каким-то образом связанный с тайной пресловутого Алого Сияния.

* * *

– Магия хороша на расстоянии броска топора!

Эту историческую фразу Конан ввернул немедленно после моего рассказа об импровизированной погоне за ксальтоуном, причем рассказа довольно сбивчивого. Собрались только аквилонцы – Хальк, Просперо и сам Конан.

– Да, описание совпадает с тем, что мы наблюдали вечером, – обеспокоенно согласился барон Юсдаль. – Странная красная одежда, маска, посох... Говоришь, он задавал вопросы по-стигийски?

– Да, – кивнул я. – Но мне кажется, что к Черному Кругу Птейона, которым командует Тот-Амон, этот человек не имеет никакого отношения. В Стигии множество наречий. Треклятый ксальтоун говорил с луксурским акцентом. Я сам родился в Луксуре, поэтому знаю.

– Постойте-ка... – Конан выругался столь замысловато, что мы не поняли и половины из речений варвара, прошелся, как тигр, из угла в угол, нахмурился и вдруг сказал такое, от чего у меня дыхание перехватило: – Стигиец, луксурский акцент, утверждает, будто «ксальтоун» – его сущность, а личное имя – Менхотеп. Тотлант, как тебя зовут? А смысле, полное родовое имя?

– Тотлант, сын Менхотепа, сына Птеоса, из Луксура, – немедленно ответил я и закашлялся. Кажется, я понял, на что намекнул Конан.

– Мало ли в Стигии Менхотепов! – наконец промычал я. – Имя распространенное, особенно в среде магов. Конан, неужели ты полагаешь...

– Я не полагаю, я создаю версию происхождения, – с апломбом заявил король. – И вообще, детям лучше знать своих родителей. Этот мужик был похож на твоего отца?

– Ты рехнулся! Менхотеп, мой дражайший родитель, волшебник, владеющий стихиями пустыни! Конечно, он высокого роста, но эта орясина выше Менхотепа Луксурского самое меньше на четыре пальца.

– Обувь с высоким каблуком, – пожал плечами Хальк. – И вообще, что вы пристали к

Тотланту? Разве он не мог не узнать собственного отца? Здесь другое... Тотлант, ты утверждаешь, будто виденный тобой ксальтоун – исключительно одаренный маг. Предположительно, стигиец.

– В равной степени он может быть шемитом, кешанцем или уроженцем Пунта, – проворчал я. – Сам слышали, имя распространенное. Акцент Луксура он мог приобрести, например, долго проживая в городе. Ксальтоун посоветовал мне, а, следовательно, и всем нам, немедленно уезжать. Он как-то связан с древним культом Роты-Всадника...

– У-у-у! – в один голос возмущенно загудели Конан и Хальк. – И этот туда же! Какой Рота? Какой всадник? Мумифицированный призрак восьмитысячелетней давности! Оставьте глупые страхи!

Конан поморщился и добавил:

– Похоже, тебя очень сильно напугали. Только не говори, что намерен отказаться от поездки на встречу с Ольтеном!

– С удовольствием бы отказался! – горячо воскликнул я. – Если там опять появится Алое Сияние, я этого не вынесу! Я же волшебник! Воспринимаю колдовскую мерзость гораздо острее любого обычного человек! Тебе, Конан, было бы приятно оказаться в самом сердце кузнечного горна? Вот и сравнивай!

– Вот что стоит предпринять, – решительно заявил герцог Просперо, – мы сейчас возьмем самых волосатых и немых киммерийцев из отряда Бриана Майлдафа – для пущего устрашения! – пойдем к Тараску и вытрясем из этого недоделанного короля все возможные сведения. Начнет вилять – припугнем Тотлантом. Ты ведь знаешь различающие ложь заклинания?

– Знать-то знаю, но у Тараска свой маг...

– Именно что свой! – воскликнул Конан. – Я с Аррасом встречался лет пятнадцать назад, и он уже тогда был изрядным скотом!

– Вы ксальтоуна в расчет не берете? – вмешался Хальк. – Надо полагать, ксальтоун служит Тараску и может использовать свою, как утверждает Тотлант, огромную магическую силу против нас. В таком случае от вашего заклинания распознавания правды останется один пшик!

– Боюсь, это не ксальтоун служит Тараску, а вовсе наоборот, – мрачно заключил Конан. – И Мораддин мне писал, будто в Бельверусе пустило корешки чужое волшебство. А ведь Просперо прав – прихватим Тараска за жабры и заставим открыть правду! В том числе и про ксальтоуна! И не надо мне говорить, что это нарушение этикета, куртуазии и прочих дурацких условностей!

Мы не пришли ни к какому соглашению только потому, что...

– Герцог! – в дверь, буквально как камень из пращи, влетела Флана, первая камеристка королевы Чабелы. – Ваша светлость, помогите! Королева просит вас немедленно придти в малый церемониальный зал! Там скандал!

– Начинается... – Просперо закрыл лицо ладонями. – Кажется, наша зингарская приятельница доигралась в увлекательную забаву «быть королевой Немедии». Госпожа, что стряслось?

Флана лишь разрыдалась и настойчиво повлекла герцога за собой. Хальк махнул мне рукой – пойдем, глянем. Уставший Конан остался в комнате, собрать вещи для путешествия на Соленые озера. Местные скандалы его не интересовали.

Зрелище нашим глазам предстало, мягко говоря, феерическое. Это действительно был

скандал – громкий, яростный и многоголосый. В центре зала мы обнаружили бледного и дрожащего принца Оливерро, мужа Чабелы Зингарской, каковой находился под стражей здоровенных ликторов дворцовой охраны в немедийской синей с черным форме. Принц пытался в чем-то оправдываться, рядом с ним голосила встрепанная красotka в шелках, бархате и бриллиантах, с распущенными волосами и кровавыми царапинами на щеке. Офицеры немедийской гвардии, охранники посольств, временно занявшие посты в замке короны Бельверуса, и все, кто случайно оказался неподалеку, включая королеву Тарамис и аргосского принца, вернувшегося из города, не без злорадства наблюдали за бушующим штормом.

– У меня безупречная репутация! – надрывно вопияла поцарапанная красotka, да так, что хрусталики высоко под потолком на люстрах позванивали. – Я мать двоих детей! В конце концов, я баронесса, мой муж приближен к трону! Он советник короля!

– Какого, интересно, короля? – с ухмылкой шепнул мне Хальк и уже громче спросил у кого-то из немедийцев: – Любезный, в чем, собственно, дело? Почему все так кричат?

– Его зингарская светлость, принц-консорт, – надменно ответил офицер гвардии, – подступался к баронессе Лорето с неприличными предложениями. Получив отказ, взял ее силой.

– Ой-е... – удрученно выдохнул Хальк. – Баронесса, как я полагаю, подданная Немедии?

Хальк полагал правильно. Попутно выяснилось, что обещенная дама немедленно бросилась жаловаться на хамство, вероломство и грязные домогательства вначале дворцовому управителю, а затем и королю Тараску, подняв немыслимый шум. Когда распоряжением Чабелы госпожу Лорето к Тараску не пустили, обиженная баронесса и закатила представление, кое мы ныне созерцали. Принц Оливерро вяло отнекивался, ворчал, говорил, что его оклеветали и пытаются скомпрометировать, а в комнатах госпожи баронессы он всего лишь пил вино и рассуждал с ней о морских путешествиях.

Вот так. Конечно, Оливерро – принц, супруг самой знаменитой монархини континента, но оскорбление дамской чести не прощается даже самым высоким особам.

На сцене появилось новое действующее лицо, которое в пьесах лицедеев всегда обозначается как «разъяренный муж». Вот, значит, каковы советнички у короля Тараска. Детинушка ростом локтя в четыре, по ширине плеч Конана превзойдет, рожа зверская...

– Это подстроено, – быстро проговорил Хальк, словно и без комментариев королевского библиотекаря этот факт не был очевиден. – Руку даю на отсечение! Тараск пытается представить нас – то есть Большой совет королей – злонамеренными наглецами, откровенно пренебрегающими законами гостеприимства и пытающимися оскорбить его самого и его страну. Да посмотри ты на принца – Оливерро и мухи не обидит! Верный подкаблучник зингарской королевы! Кстати, где она?

Королева изволила прибыть немедля. Все-таки как действует на людей власть и благородное происхождение! Чабела выглядела спокойно, если не сказать безмятежно, одним жестом руки утихомирила скандал, ласково расспросила пострадавшую баронессу, но с ее муженьком справиться не смогла. Звероподобный тип настаивал на сатисфакции и немедленном поединке, ибо подобные оскорбления смываются лишь кровью, а семейство Лорето не склонно оставлять жизнь своим врагам!

– Согласен! – неожиданно громко и несколько истерично заявил Оливерро. – Прямо здесь и прямо сейчас! Пусть судьбу этого казуса решит меч!

– Что-то слишком много казусов развелось за последние сутки, – вполголоса заметил

Просперо и оценивающе посмотрел на мужа Чабелы. – Рохля, конечно, но клинок в руках удержит.

– Если принца убьют, Чабела в отместку разнесет Бельверус по камешку, – опасливо добавил я.

– Оливерро никто не собирается убивать, – отмахнулся герцог. – Его изрядно попинают, поставят несмываемое пятно на имени самого принца, а через него – на королеву. Вывод очевиден? Над королевским родом Зингары будут смеяться до скончания века. Тараск весьма тонко отомстил нашей зингарской подружке.

– Утихомирьтесь же, месьоры! – Чабела раздраженно притопнула каблук атласной туфельки. – Уважайте мой титул! Если барон и баронесса Лорето почитают себя оскорбленными, они получают требуемое возмещение. Однако по законам поединков в дуэли не может участвовать человек, носящий королевское звание. Господа гвардейцы, освободите моего мужа!

Немедийцы неохотно отошли в сторону. Чабела решительно продолжала:

– Вместо принца-консорта Оливерро может выступить любой дворянин как из подданных Зингары, так и обитателей других стран. Я предлагаю благородным месьорам постоять за честь моего государства, ибо на мой взгляд, произошла невероятная ошибка!

Зингарка глянула на своего мужа так, что я сразу понял: Чабела ни единого мгновения не верила в истинность спектакля с «изнасилованием», ибо не могла представить своего благоверного в роли похитителя чести матери двоих детей, баронессы и жены советника. Настолько тихий и безобидный человек, как Оливерро, может, самое большее, невинно флиртовать с фрейлинами и украдкой щипать служанок за задницы.

– Сделать, что ли, красивый жест? – ни к кому не обращаясь, спросил герцог Просперо и шагнул вперед, вытягивая меч из ножен. Мысленно я посочувствовал господину барону – Просперо отличный мечник и, как мне тотчас насплетничал Хальк, частенько побивал даже Конана в потешных поединках. Так что за исход сражения можно не волноваться.

Чабела красивый жест заметила, благосклонно кивнула герцогу, но в этот момент за оружием потянулись все находившиеся в зале зингарцы, а наш пуантенец получил словесную оплеуху от звероподобного барона Лорето:

– Аквилония, теперь, как видно, стала провинцией Зингары? И король ваш, как всем известно, симпатизирует Ее величеству. В весьма известных смыслах.

Просперо налился багровой краской, но все-таки сдержался, бесстрастно ответив:

– Сударь, только что вы оскорбили не только монархиню и женщину, но и моего короля. Если его высочество принц выберет не меня, я вызываю вас на следующий поединок, буде вы останетесь живы.

Чабела послала Пуантенскому Леопарду благодарный взгляд, и тут откуда-то возник старый приятель Конана, Аластор из Шадизара. Странноватый он человек, этот заморийский протектор. На первый, поверхностный взгляд – нечто среднее между расчетливым торгашом и дамским угодником, на второй в Аласторе ощущается явственное присутствие некоего потаенного магического сияния. Такого, какой испускают могущественные талисманы или люди, от рождения имеющие талант к волшебству, вроде провидцев или знахарок. Но раз уж Конан ему доверяет...

– Надеюсь, никто не скажет, что я бегаю за королевами? – чуть вызывающе осведомился замориец, неторопливо извлекая из ножен необычный клинок – длинный, тонкий, больше подходящий для колющих, чем для рубящих ударов. – Отлично, значит, все присутствующие

согласны с тем, что ваш покорный слуга – человек незаинтересованный. Просто я очень не люблю, когда неумело врут.

Аластор метнул презрительный взгляд растрепанной баронессе. Сбросил темно-фиолетовый колет, под которым скрывалась ослепительно белоснежная кружевная рубашка. Отсалютовал мечом барону Лорето, поклонился, коротко бросив:

– Я, Аластор Кайлиени, буду защищать честь короны Зингары. Обороняйтесь, сударь.

Чабела снова лучезарно улыбнулась, собравшиеся в зале дворяне расступились, образуя широкий круг... Первый обмен выпадами произошел настолько стремительно, что я даже не успел заметить, когда и как взметнулись клинки. Признаться, я не очень люблю грубую силу, я же волшебник, а не боец. Но иногда мне доставляет удовольствие посмотреть, как дерутся на мечах настоящие мастера – когда у нас в Вольфгарде Веллан и Эртель проводят учебные бои отрядов порубежной стражи, я всегда прибегаю понаблюдать.

Господин барон оказался тяжеловеснее Аластора, но замориец был гибче, подвижнее и очень умело оборонялся. На левую руку Аластор накрутил короткий бархатный плащик, используя его полы для отвлечения противника, двигался легко, с грацией семнадцатилетнего юноши, и все мощные, но бестолковые удары барона Лорето с невыразимым изяществом парировались, отводились в сторону, а чаще просто пропадали втуне – Аластор не давал лезвию приблизиться к телу даже на ладонь.

Я оглянулся на шум и заметил, что зрителей прибавилось. Явился Тараск со свитой. Аррас, двое незнакомых мне гвардейцев с горшкообразными кофийскими стрижками, несколько ликторов... Мне показалось, что в дверном проеме промелькнула тень ксальтоуна – знакомый алый балахон. Странно...

Поединок меж тем превращался в комедию. Здоровенный барон Лорето начал выдыхаться, его якобы обесчещенная супруга разочарованно вздыхала и сжимала ладони у сердца, принц Оливерро пыжился, Чабела же откровенно рассмеялась, увидев, как Аластор лихо срезал мечом с баронского костюма какие-то золотые побрякушки...

– Барон, всем ясно, что победа осталась за мной, – Аластор внезапно прекратил поединок и отступил на несколько шагов. – Сдайтесь и признайте свою неправоту.

– Убью! – быкоподобно взревел Лорето и взял с места в галоп, занося меч. Аластор отвел удар и самым нежным образом ткнул господина барона в то самое место, что именуется «ниже пряжки». От раздавшегося вопля мужчины поморщились, а дамы прикрыли ушки ладонями.

И все равно барон Лорето, преодолевая боль, поднялся, и исподтишка кинулся на нарочито картинно раскланивавшегося перед благодарной публикой Аластора. Лишь испуганный вздох одной из дам спас заморийского управителя от неминуемой гибели. Аластор развернулся, стремительно выбрасывая перед собой меч, на который Лорето и налетел грудью.

Раздался гулкий шлепок – это испутивший дух поединщик растянулся на мраморном полу. Замориец скорчил недовольную гримасу: он, похоже, и в мыслях не держал надежду прикончить своего противника, намереваясь только хорошенько его проучить.

– Убийство во дворце короля? – я вздрогнул, когда в тишине прозвучал голос Тараска. – Подобное карается смертью!

– Ваше королевское высочество, – Чабела, почуяв неладное, торопливо повернулась к немедийцу. Однако титулование оставила прежним: не «величество», а «высочество». И тем еще больше раздражила Тараска, – Это был поединок, освященный древними традициями...

– Довольно рассуждать о традициях! – сквозь зубы процедил Тараск. – Не минуло и дня, как мое государство превратилось в арену самых невообразимых бесчинств! Смеею заметить, с молчаливого дозволения так называемого Совета королей. Я готов подчиниться вам и соблюсти законы, о которых вы так много твердите, но не могу понять, отчего вы требуете исполнения законов от меня, и смотрите сквозь пальцы на их нарушения, производимые чужими руками! По уложениям Немедии убийство, подчеркиваю – любое убийство! – в королевском дворце карается только смертью. Или ты, королева Чабела Зингарская, в данном конкретном случае хочешь преступить закон?

Чабела смутилась, видя правоту Тараска. Немедиец же взглянул на слегка опешившего Аластора и произнес достаточно громко для того, чтобы его услышал весь зал:

– Моим повелением ты лишаешься титула протектора Заморы и будешь арестован. Гвардия, взять!

– Один момент! – Просперо слегка развязной пружинистой походкой подошел к королеве Зингары, и встал по ее правую руку. – Надеюсь, Тараску Эльсдорфу известно, по какому поводу случился данный поединок? Речь шла о чести дамы и чести принца, которого, я не сомневаюсь, оклеветали. Да, господин Аластор совершил убийство во дворце и должен быть наказан по всей строгости закона. Но, боюсь, Ваше высочество не может лишить Аластора Кайлиени титула, ибо по «Решению семи королей» ты не вправе перемещать и вновь назначать государственных деятелей вплоть до разрешения вопроса о престолонаследии в Немедийском королевстве.

Меня так и подмывало спросить Тараска: «Что, съел?»

Тараск скривился, однако проглотил оскорбление.

Так или иначе, Аластора увели в темницу, ожидать решения судьбы. Замориец не выглядел особо расстроенным или удрученным – подозреваю, ему не раз приходилось оказываться в подобных ситуациях. Заметив в толпе высокородных зевак нашу группку, он украдкой подмигнул и указал глазами на выход из зала, красноречиво намекая, чтобы мы поскорее известили о случившемся Конана.

Потому, когда стало ясно, что скандал временно замят, участники и зеваки расходятся, я, Хальк и Просперо поспешили с нашими безрадостными новостями к аквилонскому королю. Чабела, быстро переговорив с супругом, вернулась в большой церемониальный зал – заниматься бесконечными государственными делами чужой для нее страны.

И все-таки Тараск достиг своего. Королевская семья Зингары публично скомпрометирована. Чабеле и ее мужу нанесена обида, вполне достойная «Решения семи королей», по отношению к Тараску.

Тараск отомстил. Мелко, гадко, но действительно.

* * *

Я сидел рядом с камином в зале, являвшемся парадной комнатой временной резиденции высочайшего посольства Аквилонии, потягивал розовое пуантенское вино, не чувствуя вкуса, и пытался осмыслить все происшедшее.

В голове путалось. Вначале покойный герцог Мораддин поднял панику почти на весь

континент, известив всех близких друзей о некоем Алом Сиянии, появившемся в Бельверусе и окрестностях; потом в вечно стабильной и мирной Немедии, где порядок ставился выше любых других ценностей, начинается истинная свистопляска – бунт, переворот, убийства... Затем, я выясняю, что молодая госпожа Эрде владеет артефактом с магической силой, превосходящей любые известные мне волшебные вещи, и, оказывается, ранее этот камушек принадлежал ксальтоуну, действующему заодно с Тараском...

Это – факты. Но какова подоплека? Ясно, что Тараск, используя чужеродную магию Алого Сияния захватил трон, устранив всех претендентов на власть. Нет! Это не причина, это следствие! Причина – в том камне который носит с собой госпожа Эрде. Внезапно и неожиданно возродилась (или, если больше нравится так – «вернулась») в наш мир древнейшая магия. Вероятно, некто – ксальтоун? – раскопал в древних трактатах сведения о колдовстве эпохи Роты. Узнал, где и как искать Камни, созданные забытым божеством полуночи. И все-таки обнаружил один из них... Главный вопрос: каков принцип действия артефакта? Ни одна магическая вещь не создается просто так, ради развлечения или собственного удовольствия. Каждый волшебный предмет имеет собственное предназначение. У меня, например, есть амулеты распознающие заклинания других волшебников и охранные знаки, способные отпугнуть нечисть, найдется и медальон, создающий жуткие иллюзии, призванные отпугнуть врагов или позволить друзьям распознать, что мои намерения чисты.

Но каков Алый Камень? Только лишь артефакт, применяемый в боевой магии и созданный для уничтожения противника? Скорее всего, нет... Наверняка его силу можно употреблять и в подобных целях, однако я не чувствовал в Камне злой, враждебной силы. Только Великое, Всеохватывающее Равновесие! Мне показалось, что его мощь призвана быть одновременно и стрелкой и плечом весов, удерживающий Черную и Белую чаши. Ничего не понимаю! Мы, маги придерживающиеся той тонкой алой грани, что является рубежом между Тьмой и Светом (ибо и та и другая стороны по своему не правы и излишне агрессивны) никогда не создавали могучих волшебных изделий, ибо любая чрезмерная сила нарушает почитаемое нами Равновесие. Так, как в случае с Камнем Даны Эрде. Девушка использовала Алую, Срединную мощь в своих целях и часть Равновесия тем самым превратилась в Добро, а часть – в Зло! Добро баронесса Эрде сделала для самой себя и своих союзников, но причинила зло защитникам городка Эвербах... Дана использует силу Равновесия в своих целях, а никакой человек не знает, в чем Белое, а в чем – Черное... Да, у молодой баронессы благие намерения, но ведь существует отличная поговорка о том, куда могут таковые намерения завести.

От грустных мыслей меня отвлекло явление Совета Королей почти в полном составе. Рано или поздно мне придется высказать владыкам Заката все накопившиеся соображения, и посмотрим, какие решения короли и королевы примут тогда.

Признаться, я боюсь. Любой человек боится чужого, непознанного и непознаваемого. По крайней мере в истории с Хозяином Небесной горы и Зеленым огнем мы знали с кем бороться, видели противника перед собой и знали его слабости.

Как бороться с новой напастью, обрушившейся на Закат, я не представляю. Ибо не ведаю, что она такое...

– Ну те-с, ваши державные величества, и как прикажете поступать дальше?

Чабела, шурша парчовыми юбками очаровательного платья цвета морской волны и посверкивая бриллиантами диадемы, ожерелья и браслетов, напоминала чересчур раздраженную ювелирную лавку, по каким-то причинам сорвавшуюся со своего места и накручивавшую круги по большой гостевой комнате, в которой жили аквилонцы. Зингарка безапелляционно заявила, что она невероятно расстроена, оскорблена и пребывает во гневе, а значит – вскоре кому-то не поздоровится.

На мой взгляд, Чабеле стоило бы слегка успокоиться и расслабиться, благо способов множество – например, можно избрать простейший и самый легкодоступный в виде «приватной аудиенции» Конану, который замечательно умеет успокаивать буйствующих женщин. Но, поскольку Чабела плотно вошла в роль вершительницы судеб Материка, времени на посторонние милые развлечения у нее не оставалось.

Большой совет созвали вечером. Балардус Кофийский, как всегда, не явился, хотя его приглашали весьма настойчиво. В ответном письме кофиец недвусмысленно заявил, что не собирается вмешиваться в дела Немедийской монархии, нежная дружба с которой дороже ему, Балардусу, собственной короны. После чего Балардус был обозван «рenegатом», «отщепенцем» и «интриганом», и с этой поры было решено не обращать на кофийца никакого внимания.

– Почтеннейшие господа и дамы могут понять, – продолжала Чабела, безостановочно расхаживая между креслами и столом. Королева грызла ногти, но это вовсе не казалось чем-то неприличным, скорее пикантным, – что Тараск начал активно противодействовать нашим решениям. Во-первых, срывается поездка Конана, Аластора, Тотланта и Арраса к мятежникам для переговоров с принцем Ольтеном или кто он там есть... Во-вторых, нам всем начали подстраивать мелкие пакости. Мой драгоценный супруг в кои-то веки решился пофлиртовать с дамой, причем с ее же одобрения и согласия, а дама через некоторое время рвет на себе платье, царапает щеку и начинает орать дурным голосом: «Насилуют, насилуют!»

– Насилуют? – Конан внезапно заинтересовался речью Чабелы. – Где?

– Конан Канах изволил проснуться, – фыркнула зингарка, а королева Тарамис откровенно рассмеялась. – Если не будешь слушать внимательно и думать головой, а не местом противоположным, то вскоре изнасилуют тебя.

Конан обвел Чабелу влюбленным взглядом и, прыснув в кулак, проронил:

– Всегда к вашим услугам, моя королева.

– Идиот! – шикнула Чабела. – Слушайте далее. Мы лишились уже двух участников посольства – Аластора Кайлиени, весьма глупо попавшегося в тюрьму из-за неосторожности моего похотливого муженька, и волшебника Тотланта, которому внезапно расхотелось ехать.

– Тотлант, – укоризненно посмотрел на меня король Эрхард Оборотень. – Что я слышу? Тебя действительно запугали какие-то паршивые ксальтоуны?

– Я не отказываюсь ехать, я просто... опасаясь, – я сделал робкую попытку оправдаться, хотя перед моими глазами до сих пор висела жуткая драконья маска колдуна в красной хламиде и вспыхивали искры алого сияния, таящего в себе древнюю и жуткую угрозу.

Можете послушать меня хоть самое короткое время и при этом не перебивать?

Короли и герцоги кивнули.

– Мои страхи заключаются в том, что на Закат внезапно и беспричинно обрушилось мощнейшее волшебство, позабытое уже во времена Валузии. Существует артефакт в виде красного камня, исторгающий Силу, равную силе тысячи волшебников. Но хуже всего то, что артефакт, Камень, находится в руках пятнадцатилетней девчонки, которая неким чудесным образом может направлять его Силу. Я не знаю, как Дана Эрде это делает, но она делает... Неумело, по наитию, методом проб и ошибок.

– Камень отобрать, девчонку допросить, – не к месту и не ко времени вставил король Бритунии Альбиорикс.

– Займитесь на досуге, Ваше величество, – ощерился я в ответ. – Может быть, славные короли вспомнят, какие самые могущественные артефакты известны сейчас на Закатном Материке?

– Мечи Скелоса, – уверенно ответил Конан.

– Корона Кобры, – подсказала Чабела и сразу добавила: – Но мы ее уничтожили десять лет назад. Тот-Амон до сих простить не может.

– Книга Бытия, – заметил Эрхард, пояснив: – Древняя книга заклинаний народа оборотней, любимое чтиво нашего Тотланта. Все обещает покорить мир с ее помощью, но доселе как-то не собрался.

– Вспомнил! – воскликнул принц Ариостро из Аргоса. – Если говорить о книгах, то мы забыли о Книге Скелоса! У нас хранится один из Мечей Скелоса, а следы Книги затерялись, хотя одно время она находилась в Мессантии.

– Добавим сюда такие магические талисманы, как Глаз Эрлика, Секира Света, волшебный бриллиант Звезда Хоралы, – дополнил Конан. – Некоторые из этих вещей я видел своими глазами.

– Да будет мне позволено напомнить почтеннейшим гостям, – вперед вышел гном Дарт и по обыкновению поклонился: – Вы упоминали только об артефактах, созданных людьми. Мы, гномы, тоже некогда увлекались созданием магических вещей. Кувшин Нейглам, исполняющий любое желание (я заметил, что Конана почему-то перекосило), ожерелье Умхийд... Вдобавок по свету и под горами гуляют изделия Изначальных альбов, валузийцев. Магических артефактов довольно много...

—..Но самые известные и могущественные из них мы перечислили, – продолжил я за гнома. – Конечно, можно добавить к списку перстни волшебников (я поднял правую руку и показал всем свое кольцо мага в виде маленькой стальной змейки с красным глазком), однако перстни, скорее не артефакты, а лишь проводники Силы носителя.

– Так к чему ты клонишь? – спросила Чабела, нагнув голову. – Насколько я тебя поняла, ни мечи Скелоса, ни волшебные книги или драгоценные камни, чьи имена мы только что назвали, не могут испускать это самое Алое Сияние? Верно?

– Верно, – кивнул я. – Предполагаю, что кто-то не столь давно обнаружил тщательно спрятанную вещь, созданную в до-человеческую эпоху. И, соответственно, не предназначенную для использования людьми. Если эта вещь действительно находилась в Немедии в течение последнего года, то именно на ее колдовское воздействие можно списать неурядицы, поразившие королевство. А уж если допустить, что Камень принадлежал Тараску, то вывод очевиден – принц использовал артефакт для захвата власти. Волны мощи, исходящие из Камня, умело направленные в определенное русло, могли вызвать смуту в

народе, неурожай, общее смятение умов...

– По-моему, ты преувеличиваешь, – рассудительно сказал Конан. – Ни один волшебный артефакт не может охмурить целую страну!

– А целую страну охмурять и не надо, – пылко ответил я. – Достаточно оказать воздействие на дворец и столицу. Постойте! Если следовать этим размышлениям, то я понял причину внезапного старения и необъяснимой болезни короля Нимеда! Нет, его не травили лотосом или каким-нибудь вендийскими снадобьями! Нимеда медленно убивал Красный Камень! Он подсказывал ему неверные решения, вызывал болезнь, сводил короля с ума!

– Получается, – медленно сказала Чабела, побарабанив пальчиками по каменной плите низкого столика с угощением, – что мы, столь внезапно организовавший Совет королев Заката, раскрыли заговор против Немедийской короны?

– Доказательства? – бросил Просперо. – Ничего, кроме предположений! Да еще основанных на таком зыбком фундаменте, как магия! А магию, уж простите, к ответу не притянешь!

– Зато можно отыскать исполнителей, – снисходительно проворчал бритунийский король. – А дальше дело знакомое – дыба, щипчики.

– Альбиорикс, ты вульгарен, – поморщилась внимательно слушавшая Тарамис.

– Я варвар, мне можно, – гордо ответил бритунийский король. – И Конану можно. И, если уж на то пошло, Эрхарду. А всем остальным нельзя, вы цивилизованные. И поэтому толчете дерьмо в ступе вместо того, чтобы действовать.

– Фу! – хором сказали все дамы – Чабела, Тарамис и Ясмела. – И как же ты предлагаешь действовать, о варварский король?

– Не знаю! Но я не боюсь попытаться!

– Тихо, тихо! – Чабела примирительно подняла ладони, утихомиривая назревающую ссору. – Предлагаю: тянуть, выжидать время и срочно, немедленно, как можно быстрее искать нашего Ольтена и герцогиню Долиану Эрде. Если мы доберемся до них первыми, узнаем правду. Так что, дорогой Конан, тебе прямая дорога на конюшню, седлай лошадь, и в путь, в путь! И Тотлант за тобой. Можете отправляться даже без Арраса, только узнайте хоть что-нибудь!

– Как мир спасти, так всегда Конан нужен, – вздохнул киммериец. – А вы в это время будете прохлаждаться в Бельверусе, пить вино, принадлежащее Тараску, и устраивать приемы с музыкой и угощениями!

– Между прочим, – серьезно сказала зингарская королева, – Ты был близким другом герцога Мораддина, госпожи Ринги и их отпрысков. Долиана Эрде не станет видеть в тебе врага. А все остальные, то есть я, ты, Тарамис, ты, Ариостро, ты, Эрхард и ты, Просперо, на некоторое время взвалим на себя тяжкий груз управления Немедийским королевством. Полагаю, Тараск не будет сопротивляться – знает, подлец, что если с наших голов упадет хоть один волос, Немедия мгновенно получит полновесную войну со всеми странами Заката и будет разбита меньше, чем за две седмицы. Вдобавок нас поддержат мятежники с Соленых озер. Тараск в ловушке. И выпустить его оттуда можем только мы – Совет Королей.

– Хотите, я всем испорчу настроение? Разом? – вмешался угрюмый Хальк. – Что вы будете делать, если Ольтен... так называемый Ольтен – действительно самозванец? Да, Тараск залез на трон не самым достойным образом, но мы не сможем тогда предъявить ему никаких обвинений. Одни слухи, домыслы... Тотлант, с какой долей уверенности ты сможешь определить истинность династической крови предполагаемого наследника трона?

– С абсолютной, – уверенно ответил я. – Я уже приказал дворцовым служкам найти и принести мне вещи, некогда принадлежавшие Ольтену. От каждого человека исходит некий эфир, своего рода запах души и предметы его сохраняют, им пропитываются. Раз плюнуть! Волшебник я или нет?

– Трепло ты, – вздохнул Конан. – Хорошо, на том и порешили. Я и Тотлант выезжаем немедленно, ничего не сообщая Аррасу. Чабела, займись освобождением Аластора. Если я вернусь и узнаю, что его казнили из-за дурацкого поединка, повешу Тараска на главной башне замка, причем не за шею! Эрхард, вдвоем ехать довольно опасно, поэтому отдай-ка мне Веллана. А Эртель пусть сидит в городе и любезничает с Зенобией.

В дверь постучали, но не вежливо, а довольно настойчиво и громко. В проеме появилась усатая физиономия одного из грандов-телохранителей Чабелы.

– Прошу простить за вторжение, – смущенно начал зингарец. – Могу ли я обратиться к моей королеве?

– Что-нибудь случилось, месьор Аликанте? – Чабела вскинулась, увидев обескураженное лицо своего охранника.

– Я бы предпочел сказать об этом наедине, государыня...

– Говори, здесь мои друзья, – отмахнулась Чабела.

– Как бы это... В общем... Нас обокрали.

Конан громко фыркнул.

– А почему я должна об этом знать? – осторожно осведомилась Чабела. – Не думаю, что королеве будет интересно услышать о пропаже сундука с шелковым бельем.

– Дело обстоит гораздо хуже, государыня, – горестно отпустил глаза усатый Аликанте. – Сокровище короны... Скипетр Морских Королей.

– ЧЕГО? – вытаращилась зингарка. – А ну, повтори!

– Нет-нет, сам Скипетр на месте! Пропало Океанское Око!

– То есть как – «пропало»? – упавшим голосом спросила Чабела.

– А так, что было, да и исчезло. Управитель посольства каждый вечер проверяет сундук с вашими драгоценностями, госпожа. Сегодня открыл крышку, и видит – золото погнуто, камень из гнезда вынут... И вот еще неприятность... Видели неподалеку от покоев человека в варварской одежде. Точь-в-точь такой, как на том высоком месьоре, – Аликанте указал на Конана.

– Закрой дверь с той стороны, – процедила сквозь зубы королева, сцепила пальцы замком и шепнула под нос такое словечко, что даже Конан посмотрел на Чабелу с уважением.

– Это переходит всякие границы! – рыкнула Чабела, так, что мы вздрогнули, и неожиданно расхохоталась в голос. – Сначала скомпрометировали мужа, теперь утащили главное сокровище Зингары! Да на этот камень можно половину Аквилонии купить! Конан, признавайся, твоя работа?

– Ага, – оскалился киммериец. – Тебе же сказали: меня видели возле твоих комнат. Хороший камушек, блестящий, голубенький. Можно распилить на шесть частей и продать в Шадизаре или Арэнджуне. Какой доход в казну Аквилонии!

– Вообще-то это не шутки, – нахмурился Эрхард Оборотень. – Если Тараск... И опять никаких доказательств! Чабела, разгони свою стражу, она ни на что не годна!

– А ты превратись в волка, возьми след и найди похитителя! – огрызнулась королева. – Все, месьоры и дамы, разговор окончен. Можно расходиться по своим покоям. Рекомендую

всем проверить сундучки с ценностями и удвоить охрану. И еще. Обнаружив любую пропажу, криков не поднимайте. Придется проглотить. О возникающих странностях немедленно сообщайте мне или Просперо. Конан, Тотлант, чтобы к закату духа вашего в Бельверусе не было! Езжайте на Соленые озера и выполняйте свой долг!

Чабела резко развернулась на каблучке и вышла прочь, громко хлопнув дверью. Я подумал, как же несладко придется зингарским стражникам, охранявшим комнаты Ее величества. С ума сойти – украсть сокровище короны, редчайший голубой алмаз, являющийся символом династии Зингары! Кто мог на такое решиться?

* * *

Я почувствовал неладное, как только спустился к конюшням. Поскольку замок короны Бельверуса – это целый город в городе, обросший пристройками, флигелями, складами, до конного двора и манежа пришлось добираться долго: через крытые галереи, зимние сады, анфилады каких-то запыленных и никому не нужных зальчиков, украшенных оружием и доспехами. При мне была только заплечная котомка, которую можно было легко превратить в переметную суму. В мешок влезло все необходимое – несколько волшебных вещей, которые я постоянно таскаю с собой (как говорится, на всякий случай), две смены одежды, кинжал и сверток, в котором находились два перстня принца Ольтена, его митрианский амулет в виде золотого солнышка и платочек, подаренный принцу какой-то безвестной заморийской графиней. Этих вещей вполне хватило бы для того, чтобы определить истинное происхождение человека, выдающего себя за наследного принца Немедии.

А вот оно, неладное. Стража возле конюшенных ворот дворца почему-то резко усилена и составлена только из немедийцев (аквилонцы, зингарцы и охранники других посольств, если быть честным, контролировали только жилую часть дворца, оставаясь в недружелюбном кольце приверженных Тараску гвардейцев и отрядов кофийских головорезов). Суета, какая-то беготня, отдельные команды... Едва я вошел на конный двор, кто-то из стражей вежливо перекрыл мне дорогу назад – два гвардейца попросту встали у входа в галерею, скрестив пики.

Однако десятник Коннахар Гленнлах и набившийся к нам в попутчики Веллан, сын Арта, не унывали. С шуточками и прибаутками седлали лошадей, громко высчитывали дни, которые мы потратим на дорогу до Эвербаха, ничуть не стесняясь, ругали тупых немедийцев, не могущих самостоятельно разобраться, кто у них король, а кто самозванец, и вообще имели крайне непринужденный вид. Конан поверх привычного фейл-брекена набросил безрукавку из медвежьей шкуры и темно-серый шерстяной плащ, Веллан приделался в обычную дорожную одежду из коричневой кожи с меховой оторочкой, и теперь эти двое в точности напоминали двух разбойников с большой дороги.

– О, Тотлант явился! – Веллан поднял палец к небу. – Опаздываете, благородный месьор колдун. Скоро темнеть начнет, а нам нужно до ночи добраться до ближайшего городка к полуночи от Бельверуса. Хоть и весна, а по ночам еще холодно.

– Какой ты несамостоятельный, – ворчал Конан в мою сторону, – тридцать лет по свету брожу, и все удивляюсь, почему нормальные люди должны за волшебников седлать коня,

заботиться о еде, о ночлеге... Вот твоя лошадь, вот лошадь для поклажи. Проверь узду и постромки.

Мне достался громадный норовистый жеребец вороной масти с (ну вот, опять! Это становится навязчивым!) белой звездочкой во лбу, весьма напоминающей по форме набивший оскомину символ Роты. На что это Конан намекает?

– Будешь у нас воплощением Роты-Всадника! – рассмеялся Конан. – Вороная лошадь со звездочкой есть, а ты волшебник, считай, полубог. В случае чего начнешь кидаться молниями. И вообще, я надеюсь, по дороге ты мне расскажешь об этом самом Роте хоть что-нибудь вразумительное? Ладно, ребята, на-конь! Время поджигает!

– А родина в опасности, – ядовитенько вставил Веллан, забираясь в седло. – Вперед!

На дворцовых воротах мы мурыжились не особо долго, однако на нас отыгрались за все шуточки по поводу немедийцев и королей, по десять раз перечитали подорожные, подписанные всеми высочайшими персонами – от Чабелы до Тараска – спросили у Конана, не поддувает ли ему под плед и правда ли, что киммерийцы под фелй-брекеном больше ничего не носят, потому что заросли шерстью, и с тем выпустили. Мне только очень не понравился взгляд капитана стражи, провожавшего нас. Холодно-насмешливый и одновременно презрительный. Такие глаза бывают у людей, подстраивающих другому какую-нибудь изрядную пакость.

До городских ворот пришлось ехать по пустынному парку, прилегавшему к замку короны. Мы посторонились, когда нас начал нагонять довольно большой кавалерийский отряд, однако немедийцы, вместо того, чтобы проехать дальше, не обратив на мирных путешественников никакого внимания, неожиданно окружили нас и почему-то выставили вперед легкие пики.

– Назовитесь! – приказал пожилой офицер в форме королевского ликтора.

– Как вы мне надоели! – покачал головой Конан и громко сплюнул. – Ну, я Коннахар Гленнлах, десятник личной стражи его светлости герцога Просперо Пуантенского, еду на Полночь с важным поручением Великого совета семи королей. Подорожная в полном порядке, ее только что проверяли на воротах дворца. Хочешь посмотреть?

Я и Веллан тоже назвали имена, но суровый бородатый ликтор не обратил внимания ни на наши титулы, ни на подорожные.

– Из дворца поступил приказ – досматривать любого, кто собирается покинуть столицу. В случае оказания сопротивления, будь ты хоть чужеземный король, хоть золотарь, приказано задержать и препроводить в Башню Висельников.

Мы с Конаном переглянулись. Это что-то новенькое. Очередная выдумка Тараска? Чего он добивается?

– Досматривайте, – пожал плечами Конан. – Что найдете – все ваше.

Первым принялись за меня. И вот тут я мгновенно уяснил, что интрига исходит с самых верхов, из замка. Немедийцы перерыли мой мешок, обожглись о стигийский магический амулет, не допуская, чтобы к нему прикасались чужие, а потом наткнулись на кольца с вензелем «ОНЭ» – «Ольтен, сын Нимеда Эльсдорфа».

– Изъять! – беспрекословно приказал старший ликтор. – Во дворце орудуя грабители и командир стражи замка приказал перехватывать любые вещи, принадлежащие королевской семье.

– Но... – попытался возразить я, однако мне в спину чувствительно ударили тупым концом дровка и отогнали в сторону. Я, однако, остался спокоен – гвардейцы не обратили

внимания на платочек Ольтена, видимо, посчитав его ненужной тряпкой. Да и на солнышке Митры тоже не было инициалов. Грязно работаете, господа ищейки, могли бы и досконально выяснить, какие именно вещи Ольтена были взяты мною в поход на Полночь.

Затем наступила очередь Веллана. Оборотень ругался так, что уши закладывало, но позволил перевернуть свои мешки, ощупать одежду и спросил, не нужны ли кому его старые портянки. Оказалось, что никому не нужны.

Начали обыскивать Конана. Конан старательно возмущался в лучших киммерийских традициях, посоветовал поискать что-нибудь у него под фейл-брекеном, утверждая, что в Немедии такого еще не видели, да впредь и не увидят! Как вдруг...

– Твой мешок? – поинтересовался один из немедийцев, развязывая узелки на переметной суме, снятой с лошади Конана.

– Только вчера у Тараска украл, значит, мой, – буркнул король.

– А это тоже твое?

– Наверно, мое, – бросил Конан, не глядя в сторону обыскивающих, которые как раз вытянули из сумы плотный сверток серой шерстяной ткани.

– Свидетельствую перед всеми, – громыхнул ликтор, – Коннахар Гленнлах признал, что эта вещь принадлежит ему!

Он дернул завязки, и я понял, что в науке подлости нам пока еще рано тягаться с Тараском.

Ах, как оно все оттуда посыпалось! Сверкнуло небесной голубизной Океанское Око, фамильный бриллиант королей Зингары, заблистала мириадами граней диадема с огромным красным камнем, принадлежавшая хауранской королеве Тарамис... Я поперхнулся, увидев церемониальный орден Большого Льва, который носил Просперо. А считать всякие мелкие побрякушки (включая браслет Эрхарда, некогда подаренный нашему королю самим Конаном, и золотую (с бриллиантами и черными рубинами!) чернильницу Халька...) я уже не решился.

Посольство на Полночь провалено!

– Коннахар Гленнлах, – громко и словно бы заучено начал ликтор, – ты обвиняешься в грабеже, оскорблении величеств и попытке вывоза украденных ценностей! Сейчас ты проследуешь в нами в Башню Висельников, где предстанешь перед королевскими дознавателями!

– Сильно, – признался киммериец, даже не пытаясь потянуться к мечу. С четырьмя десятками гвардейцев нам было не справиться, даже учитывая огромный опыт Конана, мои умения в боевой магии и бесшабашность Веллана. Последний, кстати, вообще потерял дар речи, увидев сцену с поимкой грабителя. – Последний раз на такую уловку я попадался лет в шестнадцать. Что я скажу Аластору!

– Так или иначе, отдай оружие и проследуй за нами.

– А мы? – выдавил я слабым голосом.

– Убирайтесь из Бельверуса, – с омерзением поморщился капитан. – Пока я не решил взять вас, как пособников. Тоже мне, послы Великого королевского совета! Таких послов на воротах вешать надо!

По лицу Конана я понял, что тот быстро перебирает возможные варианты развития событий. Драться невозможно, но в то же время Чабела мгновенно освободит его от всех обвинений. Наверняка Тараск нашел лучших воров Бельверуса, передел их в одежду дворцовых лакеев, за одну ночь ограбил всех до единого королей и герцогов, съехавшихся в

гости, чтобы затем подбросить драгоценности Конану, и тем самым обезопасить себя от наиболее опасного противника. О том, что Конан – это именно Конан, знают только Чабела и прочие монархи, вошедшие в общий комплот, да несколько доверенных лиц. Остальные уверены, что «десятник Коннахар» всего лишь мелкая сошка в охране аквилонского посольства.

Тараск одним, примитивным ударом уничтожил все влияние аквилонцев на ситуацию в Бельверусе. Если Просперо начнет защищать вора, то Аквилонского королевство будет обесчещено, а если Конан начнет орать, что он король и наши аквилонцы подтвердят это под присягой на алтаре храма Митры, выйдет еще хуже – король Трона Льва обокрал своих «царственных братьев» как последний шадизарский жулик.

Ситуация, однако...

Учитывая все соображения, Конан выбрал правильную стратегию – он перебрал свой драгоценный меч, подаренный гномами Граскааля и королем Эрхардом, Веллану и поехал вслед за немедийскими гвардейцами, крикнув нам напоследок:

– Тотлант, Веллан! Сделайте все, как и уговаривались! А я уж не пропаду!

* * *

Стены Бельверуса остались далеко позади и город теперь казался лишь темным пятном, обрамленным крытыми тающим снегом равнинами и частыми перелесками. Лошади шли бодро, ветер доносил запахи прошлогодней палой листвы, хвои и отчего-то навоза, я мучительно пытался сообразить, почему меня и Веллана отпустили, а не забрали вместе с Конаном, и не есть ли это часть изощреннейшей интриги Тараска. Молодой оборотень хмуро глядел в затылок своей лошади, неразборчиво ворчал ругательства и вообще имел самый угрюмый вид.

– Тотлант, – наконец позвал меня Веллан, – а положение-то у нас аховое. Кроме нас, никаких свидетелей ареста Конана не было. Может быть, стоило вернуться в замок, рассказать обо всем Чабеле и Просперо?

– Не думаю, – я покачал головой. – Нас чересчур настырно выгнали из города. Сам помнишь, гвардейцы провожали нас до ворот. Попробуйся мы вернуться обратно, нас либо не пустили бы в город, либо отправили вслед за Конаном, в Башню Висельников. И тогда ищи-свищи, куда пропали трое посланников!

– Надо известить Чабелу! Любым способом! – воскликнул Веллан. – ты же волшебник, придумай что-нибудь! Тараск может запросто убить Конана! Ну, допустим, отравить в тюрьме! А потом тело варвара найдут где-нибудь в канаве, в предместьях Бельверуса! Вот, получите, герцог Просперо, вашего десятника – перепился и спьяну захлебнулся в собственной блевотине!.. Тараск Конана узнал, точно тебе говорю!

– А ведь можно его и не убивать, – подумав, сказал я. – Держать в тайной темнице и его именем шантажировать Совет королей. А когда тяжба с престолонаследием закончится в пользу Тараска, Конана отпустят, может быть, даже извинятся... Но представь, сколько вреда может причинить такой оборот событий! А с Чабелой я свяжусь! Нынешним же вечером. Мне нужна только уединенная комнатка в постоялом дворе. Тотлант еще не забыл, как

ставить почтовый портал.

– Хоть какая-то польза от мага... – вздохнул Веллан и протянул руку, указывая куда-то вперед: – Еще два всадника! Кого это понесло на ночь глядя? Но если это немедийская гвардия, несущая очередной привет от Тараска, костыми лягу, но всех положу!

Веллан хищно потянулся к мечу. У него даже черты лица обострились и слегка вытянулись – так обычно происходит с оборотнями, когда они впадают в ярость.

Ничего опасного, дворянин и благородная дама верхами. Невысокий молодой человек приятной наружности и юная госпожа со светло-голубыми глазами и очаровательной формы носиком, слегка напоминающим топор. Почти как у Аластора. Увидев нас, они остановили лошадей, перегораживая дорогу, а когда мы подъехали всего на несколько шагов, темноволосый дворянин куртуазно прижал руку к сердцу, кивнул и громко сказал:

– Маэль, граф Монброн Танасульский, к вашим услугам. Также к вашим услугам – Цинтия Целлиг. Это вы являетесь посланниками Совета королей на Соленые озера?

– Простите, – осведомилась девица по имени Цинтия, – нам известно, что с вами должны ехать еще трое. В их числе некий Коннахар Гленнлах, придворный маг Аррас и управитель Заморы Аластор Кайлиени. Может быть, эти господа отстали?

– А вы кто у нас такие умные? – грубо осведомился Веллан. – Ничего не знаем ни про каких посланников! Едем по своим делам в Пограничье! Освободите дорогу!

– Ты, – темноволосый указал на оборотня, – наверняка из Пограничья. Либо королевский племянник Эртель, либо Веллан, командир порубежной стражи, я читал ваши описания. А ты – Тотлант из Луксура, волшебник при дворе короля Эрхарда Оборотня. Мы вас встречаем. И представляем его величество короля Немедии Ольтена, герцогиню Эрде и Союз полуночных земель, восставших против узурпатора. И все-таки, где король Аквилонии? Нас в точности известили, что он должен приехать!

– За решеткой ваш король, – буркнул Веллан и посмотрел на меня: – Тотлант, тебе не кажется, что о нашей миссии уже знает весь Материк? Придется тщательно выяснять, откуда незнакомым людям стали известны наши планы о поездке к Ольтену. Одно хорошо – нас теперь проводят.

Оборотень оценивающе взглянул на госпожу Цинтию и весьма развязно спросил:

– Милая дама предпочитает пуантенское или либнумское вино? Я готов угостить столь очаровательную девушку любым нектаром, самым сладким из которых является мое дружеское расположение...

– Точно, он из Пограничья, – фыркнула Цинтия. – Милая непринужденность обитателей Полуночи! Может быть, мы доедем до ближайшего постоялого двора и там обговорим возникшие вопросы? Включая политику, магию и пристрастие благородных немедийских дам к разнообразным нектарам?

Я моментально понял, что путешествие нам предстоит незабываемое.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

Упоминаются события романов А. Мак-Даффа «Хозяин Океана» и «Корона Мира». Действие относится к 1291 году.

Упоминаются события романа О. Локнита «Повелитель молний». Действие относится к 1264 году.